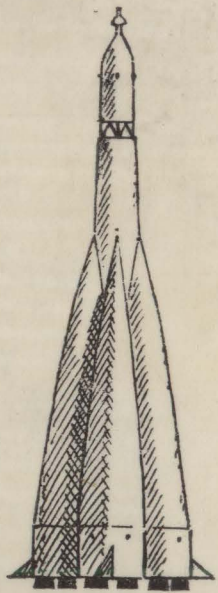

✦ ✦ ✦ ПАВЕЛ ПОПОВИЧ ✦ ✦ ✦ ВЬЛІТАЮ УТРОМ

ПАВЕЛ ПОПОВИЧ

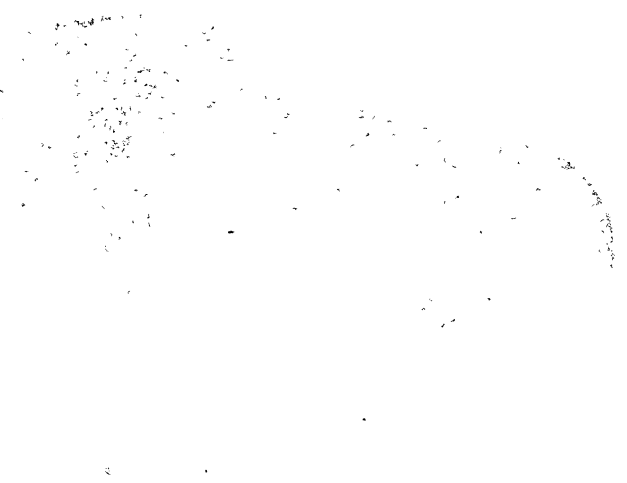

ВЬЛІТАЮ УТРОМ

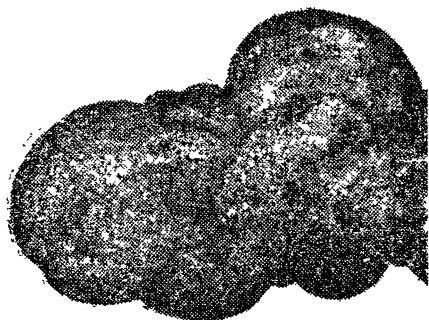
*Жить просто — нельзя,
жить надо увлеченно!*

С. КОРОЛЕВ

ПАВЕЛ ПОПОВИЧ

ВЫЛЕТАЮ УТРОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ · МОСКВА · 1974

Первым, кто прибыл в только что сформированный отряд космонавтов, был Павел Попович. Его назначили нашим командиром, или, как тогда скромно называли, старшиной. Он нас встречал на правах старожилы, устраивал наши семьи, хлопотал по благоустройству городка, вместе с нами оборудовал учебные классы и спортивные площадки.

Как-то сразу приглянулся нам этот веселый, любящий песню и не знающий покоя человек. Были в нем хорошие организаторские способности, искренняя общительность и добрая партийная серьезность. Он был в курсе всех событий. На первом же нашем партсобрании мы единогласно избрали его своим секретарем.

Многому мы у него могли поучиться — деловому постоянству и бодрому настроению, неиссякаемой энергии и, главное, большой преданности делу. Он готов был идти на любые жертвы, но чтобы работа, «служба», как он говорил, не страдала. Всей душой стремился оправдать оказанное ему доверие. В учебе и тренировках старался быть первым.

В те памятные дни, когда наши предшественники по космическому полету — Юрий Гагарин и Герман Титов — находились на орбите, он был их связным. Там, в подзвездной выси, они слышали веселый, певучий Павкин голос, и им спокойней, радостней становилось на душе.

В кругу космонавтов мы часто говорим, что у всех нас схожи биографии. Но особенно сходна жизнь у меня с Павлом. Обоих не баловала судьба. Оба poznали ранний труд, хлебнули трудностей в военное лихолетье. Одной дорогой ушли в космос — через работу и учебу, через авиаучи-

лице и истребительный авиационный полк, вместе учились в военной академии. Впервые в истории космонавтики совершили совместный космический полет.

По существу, об этой дороге в космос и рассказывает настоящая книга. Искренне автор повествует не столько о себе, сколько о тех, кто был с ним рядом и помогал ему в житейском пути — в школе, в аэроклубе ДОСААФ, в боевом полку. Немало интересных страниц посвящено секретарским делам нашего «космического парторга», сегодняшним будням.

Словом, тут частица истории нашего отряда, взволнованное повествование о том, какие тропы ведут в космос. А это, по моему, интересно знать и людям, повидавшим жизнь, и молодежи, «обдумывающей житье», мечтающей о продолжении нашего маршрута.

Вот почему я горячо рекомендую эту книгу широкому кругу читателей.

Летчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза,
генерал-майор авиации А. НИКОЛАЕВ

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

И дым отечества нам сладок и приятен.

А. ГРИБОЕДОВ

ОЙ, ДНИПРО, ДНИПРО...

Есть слова, которые впитываются с молоком матери. Для меня такое слово — «Днипро». Помню его с детства. Правда, смысл слова непрестанно менялся, а точнее, со временем становился глубже, объемнее. И совсем незаметно для меня. Так бывает с деревом, которое выросло на твоих глазах. Помнишь его саженцем. Но пройдут годы, взглянешь на макушку — шапка валится. До звезд достает бывший подросток. А спроси себя, когда же он так вымахал до такой выси, — не скажешь.

Так и с Днпром. Наверное, еще в зыбке услышал я о нем от матери, напевавшей мне нежные колыбельные. А потом сам пел о нем сестренке. На минуту задумываюсь, и словно из тумана выплывают челнами качающиеся жалостливые слова:

Зажурился Дніпро-таточко,
Тихо шепче зіркам-діточкам:
«Спить, мої малесенькі, я вас погойдаю»...

И сладко-сладко становится на душе. Закрывает глаза Надя. Тихо сам клонюсь над зыбкой.

Но бывал Днепр и не такой ласковый, усыпляющий. Набатно он гремел порогами. Это когда тато доставал из сундука «Кобзарь» и, пододвинувшись к висевшей на проволоке керосиновой лампе, начинал читать «Причинну». Мое мальчишеское воображение живо рисовало и высокие ревущие волны, и гнущиеся до земли вербы, и несущийся сквозь ночные тучи белый парус месяца.

Позже былинное величие порожистого мятежника я познавал из рассказа отца. Бывало, летом поедем в поле, заночуем там. Уляжемся на житной скирде и начинаем долгий разговор про всякую всячину. А потом обязательно о Днепре Славутиче.

Тато говорит негромко, с хрипотцой, и мне кажется — над самым ухом ручей позванивает. Даже когда отец на минуту замолкает — думает, мне чудится, что все еще слышу его журчащий басок. И не только слышу, а вижу все рассказанное и дорисованное отзывчивым детским воображением. Вижу переплывающих бурную реку запорожцев, идущих с косами гайдамаков, разукрашенную ладью именитого пана Тенберского, под чье владение попали и наши, узинские земли. И там уже горят горящие помещичьи усадьбы, и торжествующее пламя отражается в глубинах Днепра, и гремят на Крещатике ворвавшиеся с Невы октябрьские ветры, и падают на мостовую седоусые бойцы «Арсенала».

А Днепр грохочет, зовет, бьет волной.

Честно сказать, тато не всю историю Днепра знал доподлинно. Случалось, события менялись местами, а то и вовсе не хотели подчиняться строгому порядку. Все стало на свое место, когда я пошел в школу. Моя первая учительница Варвара Михайловна Воскобойникова настезь распахнула то окошко, что чуть-чуть приоткрыл отец. Света, простора стало больше. И опять бурями ревел, грозами гремел непокорный Днепр, словно поднимая на гребне крутой волны. Это Варвара Михайловна ставила меня на старенький школьный стул, и я начинал декламировать:

Солнце гріє, вітер віє
З поля на долину;
Над водою гне з вербою
Червону калину...

Иногда отец ездил на рыбалку под Голосеевский лес и возвращался оттуда пропахший рыбой, ряской, днепровской водой. Стягивал в сенцах мокрые сапоги, входил в хату босиком и торжественно вручал матери десяток карасей. Мать взвешивала их на ладони, безошибочно угадывая вес, корила:

— И надо было за тем фунтом тащиться в такую даль.

Отец снимал мокрую то ли от пота, то ли от воды рубашку и в свою очередь упрекал мать:

— Не понимаешь ты души рыбацкой. Не в фунте дело. В клеве.

— Та-а куда мне до клева, — отмахивалась мать.

Чувствуя, что не туда повернул, отец поправлялся и говорил, как мне кажется, более точно и откровенно:

— Та нет, дело не в клеве. С Днипром свиделся. Красота-то! Этими днями он утихомирился. Сегодня раненько я поднялся и на рассвете его увидел. Вода — шелк. Голубая, в розовинку на середине. Так и золотится. А как вниз глянешь — еще одно небо под ногами увидишь.

Батько шел на кухню, брал самый острый, сделанный из косы нож и начинал собственноручно, с торжественной деловитостью чистить карасей прямо тут, в горнице. Чешуя перламутровыми блестками покрывала его большие руки, колени, застревала в усах. Казалось, тато только что вышел из днепровских глубин в числе тридцати трех

богатырей. А он чистил рыбу и, не глядя в мою сторону, обращался ко мне:

— Красавец Днипро! Подрастешь, Павлуша, обязательно поедем с тобой в Киев. Поглядишь на это чудо. А то про него стишки рассказываешь, а сам и во сне не видел.

Я уже целиком захвачен предстоящим свиданием с Днепром, допытываюсь:

— А какой он, Днипро, теперь? Говорят, что бурный, не такой, как Дон, тихий.

Насупится батько, задумчиво произносит:

— Нет, сынку, теперь и Днипро тихий. Кто его знает, чего он теперь такой тихий. Давно таким его не видели люди.

То была тишина перед бурей. Полыхнула война.

Не суждено мне было тогда свидеться с Днепром. Однако мысленно я с ним никогда не расставался.

Помню, батько лежал больной, недвижимый: покалечило его взрывом самолета, из-под обломков которого он вытаскивал нашего летчика. Тяжело было отцу. Все время просил пить. Я подносил к его губам кружку, он жадно глотал колодезную воду, а вместе с нею и слезы:

— Если бы вода из Днипра, я бы выдужал...

Часто в бреду просил меня:

— Заспывай мэни про Днипро.

А песня «Рэвэ та стогнэ» нет-нет да и пролетала ночью птицей над Узином. Мы открывали окно. Песня неслась из-за реки. Пели подростки-девчущки.

На шагавших через Узин телеграфных столбах трепыхались желтые с фашистскими знаками бумажки, запрещавшие «нарушать тишину песнями».

По ночам над Узином кружили аисты, потревоженные артиллерийской пальбой. Я глядел на тех птиц и почему-то думал: «К Днепру летят».

Но то было в рассказах, книгах, песнях. А потом я наяву увидел Славутича.

Ранней весной сорок пятого года мы с отцом поехали в Киев за оконным стеклом для школы. Взошли на кручу, и я забыл про все на свете. Река ломала лед. Могучим стоном стонал Днепр, перемальывая ледовую броню и унося вниз, к Черному морю.

Поразила ширь Днепра. Вспомнилось прочитанное в школе гоголевское: «Редкая птица долетит до середины Днепра».

В том же сорок пятом я видел, как солдаты, возвращаясь с фронта, поили коней днепровской водой и пели у костра «Ой, Днипро, Днипро...»

С этими словами я уезжал на учебу в Магнитогорский техникум. С ними же отправился в отряд космонавтов.

Здесь, в Звездном, узнал, что у каждого из моих новых друзей есть своя любимая река: у Юрия Гагарина, Валентины Терешковой и Андрияна Николаева, конечно же, Волга; у Германа Титова —

Урал, у Валерия Быковского — Москва-река. У других ребят — бурный Енисей, Дунай, Дон, песенный Амур, овейная балтийскими ветрами Нева, Буг и какая-нибудь безвестная Волчья. И казалось мне, что каждый из моих друзей носил в характере незримый отпечаток своей реки.

Во время совместного полета с Николаевым мы и там, на орбите, вспоминали Волгу и Днепр. Пели о них песни. А какое опаляющее душу волнение охватывает тебя, когда с космической высоты угадываешь родную реку!

Вскоре после полета я вновь свиделся с Днепром, когда ездил на празднование 150-летия со дня рождения Тараса Шевченко. Со всей округи собрался люд на горе в Каневе, у памятника, где спит Кобзарь. Казалось, Тарас слышал и свой Днепр, и песни тысячеголового хора. Люди пели его бессмертную «Рэвэ та стогнэ Днипр широкий». Рядом стояли девчата с Подолья и Крещатика, хлопцы из Белой Церкви и Причерноморья, с Волги и Урала, Невы и Байкала. Колхозницы, шахтеры, студенты, офицеры. Были тут безвестный солист — лесовоз с Буковины и народный певец Иван Козловский, голосистая доярка с Житомирщины и киноактер Сергей Бондарчук, тот самый, что играл мятежного Кобзаря в кинофильме.

До синих сумерек над Днепром парила песня. Люди зачарованно глядели на охваченный лунным пламенем плес, а мне вспомнилось пушкинское:

Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет.

Это про мои места. Про мою родину.

ПОЛЕ

В придорожной пыли усердно «стрижет» кузнечик:
— Стр-риг-г! Стр-риг-г!
Я ложусь на живот и по-пластунски крадусь к невидимому «парикмахеру». Я уже рядом, но не вижу его. Только слышу одно и то же — дразнящее:

— Стр-ри-г! С-стр-ри-г!

Вроде смеется надо мной: «Я стригу-стригу, а ты не видишь».

Неправда, увижу. Обдирая локти, подползаю ближе, и перед самым моим носом зелено вспыхивают дрожащие стеклянные крылышки. Ах, вот он! Интересно, чем же это так звонко «стрижет»? Наши глаза совсем близко. Только я мигаю, а он нет. Его маковые бусинки упрямо нацелены на меня: мол, думаешь, испугал? Невидадь какая. Как бы не так. Хочешь посмотреть, как я стригу? Пожалуйста! Он начинает быстро-быстро водить «пилочкой» о ножку.

Ах, так ты не парикмахер! Ты плотник, столяр. А может, музыкант? Скрипач?

Мне все ясно. Остается только снять брыль и накрыть тебя. И... вдруг слышу далекое, протяжное:

— Павло-о! А, Павло-о! Дэ ты та-ам?

Это зовет батько. Поднимаюсь, отвечаю: «Иду-у!» и долго из-под козырька ладошки гляжу на растопленное золото степного марева. Оно дрожит над самыми верхушками колосьев и, кажется, лижет их, как вода песок. Бабка Степанида говорит, что это никакое не марево, а просто «бог выгнал пасти ягнят в степь». Я сказал об этом отцу.

— Какие там ягнята, сынок! Степь дышит солнцем и ветром.

Я долго, наверное, слишком долго гляжу и на марево, полощущее хлеба, и на белое полинявшее небо, в котором виражит старый беркут, и на узкую полынную дорогу, разрезающую поле и уходящую прямо в небо.

Мои наблюдения вновь прерывает батькин голос, уже нетерпеливый, требовательный.

— Павло-о! Долго тебя ждать? Бачишь, где солнце?

— Иду-у, тату-у!

И тут я из своего мальчишеского, беззаботного мира переношусь в прозаичный мир взрослой крестьянской озабоченности.

Батькина ссылка на солнце мне понятна: надо скорее косить, пока степь не раскалилась.

Раньше я косил только сено или отаву. Нынче косим жито. По словам отца, в этом году оно не очень густое, а я заметно подрос, значит, могу косить и жито. Это мне льстит. Сегодня мне впервые приготовили не какую-нибудь, а специальную, для хлеба, косу с загребками, от которых, как струны, натянуты стропки к ручке. Рано утром батько долго отбивал косу на металлической «бабке», вогнанной в бревно. За голенищем у отца брусок. Чуть притупится коса — он по ней тем бруском:

— Чик-гик, чик-гик!

У меня тоже такой брусок, но не за голенищем, а в кармане — я без сапог, босиком. И тоже минут через десять-пятнадцать по той косе:

— Чик-гик, чик-гик!

Этот звук мне очень нравится, он вызывает во мне гордость: я — взрослый косарь.

Если коса слишком быстро тупится и не поддается сухому бруску — под копной глечик с водой. Смочишь брусок — сильнее точит косу.

Батько идет впереди, широко и как-то смешно расставив ноги. Переставляет их мелкими шажками в такт звону косы: «Дзинь-джик, дзинь-джик!»

И я тоже:

— Дзинь-джик, дзинь-джик!

Лица его не вижу. Видна только широкая, с прилипшей рубашкой спина, черная, пропеченная солнцем шея да прыгающий в голенище брусок. Стараюсь не отставать. В полном смысле слова иду по

отцовским стопам. Правда, немножко широкогато он расставляет ноги — мои штаны аж трещат, да и босым ногам колко на стерне.

Мы обкашиваем края поля. А потом пойдут жатки — «лобогрейки» или, может быть, даже комбайны. Отец пошире берет, чтобы повторно сюда не заходить. Мне тоже хочется захватить пошире, но, как ни стараюсь, до отцовского замаха не дотянусь. Батько, не поворачиваясь, бросает на ходу:

— Бери, сынок, по своей силе, а то надолго тебя не хватит.

Сказал бы я: «Да меня и так уже не хватает — выдыхаюсь», но молчу, креплюсь. Может, пройдет первая «запарка», как говорит отец.

Действительно исподволь втягиваюсь. Уже и дышу нормально, и руки перестали трястись. Гляжу на косу. Она мокрая от росы, но вдоль буртика влага не течет так, как при сенокосе. Там сама трава истекает соками, а тут жито, оно уже желтое, сухое, только чуть обрызганное утренней росой.

Солнце уже поднялось на четверть высоты к зениту, припекает сильнее. Спина у отца вся мокрая. Но усталости вроде не чувствует. Коса все звонче и бойчее подсекает рожь. Батько разошелся. Гонит косу весело, с упоением. Только побряхтывает:

— Х-хык! Х-хык-к!

На минуту останавливается, достает из-за голенища брусок. «Чиг-гик, чик-гик» — и готово! Проводит по усам ладонью, улыбается мне доброй, но совсем не поблажливой улыбкой:

— Ну, косарь, заморился?

— Нет, — отвечаю. А пот с меня градом катится.

— Ничего, сынок, вон до того загона дойдем, и — перекур.

Отец не курит. Перекур — значит передышка. Он опять становится лицом к ржаной стене и, выводя косу на полный замах, приговаривает:

— Коси, коса, пока роса. Роса долой — и мы домой.

Но росы уже давно нет, а мы домой и не собираемся.

«Дзинь-джи-ик, дзинь-джи-ик», — поют косы.

В лад нашей работе выкрикивают перепела: «Р-рожь пе-ре-спе-ла, р-рожь пе-ре-спе-ла!»

— Не правда, не переспела, — усмешливо роняет отец. — В самый раз.

А перепела все кричат! Но теперь, мне кажется, они поддерживают отца: «К-косить в са-мый р-раз! В са-мый р-раз!»

В конце первого загона отдыхаем. Пьем хлебный квас. С ледком. В погребе он у нас всегда про запас, когда идем в поле, отец бросает в глиняный кувшин большой слюдяной осколок. И наливает квасу.

Квас вкусный, пахнет хлебом и хмелем. Отец не советует много пить — все равно потом выйдет. Лучше просто полежать и посмотреть в небо.

Мы сидим под огромной грушей, неизвестно кем посаженной и давно одичавшей. Я ложусь на спину, смотрю, как в просветы веток

сочится синь неба. Смотрю долго и, забыв про все на свете, незаметно закрываю глаза, погружаюсь во что-то мягкое, невесомое.

Сквозь забытье доносится:

— Ну, сынок, пошли дальше.

Встаем, берем косы и начинаем валить второй загон.

Возвращаемся домой к вечеру. Это самые лучшие для меня минуты. Нет, не потому, что пришел конец работе, а потому, что именно сейчас невероятно быстро растет мой авторитет косаря в глазах мальчишек. Домой шагаю рядом с отцом. Пацаны, еще не бравшие в руки косы, поджидают меня у околицы и, провожая до хаты, пристают, выпрашивают:

— Дай-ка немного коснуть.

— Нельзя, обрежешься, — отказываю степенно.

На улице встречают нас и взрослые, здороваются с бабушкой, уважительно кивают в мою сторону:

— Что ж, Порфирьич, можно с помощником поздравить?

— Можно, можно.

Отцу приятен такой разговор, а мне и подавно.

Дома нас, косарей, уже ждет ужин. Мама как-то торжественно, будто по случаю праздника, обильно накрывает стол. Дымится молодая белая картошка. Собственно, тут все молодое — и лук, и огурцы, и чеснок. Только хлеб еще из старой муки. Отец натирает хлебную корку чесноком и обещает матери:

— Голова сказал, завтра нового зерна выпишет. Повезу молоть в Белую Церковь...

Я сразу думаю о пирожках. Мама печет так, как никто — по моему вкусу. С творогом, с вишнями и еще с молодой картошкой или капустой.

— Будут пирожки? — спрашиваю.

Она сразу понимает:

— Испеку.

Спать иду на сеновал. Беру старый кожух, расстилаю, и — лицом к звездам.

Июльские ночи у нас теплые, звездные. Над головой узорчатое коромысло Стожаров висит. Вот только ведер нет. Мысленно дорисовываю их: одно — где-то за рекой, другое — за Белой Церковью. Может, там и дожди идут. Из тех ведер. Поднимаюсь. Видно далеко-далеко. Нет, над Белой Церковью светло. Над Белой Церковью — луна. Правда, она на ущербе, но светит сильно. Белесым потоком струится ее свет на синеватые поля, на уснувшие тополя у дороги, на вишеник у нашей хаты. И, будто продолжение этого струистого света, за рекой льется песня:

Де ж ти, хмелю, зиму зимував...

Песня мне нравится. По голосам трудно узнать поющих. Но знаю: там наши, узинские, ребята. Они словно зовут меня. А я сегодня не пошел на улицу. С непривычки намаялся. Во всем теле гудит усталость. И все же хорошо, как хорошо чувствовать отзвук работы в

плечах! Я нынче победитель. Над мальчишеской слабостью, над тремя загонами ржи.

В тот день, а вернее, в ту теплую июльскую ночь я впервые по-настоящему осмыслил великую цену физического труда, силу рабочего человека. Нет, не ты делаешь одолжение труду, а он, труд, творит для тебя благороднейшее дело — поднимает, возвышает тебя над твоими слабостями.

Засыпая, я видел степное марево, плотный, тугой тын обкошенной ржи, слышал пересвист мокрой косы: «Дзинь-джи-ик! Дзинь-джик!».

И голос упоенного работой отца: «Коси, коса, пока роса...»

А утром действительно услышал батькин зов:

— Павло-о! А, Павло! Пора.

— Чую, тато. Иду.

АИСТЫ

Первое, что накрепко врезалось в мою детскую память, были хаты и аисты. На соломенной крыше лежало старое колесо. Ранней весной, когда крыша очищалась от снега, колесо напоминало большой глаз, жмуриящийся от света. Оно пристально смотрело в небо, будто ожидало кого-то оттуда, с высоты.

Однажды рано утром отец сказал:

— Прилетели.

— Кто?

— Аисты.

Я выбежал на улицу. На крыше у трубы стоит длинноногая, длинношеяя, длинноногая птица с черными подпалинами на крыльях. Склонив голову набок, она добродушно-насмешливо смотрит на меня, будто хочет сказать: «Ну что ж, здравствуй! Будем знакомы. Я теперь буду жить у вас».

— Здравствуй! — кричу я так громко, что птица вскидывает клюв и словно бормочет: «Ну, разве можно так? Потише!» Она отворачивается от меня и продолжает свое дело — устраивает гнездо. Укладывает прутья, хворост, солому.

В июне вылупились аистята. Они много ели, быстро росли и нетерпеливо тянулись из гнезда. С соседним пацаном Толькой мы бегали возле хаты, дразнили старую аистиху стихами собственного сочинения:

Твои двое аистят
Тыщу лет уже грустят,
Отпусти их, аистиха,
А иначе будет лихо!

И мы накаркали лихо. Неожиданно подули холодные буранные ветры. Наши аисты меньше других пострадали. Гнездо уцелело, лишь один аистенок вывалился. Отец нашел его во дворе, возле будки Громобоя. Пес с задумчивым удивлением смотрел на желторотого

гостя. Отец отнес птенца в гнездо. Видя, как я опечалился птичьим горем, мать поспешила напугать:

— Видишь, что бывает, когда родителей не слушают.

Слезая с крыши, отец возразил:

— Не будешь пробовать — не научишься летать.

У соседей еще хуже. Ветер сломал старый осокорь, на котором жили аисты. Дядька Микола поднял его, подставил ему опоры; и, казалось, что не осокорь, а старик-калека поднялся на костылях. Гнездо уложили на старое место, но хозяйка-аистиха еще долго все пере-страивала на свой лад.

Когда повзрослевшие аистята улетели, отец снял брыль, долго благоговежно смотрел им вслед и почти молитвенно сказал:

— Несите дальше людям счастье.

Так я впервые узнал примету: на чью крышу сядут аисты — тому и счастье.

Вечерами они поднимались высоко над поселком, плавно кружили над околицей, словно любясь и окрестными полями, и рекой, и хатами, и нашими чудесными садами.

Да что там птицы! Мы, пацаны, сами были по уши влюблены в свой Узин.

Поселок наш негустой, но тянется на пятнадцать километров и охватывает около тысячи дворов. Виден он хорошо, когда едешь по большаку из Белой Церкви. Лежит в низине, будто пьет воду из тихой, заросшей камышами Узени. Со всех сторон опоясан садами, рощицами. Запахи яблок и груш встречают путника далеко за околицей.

Сюда, к самой околице, подкатывает зеленая волна хлебов. Это весной. А летом здесь тоже колышется прибой, но уже другого цвета — бронзово-лимонный, будто освещенный неповторимой приднепровской зарей.

Когда начинается или кончается страда, комбайны торжественно-величаво движутся через весь Узин, увлекая за собой детвору. Любил и я прокатиться на комбайне, а если не удавалось — просто пробежаться сзади, глотая пыль из-под колес и оставляя за собой такое облако, что бежавший следом Громобой чихал.

Молотьба шла неподалеку от поселка. Больше всех мне нравился машинист — седоусый дядька Кузьма. Огромного роста, в запыленных очках, в брезентовом переднике, без рубашки, он казался мне богатырем, бесстрашно орудующим в горле железного чудовища. Ловко расстилал перед собой поданный громадный сноп и с непринужденной четкостью бросал его на клыки барабана. А барабан, эта ненасытная стальная глотка, только взвизгивал, поглощая очередную порцию ржи, будто жадно просил, требовал: «Ещ-ще! Еще-е!»

И дядька Кузьма выкрикивал стоявшей рядом бойкой помощнице — своей невестке:

— Добре, Настенька! Добре!

Когда Настю подменял ее муж Степан, дядька Кузьма торопил и без того проворно работавшего сына:

— Дава-ай! Дава-ай!

А машина редела, глотая сноп за снопом и низвергая водопад зерна с половой.

Над полем стоял протяжный рабочий гул. Для меня он был песней. Мы, пацаны, бежали на него, как на зов счастья. Работали со взрослыми с утра до вечера. Коров пасли по очереди. Несчастливцем считал себя тот, кто не мог быть на току. Тут неумолчно гудела молотилка, звенели голоса. Столбом стояла густая, сухо пахнущая хлебом пыль. И, странное дело, люди, казалось, не уставали. Даже в короткие минуты перерыва не утихали голоса. Девчата и хлопцы до хрипоты горланили песни. Потом под пронзительный визг обливались водой. Смеялись до слез, пока дядька Кузьма не подавал команду:

— Ну, що ж, поихалы дали!

То было настоящее торжество труда.

Такими в мое сознание вошли те далекие горячие дни деревенской страды. Я впервые познал не только радость труда, но и его красоту. Мне кажется, что работой дяди Кузьмы мог восхищаться весь мир, как восхищаются люди стихами Пушкина и Шевченко, великой красотой репинских полотен, вдохновенным пением Козловского, танцами Улановой. Я сам упивался работой до самозабвения.

Часто задумываюсь: «Почему так?» И сам себе отвечаю: «Прежде всего потому, что сама жизнь, окружавшие меня люди были освящены романтикой труда».

До позднего вечера мне не хотелось уходить с тока. Но минут на пятнадцать затихала молотилка, дядя Кузьма подзывал к себе ребятшек, говорил нам, как взрослым:

— Ну, хлопцы, спасибо за подмогу. Теперь на отдых.

И нас, малышню, отправляли домой.

Опять я забирался на сеновал, и до моего слуха долго еще доносился веселый зовущий перестук молотилки. А на крыше хаты маячили аисты. Потом птицы сливались с облаками и легко, невесомо пелась над моей головой, косяками тянулись куда-то вдаль, в поле.

Это летели в счастливое завтра мои добрые аисты.

И САХАР БЫВАЕТ СОЛЕНЫМ

А еще видна издалека, с белоцерковского тракта, высоченная труба нашего сахарного завода. Я и ее помню сызмальства. Там, на сахарном заводе, более тридцати лет проработал мой батько. Я часто ходил к нему, носил обеды. Зимой, когда над головой, у окон кочегарки, полночным сычом стонала вьюга, хорошо было сесть возле него и смотреть, как в топке пляшет огонь. Отец у меня вообще крутого нрава, не любит сентиментальностей, но в такие минуты и он бывает необычайно добр, ласков. Смотрит на огонь, глядит меня по голове, неторопливо ведет рассказ.

..Не было в Узине человека беднее нашего деда Касьяна. Дожились до того, что продали хату, сами в землянку перебрались. А из той хаты пришлый делец соорудил мельницу, и вся семья деда Касьяна пошла к нему в наймы.

В семнадцатом году в Узин приехал какой-то паренек то ли из Сормова, то ли из Петрограда. Привез сообщение о революции. Мужики нагрянули в панскую экономию с вилами и лопатами. Хозяин сбежал. Начался дележ имущества. Матери телка досталась. Правда, потом пришлось все возвращать. Власть менялась. Белые пришли. Вскорости наши опять возвратились. И опять крестьян наделили кое-чем. А главным наделом была земля.

В тридцатом году у нас образовалась артель. «Серпень» назвали. Мы с матерью сразу в нее пошли. Летом в поле работали, а зимой я здесь, у огня, дежурил. Вот и по сей день, видишь. Хорошая это работа — с огнем дело иметь. У деда твоего планида другая была. Вишь, сгорел на этом заводе. А здоровьем не обижен был. На весь Узин силой славился. Подкову запросто разгибал. Да вот своей подковы на счастье так и не нашел. Не жил, а мучился. Лиха хлебнул с избытком. Так что, сынок, и сахар может быть соленым...

За окном все выла вьюга, а в печке бушевала другая, огненная, метелица. Так не хотелось уходить от отца, от этого ласкового, веселого пламени. Но батько завязывал в мамин платок посуду и проводил до порога:

— Иди, сынок, а то мать ждет. Придет время, и ты будешь хозяйничать у огня.

Что ж, настало такое время. Правда, не у огня довелось мне хозяйничать, но поблизости — здесь же, на сахарном заводе. Но об этом после.

В 1937 году я пошел в первый класс. Чистейшей души человеком была первая моя учительница. Мне почему-то думалось: она приходилась каждому из нас, тридцати малышей, ну, матерью не матерью, а родственницей обязательно. Главное, что меня поразило, о нас знала больше, чем мы сами. Решительно все: и кто чем дома занимается, и какие у нас слабости, и кто кого обидел, и у кого в чем нужда — есть ли во что обуться, одеться, даже угадывала наши мысли и желания. Я как-то набрался смелости, спросил:

— Варвара Михайловна, а откуда вы все это знаете про нас?

— Как откуда? — удивилась она. — Вот по твоему же лицу душу всю насквозь видно.

Она улыбнулась своей шутке, а мне подумалось, что и впрямь умеет душевные секреты разгадывать.

Но однажды учительская тайна мне чуточку приоткрылась. Я пришел с огорода, где помогал маме полоть картошку. В сенцах услышал негрёмкий разговор. По голосам, звучащим в комнате, узнал батьку и Варвару Михайловну. Учительница расспрашивала обо мне: какой-де я дома, чем занимаюсь, что читаю, как веду себя, послушен ли, нуждаюсь ли в одежде и есть ли у меня стремление к чему-то своему, любимому. Отец отвечал, как на духу. Говорил

и о хорошем («работу любит»), и о плохом («соседской собаке к хвосту консервную банку привязал»). А насчет любимого дела так сказал:

— Полюбит то, что прикажу. Главное, чтобы не боялся мозолей. А любовь, она приходит к тем, кто от нее не бежит.

Варвара Михайловна засмеялась:

— Так-то оно так, Роман Порфирьевич, труд облагораживает человека. Но ведь в жизни столько разных дел. К какому Павло тянется?

— Что значит — тянется? — решительно не понимал батько. — Не он тянется, а его надо тянуть к делу.

Учительница терпеливо и как можно понятливее пояснила:

— Вот у вас любимое дело, как вы говорите, — ухаживать за огнем. А что Павлу нравится? Ведь по приказу можно и бревно катать, а проку?..

Батько уже тише, уступчивее:

— Павлу нравятся машины. Вон их сколько намастерил в хлеву. И мечтает о кораблях, самолетах, о море... Ну, так где я ему возьму здесь, в Узине, те корабли и то море? Сухопутье ведь тут. Вот если бы его в инженеры, — батько мечтательно вздохнул, как о чем-то самом высоком, недосыгаемом и в то же время самом что ни на есть лучшем на свете.

— Что ж, это дело хорошее, — согласилась Варвара Михайловна и тут же от мечты перешла к нынешнему дню: — Только все это впереди. А сейчас что надо? Пускай Павка мастерит, что его душа желает. Не запрещайте. Даже поощряйте.

Я от радости чуть было до потолка не подпрыгнул. Но тут же сник, услышав отцовский довод:

— Разреши ему, так он сарай и хату на машины переделает. Прицепит мотор чи пропеллер, и только бачилы крышу.

Варвара Михайловна стала прощаться, еще раз посоветовав:

— Прошу вас, Роман Порфирьевич, подумайте над нашим разговором.

— Подумаю, — не совсем твердо пообещал отец.

Утром он зашел в сарай и ткнул сапогом в ходовой мостик моей «подводной лодки».

— Сколько дней на это убил?

— Неделю, — робея, сознался я.

— А не лучше ли вскопать бы лишнюю грядку под капусту, чем с цацками возиться?

И молчал.

Батько ушел.

На второй день он принес мне неведомо где добытый целый комплект шестеренок, гаек, болтов и даже чуточку сломанный штурвал от комбайна. Сказал, как приказал:

— Делай так, як треба.

И я перебирал десятки вариантов самых разных машин и уста-

новок, кончив тем, что разбил бутылку со скипидаром, которым управлял корабельный дизель. Впервые отец великодушноничал:

— Бутылку другую купим. Руки и пузо только как следует отмой. Неделю от меня пахло скипидаром.

Я был бесконечно благодарен своей учительнице за проницательность, за широко распахнутые ворота в мир неизвестного. Без конца докучал ей вопросами: «Где берут начало реки? Где им конец? Куда падают звезды? Горячие ли они? Можно ли заставить тучу остановиться над Узином и пролиться дождем?»

Отвечала она с каким-то трогательным пониманием детской души. Без покровительственного тона. Говорила как равная с равным, серьезно, без подделки под ребячий кругозор.

Чтобы удовлетворить мое любопытство, Варвара Михайловна советовала привыкать к чтению:

— Там ты найдешь ответы на такие вопросы, которых и сам не придумаешь.

И я читал. В третьем классе у меня уже была своя небольшая библиотечка. Отец, видимо по совету учительницы, купил десятка два самых важных, как он говорил, для меня книг. Тут были «Кобзарь», «Юноек-Горбунок», пушкинская «Сказка про рыбака и рыбку», «Хижина дяди Тома», рассказы Ивана Франко, сказки Льва Толстого и Марко Вовчка, потрепанные, купленные на базаре «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Деньги на эти книги и на учебники частично я сам заработал.

Учился хорошо, легко. Сам себе составлял примеры, задачи. Однажды написал сочинение о том, как мы, школьники, думаем провести нынешнее лето.

Но лето оказалось для нас нерадостным. Над узинскими полями, где мы собирались ловить маленьких, пушистых перепелят, встали черные дымы бомбовых взрывов.

Началась война. Она пришла к нам вечером, с заходом солнца. Немецкие солдаты появились на белоцерковском тракте в касках, с засученными рукавами и с автоматами на груди. Потом, обгоняя их, потянулись грузовики, подводы, тягачи. Мы с матерью и отцом глядели в приоткрытую дверь, как чужие машины поднимали пыль на нашей улице. Мать крестилась, спрашивала неизвестно кого:

— Боже мой, боже мой, что ж теперь будет?

— Беда будет,— вздохнул отец и ушел в комнату. Сел на табуретку, уронив голову в ладони, долго и молча глядел в пол. Потом с тоской:

— А жить-то надо...

Я понимал отца. Нас было трое детей. Петя, я и Маня. Мал мала меньше. Чем прокормить, да и вообще, как уберечь от нагрянувшей беды?

Всю ночь мы с отцом не спали, делали убежище в сарае. Утром он сказал:

— Что ж, сынок, не сладко нам будет. Но надо сделать так, чтоб и немцам наш сахар соленым показался.

Через несколько дней над сахарным заводом взметнулся столб пламени. Почти сутки горели корпуса, и над Узином стлались маслянистые думы, приправленные горькой гарью патоки.

Не знаю, чьих это рук дело. Но отец, видимо, знал. Потому что, выйдя ночью на улицу, он снял картуз и, как-то непривычно-радостно глядя на зарево пожара, еле слышно прошептал пересохшими губами:

— Добре, хлопцы, дуже добре!

А по поселку уже рыскали эсэсовцы, ища виновников пожара.

ОТВЯЖИСЬ, ХУДАЯ ЖИЗНЬ!

Кажется, в поселке замерла жизнь. Стало тихо, как на дне омота. Оборвались песни. Опустели улицы. Даже собаки забились куда-то и не подавали голоса. Только петухи кричали да одинокие аисты синими тенями кружили над хатами и уже ничем не походили на птиц счастья. И таким тягостным было это безмолвие, что хотелось услышать хоть какой-нибудь шум. Пусть бой, пусть вой снарядов и бомб, лишь бы не эта могильная тишина.

И она расколосась. Взорвали ее наши самолеты. Хотя был туман и чуть-чуть моросил дождь, они появились над Узином так низко, что мы видели их звезды. Алые, наши, родные звезды! Мы, пацаны, наблюдая, как звездастые машины штурмуют колонны немецких солдат, так восторженно орали, что взрослые на нас зашикали: как бы кто из немцев не услышал.

— Пусть слышат! — кричали мы иступленно. — Наши, наши фрицев бьют!

Но торжествовали рано. Откуда-то из-за реки ахнули зенитки, и один наш самолет вдруг сорвался с высоты, задымил и по наклонной, будто с невидимой горы, устремился к земле. Мы, оцепенев, гадали с надеждой и тревогой: может, еще выправится. С диким отчаянным ревом выдыхающегося мотора самолет пронесся над придорожными тополями и скрылся из виду.

Все узинские мальчишки первыми хлынули к месту падения машины. Она врезалась в полуразрушенное здание больницы.

Пришел со стариками и мой батько. Малышню разогнали, начали вытаскивать погибший экипаж. Отломали хвост машины, извлекли застывшее у пулемета тело стрелка-радиста. Совсем молодого рязанского парнишку схоронили на окраине Узина.

Решили извлечь и летчика. Но это было нелегко. Передняя кабина так сплющилась, что открыть невозможно.

— Давайте, мужики, отломим ее от самолета, — предложил отец.

— Один выход, — согласились те.

Подвели под рамы лом, навалились:

— Рр-раз! Два-а!..

Раздался оглушительный взрыв, ослепляюще брызнул фонтан

пламени. Всех, кто стоял близко, разбросало в стороны. Отца шибануло о стенку. Закрыв лицо руками, он тяжело застонал. Двое потом скончались от ран и ожогов.

Отец тоже был на грани смерти. Но спасло недюжинное здоровье, сила воли и, как считал он, днепровская вода. Он просил ее в бреду. Мы давали колодезную и говорили, что из Днепра. Батько пил жадно, с иступленной верой, что именно она, днепровская, спасет, погасит нестерпимый жар в теле.

И жар спал. Но кожа долго не заживала. Сочились черные обожженные раны. Кипяченое подсолнечное масло заменяло все лекарства.

Отец не мог есть сам, и я давал ему еду с ложечки. Он пытался шутить:

— Я тебя кормил, теперь ты меня покорми...

Тогда я и в самом деле кормил всю семью. Марусю немцы угнали в Германию. Петя был маленьким. Из-за болезни отца и мать совсем слегла. Я пахал, сеял, косил. Огород на мне держался.

В тот год наши земли дали хороший урожай. Особенно уродила пшеница. Немцы спешили ее убрать. Начали сгонять народ. Ну, и меня не обошли. Признаться, отнекиваться не пришлось: появилась возможность взять на току что-нибудь для дома. Да, не воровать, а именно взять, потому что свое не воруют. Так считали все узинцы, и намолоченная, приготовленная немцами к отправке пшеница исчезала бесследно, а над узинскими хатами по ночам вкусно пахло теплым хлебом.

Однако довелось отведать не только хлеба, но и плетки. Той самой немецкой плетки, о которой я не имел раньше представления.

На току меня назначили погонщиком быков, по совместительству и «сигнальщиком». Что это такое? Скирдовали солому не вручную, а «полумеханизированным» способом. Через всю скирду набрасывается ~~перевка~~ ~~перевка~~. Один конец тянут волю и волокут за собой на скирду увязанный другим концом тюк соломы. Я стоял наверху и подавал команду, когда тюк был увязан:

— По-ошел!

Потом мне надоело это слово, и я решил сигналить свистом или криком. А голос у меня тогда был сильный, высокий.

И вот навьючили большой тюк, снизу мне махнули: мол, можно тянуть. Я издал визжащий звук. А рядом на току в бричке сидел представитель немецкой комендатуры — долговязый очкастый фельдфебель, вечно жевавший колбасу. От неожиданного дисканта лошадь рванулась, фельдфебель сделал сальто. Выплюывая колбасу, перемешанную с землей, он побагровел и натравил на меня огромную овчарку. Я увидел взъерошенную шерсть и розовую пасть. Собака бросилась на меня, я с размаху ударил ее вилами. Она присела на задние лапы и медленно поползла в сторону.

Но пуще пса набросился на меня сам фельдфебель. Его удар резиновой плетью пришелся по голове и спине. Перед глазами поплыли облака, земля, скирда. А потом вовсе все пропало.

Это был мой первый урок ненависти. При виде одной только фашистской кокарды мое мальчишеское сердце вспыхивало жгучей, физически ощутимой болью гнева.

Но как мы, узинские пацаны, могли мстить захватчикам? Мы донимали немцев тем, что устраивали небольшие рвы на дороге, и фашистские мотоциклисты частенько кувыркались там, ломали машины. Однажды на улице возник настоящий затор. Немцы посчитали виновником своего мотоциклиста, и фашистский офицер отвесил ему звонкую оплеуху.

В сорок третьем отец поднялся на ноги. Немцы тут как тут: погналы работать в кочегарку. Он протянул красные, с едва затянувшимися ранами руки.

— Они же у меня не сгибаются... Как буду уголь бросать?

— Заставим согнуться, — посулил комендант.

Что ж, погнать-то погналы батьку в кочегарку, но согнуть не согнули. Несколько дней кочегарка бездействовала. Комендант орал, грозил всеми карами и смертями, но отец невозмутимо отвечал:

— Где-то что-то закупорило, вода в трубах омертвела.

— Ты сам будешь мертв, — грозил комендант.

Трубы все же пришлось разбирать. Правда, ничего не нашли, но кочегарка вышла из строя еще на несколько дней.

Когда уже нельзя было отвертеться и волей-неволей пришлось разводить огонь, отец часами молча просиживал у топки и думал, думал о чем-то своем. Однажды сказал мне:

— Самое худшее на свете дело, сынок, работать под ружьем. А я вот дожил до этого.

За эти дни он как-то осунулся, похудел больше, чем во время болезни. В усах густо забелела проседь. Увидела его бабка Степанида и запрыгала:

— Рано, рано мукой торгуешь, Роман.

— Не мукой, а снегом, — поправил батько, и в его глазах вперые закипели дробины слез.

Осенью ветры пригнали облака из-за Днепра. Батько часто выходил на улицу, часами стоял посреди двора босой, с непокрытой головой и сам с собой разговаривал:

— Ну, когда ж, когда?

Я понимал: когда от Днепра придут добрые вести, когда же вернутся наши?

Словно в ответ на это, как-то утром над поселком появились наши самолеты. Они вынырнули из облаков и прошлись бредущим над скопившимися у околицы немецкими машинами. Фашистские грузовики запылали.

Ночью прошли немецкие обозы, в поселке стало необычайно тихо, как перед грозой. Даже петухи не пели в ту ночь. Лишь издалека едва доносился сухой треск пожаров. Люди не спали. Все ждали чего-то...

Перед рассветом на Первомайской улице показался всадник. Кто

он — свой, чужой? Отец присмотрелся и шагнул за калитку. Вернулся, от радости двух слов не свяжет:

— Сынок, то ж свой... Со звездой...

Со звездой — значит наш. Спросил, в какую сторону направились немецкие обозы, и умчался. Еще долго в темноте цокали копыта, а мы с отцом настороженно прислушивались: подковы будили надежду на счастье.

И утром оно явилось. В Узин вступили наши войска.

Правда, вначале узинцы малость оробели: погоны для нас были новостью, никто о них не знал. Но ясность внесли звезды на пилотках. Я подошел к рослому усачу, старшине, и потрогал на его груди ордена и медали.

— За что вам дали, дяденька?

Он весело ответил:

— За то, что жив остался.

Потом нахмурился, пожевал жесткий ус:

— А вообще, сынок, за ваш Узин мы дорого заплатили. Живи и никогда не забывай об этом.

— Не забуду, дяденька.

Он вдруг взял меня за плечи и покачал головой:

— Ох, и худющий же ты, братец. Ну, ничего, были бы кости.— Он порывлся в полевой сумке, достал кусок сахара.— Подкрепляйся. Сел на коня и подмигнул мне по-свойски:

— Отвяжись, худая жизнь, привяжись хорошая!

Стегнул гнедого, и только пыль взметнулась под копытами.

А я стоял, зажав в кулаке сахар, и все смотрел вслед старшине. Кажется, по сей день звенят в ушах его слова: «За Узин мы дорого заплатили. Живи и никогда не забывай об этом».

Я не забываю. Да и как забудешь, когда совсем недавно в Узине при строительстве дома нашли позеленевшую гильзу, а в ней записку:

«За Узин сражался сержант Бобров. Сам я из Белой Церкви».

Спасибо, земляк, что ты, пройдя мимо родительского порога, сражался и за мой порог, и за мою жизнь. Спасибо, войны, что вы спасли нас для того, чтоб мы несли ваше святое дело дальше, до самых звезд. Собственно, это вы своей жизнью проложили нам дорогу в подзвездные выси. Мы, ваша смена, всегда помним об этом!

ДРУГ МОЙ ЛЕШКА

худая жизнь и вправду стала потихоньку «отвязываться». Но совсем не отвязалась. Еще шла война. Над Узином то и дело проносились бомбардировщики. Мы жадно вдыхали воздух свободы. Ребята сразу заговорили о школе. С помощью учителей мы приступили к переоборудованию квартир под классы. Сами делали столы, стулья. И вскоре сели за учебники.

Правда, они были не у всех. На десятка три школьников пять-семь книжек приходилось. С тетрадями еще хуже. Писали на каких-то бухгалтерских бланках и оставленных немцами толстых, с плотной бумагой книгах. Учительница говорила, что там описывалась история германского государства. Но мы в тех книгах между строк заново писали историю — правильную, честную, мужественную: о Ленине и Октябрьской революции, о Коммунистической партии и победах советского народа.

Руководителем нашего класса была Мария Ивановна Шульга — маленькая, живая, веселая. Она вносила в наши дела ту радостную, мечтательную озабоченность, без которой немислима ребячья жизнь. То мы что-то строгаи, клеили, клепали, то устраивали спортивные соревнования, то собирались на спевки. Порой ребята тянули кто в лес, кто по дрова. Но учительница не сердилась. Только смеялась: — Далеко в лес не ходите, а то заблудитесь.

Потом голоса становились стройнее, и вот уже в открытые окна вольной птицей вылетает на простор дружная, слаженная «Бура мглою небо кроет...» и плывет, плывет над вечерющим Узином.

В сорок шестом я пошел в седьмой класс. В этом же году вступил в комсомол. Учеба шла хорошо. Любил я по-прежнему математику и литературу. Увлекался спортом. До упаду гонял футбольный мяч. Еще нравилась стрельба. Дали нам в школу малокалиберку, и мы поражали фашистов, которых очень смешно рисовал Толька Семеновский.

Казалось, энергии таялось в моем тщедушном теле хоть отбавляй. И я решил взвалить на плечи еще одну ношу — пошел работать весовщиком на сахарный завод. Жилось нашей семье, как и другим, пока не важно. Хлеба мало, и с одеждой туговато. Вот и решил я немного заработать.

Но хлеб оказался трудным. Работал я в ночную смену, а днем — школа. Исхудал. Но тянул до тех пор, пока в Узин из Белой Церкви не приехал мой дружок Леша Компанец. Он жил через улицу, напротив нас, а учился в Белой Церкви в ремесленном училище. Посмотрел на меня и ахнул:

— Ты ж доходишь! Смотри, на кого похож. На бабу-ягу. Что с тобой? — И, не дав ответить, предложил: — Знаешь что? Поехали со мной в Белую Церковь.

— Чего я там не видал?

— В ремесленное училище.

— Но я же седьмой класс еще не кончил..

— Там кончишь.

— А кто разрешит? Ты?

Лешка на секунду задумался и сказал:

— Поехали, а там видно будет.

Чудак этот Лешка. В его курчавой голове рождаются самые невероятные идеи, решить которые, по его мнению, ничего не стоит, лишь бы только были желание и настойчивость. Кто его знает, может, он и прав. А что, если попробовать?

Всю ночь я не спал, на второй день пошел к Марии Ивановне и выложил Лешкину идею.

— А сможешь ли ты одновременно учиться и в школе, и в училище? — спросила учительница.

— Смогу. Лишь бы разрешили.

— Ну, что ж, мы посодействуем... Если что, Папа, возвращайся сразу в Узин.

По дороге в Белую Церковь у Лешки возникла новая идея:

— Ты выкладывай сразу две просьбы — чтобы разрешили учиться в седьмом и чтобы приняли на второй курс ремесленного.

— Как на второй? — насторожился я.

— Ты азы плотницкого дела знаешь? Знаешь. Рубанок, фуганок, пилу и прочее умеешь держать? Умеешь.

— Не только держать, а работать умею. Вон в школе и парты делал, и столы, и даже рамы.

— Ну, так чего же тебе еще надо? Для первого курса это неплохо.

— А что, идея! — загорелся я.

Завучем в училище был Воробьев. «Знатоки» предупредили:

— Не ходи и не пытайся. Строгий.

Но я пошел и был принят неожиданно тепло. Завуч одобрил мое намерение, даже ободрил:

— Справишься. Только не ленись. А мы поможем.

В ремесленном я окреп, втянулся в спорт.

Приехал домой загорелый: работали-то в училище больше на улице. Отец увидел, прокряхтел:

— Смотри, не заплыви жиром, как селезень.

А у Лешки уже зрела новая идея:

— Знаешь, что, давай махнем в какой-нибудь техникум.

— В какой?

— Надо подумать.

Посоветовались с Воробьевым.

— Есть хороший техникум в Магнитогорске. Индустриальный. Но вот поработайте малость и потом опять за учебу.

А мы уже загорелись: отпустите и баста.

Завуч не согласился.

Мы не успокоились. Послали в Магнитогорск запрос. Получили ответ. Положительный. И с письмом к завучу, чтобы не задерживал нас. Воробьев печально улыбнулся.

— Поезжайте, жаждущие знаний. Может, так действительно будет лучше. Время покажет.

— Покажет, обязательно покажет, — закивал Лешка.

Экзамены мы сдали в Киеве. Вернулись домой, взяли пожитки и попрощались с родными.

Тронулись в путь первого сентября. Приехали в Киев, стали покупать билеты, а денег — тютелька в тютельку.

— Ехать вам, мальчики, одиннадцать суток, — сообщила кассирша ангельским голоском страшную для нас весть.

Матери, конечно, напекли нам ватрушек, но на сколько их хватит — два-три дня? А дальше?

— Что-нибудь продадим,— предложил Лешка.

И вдруг ко мне подходит высокий, худой человек, сует сторублевку:

— Ничего не продавайте, перебьетесь этой сотенной.

— Перебиться-то перебежмся...— Я совсем оторопел.— Но как мы возвратим деньги?

— Берите, хлопцы! — и ушел.

Мы как вкопанные стояли минут пять, не веря в подвернувшееся счастье.

Приехали в Магнитогорск с опозданием. Группы уже созданы, приступили к занятиям. Но добрая, простая женщина — замполит — успокоила нас:

— Ничего, ребята, догоните. Столяры нужны.

МОЯ МАГНИТКА

Дымная, огнедышащая, она издали похожа на многотрубный корабль, плывущий по красноватым волнам нагорий. Я впервые увидел, как плавится металл, впервые ощутил пресноватый запах железа, впервые испытал неповторимо-тревожное чувство причастности к большому городу, к его людям, с которыми встречался каждое утро, идя в техникум или на практику в цех.

Первыми моими знакомыми оказались известные всему городу люди — семья знаменитого магнитогорского металлурга Грязнова, чье имя носит одна из улиц города. Грязнов прославился сталеварским трудом в предвоенные годы, потом ушел на фронт и пал смертью героя. В поселке Крылово остались его жена Клавдия Ефимовна и приемная дочь Галя. Когда мы с Лешей появились в техникуме, измотанные дорогой, в видавших виды фуфайках, у общежития встретила нас немолодая женщина и как-то по-домашнему предложила:

— Пошли, мальчики, покормлю.

Мы покорно пошли за тетей Клавой. Посадила она нас на кухне. Горячие пельмени, хлопотливый говорок хозяйки, убаюкивающее тиканье часов — все так напомнило родительский очаг, что Лешка, забывшись, неожиданно обратился к Клавдии Ефимовне:

— Ма, сколько времени?

Клавдия Ефимовна улыбнулась, взглянула на старинные часы с гулким боем:

— Одиннадцать, сынок.— Потянула гирьку и заглянула в соседнюю комнату: — Хотите, сейчас у вас будет сестренка? Галя, а Галя! Познакомься.

Из комнаты вышла светлокосая девчушка с тугими, как яблоки, щеками. Познакомились. Лешка пошел в разведку:

— Мне кажется, вы любите песни.

— И песни, и вообще музыку.

— Может, сыграешь что-нибудь? — вмешалась Клавдия Ефимовна.

Галя повела нас в соседнюю комнату. Там стояло черное, лакированное пианино. Присела. Маленькие пухлые пальцы побежали по клавишам. О, как она играла! Для меня это был первый урок классической музыки. Галя играла Чайковского. Мне чудилось, что я слышу что-то свое, давно выношенное, когда-то услышанное, но только сейчас выплеснувшееся из самой души.

Потом мы с Лешей почти каждое воскресенье спешили на домашние Галкины концерты. К нам присоединился Борька Клачков из восемнадцатой группы, такой же любитель музыки и песен. Ходили пешком через дамбу в поселок Крылово. Возвращались поздно вечером с жаркими спорами об услышанной музыке.

В общеклассической я подружился с коренастым царенком — Мишкой Юдиным. Учился он уже на третьем курсе, но это дружбе не мешало. Мы с Михаилом гоняли футбол, ходили на танцы, пели в хоре. Мечтали махнуть куда-нибудь на Север, чтобы почувствовать настоящую романтику. Как-то шли с Банного озера, Мишка дал волю фантазии:

— Представь, на острове Сердце-не-Камень (оказывается, есть такой остров в Ледовитом океане) мы строим громаднейший комбинат...

— Какой именно? — попытался уточнить я.

— Допустим, металлургический.

— А откуда руда в океане?

— Не в этом дело, — сердился Мишка. — Главное, мы строим что-то грандиозное. И первый колышек на острове забиваем мы с тобой.

Я согласился: да, это здорово — поставить первый колышек.

Такой колышек нам довелось застолбить.

Стояла поздняя уральская осень с ее холодными дождями и ранними утренниками. В окрестных колхозах спешили убрать картошку, но людей не хватало. Горком комсомола снарядил на уборку комсомольские бригады из студентов и старшеклассников. Мы с Юдиным оказались в одной бригаде. Работали в отдаленном колхозе, поля которого растянуты на десятки километров. Чтобы не тратить времени на переезд, решили обосноваться в поле. Разбили палатки. Говорю Мишке:

— Считай, ты забил колышек на острове Сердце-не-Камень.

Да, сердце — не камень. Хлынули такие затяжные дожди с ветрами и снегом, что в наших палатках невозможно было согреться. А тут еще однажды почему-то не привезли обед. Зароптали некоторые студентки, стали собирать пожитки:

— Хватит! Домой.

И тут выскочил из палатки Юдин. Всклопоченный, позеленевший от холода и ярости, замахал кулаками:

— Хлюпики! Это же дезертирство! А если бы вас на остров строить гигант? А?

Ребята не поняли, о каком острове говорил Мишка, но уразумели главное — стыдно драпать в такое неподходящее, трудное время.

Никто не уехал.

Иного склада характера другой Мишка, также мой техникумовский приятель, однокурсник Сивницкий. Этот тоже человек конкретного дела, но тихий, уравновешенный, не любящий распространяться о высоких устремлениях. Молча делает свое дело и этим сильнее слова действует на ребят.

Мы с ним учимся в одной группе, практикуемся у одного мастера — Емельяна Ивановича Лепихина, работающего на мебельной фабрике. Лепихин чем-то походит на белоцерковского Пахомыча — та же мастеровая хватка, та же преданность профессии. Дорожит маркой своих изделий. Просто не умеет делать плохие вещи. Добропорядочность не позволяет.

На днях принес в цех стул, поставил, как экспонат, на стол и помапил пальцем молоденького столяра:

— Вот купил в мебельном. Твоя работа?

— Кто же его знает? — повел плечом долговязый паренек.

Мастер перевернул стул, ткнул стамеской в какую-то надпись:

— Твои каракули?

— Да, я расписался. А что нельзя?

— Почему нельзя? Это даже хорошо — сразу видно, чья работа. Но только вот за такую халтуру стыдно даже расписываться. Халтура! — повторил мастер, дернул за ножку стула, и на пол посыпались палочки.

Таким, в расстроенных чувствах, мы редко видели Емельяна Ивановича. Человек он покладистый, душевный, любит природу, садовничает. Частенько приглашает нас домой, показывает свои диковинные яблони с полукилограммовыми плодами, а хозяйка Екатерина Ивановна угощает пышками с вареньем.

Захотелось и мне похвастаться своим узинским садом. Поехал в июле в отпуск и привез чемодан краснобоких «украинок». Яблоки понравились Емельяну Ивановичу, ел и нахваливал.

— Ну, а семена пустим в дело, — сказал мастер. — Посадим и вырастим украинские яблоки.

Посадил. Семена дали ростки.

Есть у Емельяна Ивановича еще одна страсть — резьба по дереву. Вся квартира украшена древесными узорами, пейзажами, портретами. Этим искусством увлекаются и дети Лепихина — сын Степан и дочь Таня. На выставке в Челябинске лепихинская древесная картина «Перекуем мечи на орала» удостоена диплома первой степени. Пытаюсь и я пробовать свои силы в резьбе — ничего не получается.

— Главная твоя беда, — говорит Емельян Иванович, — торопливость. Спешись побыстрее закруглиться. А тут нужно терпение.

Не знаю, может, и терпения недостает, но главное, видимо, заключается в том, что у меня начисто отсутствуют наклоности ху-

дожника, которыми так щедро наделен мой мастер. Но я рад и тому, что основное дело, которому обучает меня Емельян Иванович, осваиваю неплохо. Со временем научился мастачить не только, скажем, стулья и табуретки, но и диваны, кресла. Одно мое кресло красовалось на училищной выставке.

Не знаю, как кому, а мне нравится, когда я чувствую, что каждый мой час, минута напряжены до предела. Некогда скучать, полная возможность испробовать свои силы, способности.

А дел у нас с Лешей невпроворот: учеба и гора общественных поручений. Меня назначили внештатным инструктором горкома комсомола, руководителем кружка истории СССР. Ежевечерне бегаю на стадион, играем в футбол со студентами металлургического института, увлекаюсь легкой и тяжелой атлетикой, лыжами, волейболом. В техникуме сколотили команду, которая участвовала в традиционной эстафете на приз газеты «Магнитогорский рабочий». Ивану Абанину и мне пришлось бежать на самом трудном участке — каменистая, пересеченная местность. По неопытности набили кровавые мозоли. Но все же пробежали быстрее других, и наша команда вышла победительницей. А это совсем здорово.

Но, пожалуй, самая сильная моя страсть — песня. В техникуме большой слаженный хор. Руководитель им страстная песенница Таисия Федоровна Мухачева. Присмотрелась она к нам с Лешкой и сказала:

— Будете петь дуэтом.

У Лешки баритон, у меня, кажется, тенор. Попробовали запеть в хоре — вроде получилось.

Меня избрали старостой хора.хлопотливое это дело. Бегаешь по общежитиям, собираешь ребят на спевки. У каждого своя отговорка. Кто-то приболел, кого-то надо подменить, где-то отыскать новый голос. А затем составить программу, «прокрутить» ее, как мы говорили, чтобы потом безупречно выступить то ли на металлургическом комбинате, то ли на мебельной фабрике, то ли в подшефном колхозе. И наш хор трудовых резервов гремел не только в городе, но и на всю округу. На областном смотре мы заняли первое место. Ездили по селам. Порой не находилось площадки. Выступали на сдвинутых кузовах машин или же отправлялись на поиски досок и тут же сколачивали «эстраду».

ГОРА С ГОРОЙ...

Сом спит. В этом я убежден. Сквозь тонкую пленку воды мне ясно видны его закрытые глаза. Ослизлые, под цвет ила плавники и длинные, похожие на проволоку усы недвижно покоятся на дне мелководной речушки. Лешка не согласен со мной:

— Рыба глаза не закрывает. Век у нее нет...

— Сом — особая рыба, — не сдаюсь я и предлагаю выловить его исподней рубашкой. — Давай заходи слева.

Мы стоим в воде с подвернутыми штанинами. Лешка уже соглашается, что сом спит, но предлагает другой способ ловли:

— Давай ему под самые усы поднесем крючок с насадкой и вежливо разбудим. Спросонья обязательно хватанет...

Я вношу более рациональное предложение: руками. Без всяких крючков. Так надежнее.

Потихоньку заходим с тыла. Забыв, что я в одежде, плашмя падаю на сома. Тут же плюхается Лешка. Меж моих пальцев проскальзывает холодное тело. Сом метнулся к Лешке. Спрашиваю:

— Есть?

— Здорово ты его схватил!

— Да я не схватил! Думал, что ты...

— А что я? — мрачнеет Алексей. — Ты же ближе...

— Ближе, ближе, — тяну я с обидой.

Неожиданно с противоположного берега доносится:

— Эй, ребята, ваш сом на сушу выскочил.

— Где? — оглядываюсь я.

Сидящий на берегу рыбак показывает удилищем:

— Вон к автобусной остановке побежал. Боится опоздать.

Мне хочется сказать в ответ что-нибудь дерзкое, но рыбак дружелюбно приглашает:

— Идите сюда, поучу рыбалить.

Нам нечего терять. Промокшие, бредем на ту сторону. Подходим, и я замираю: передо мной знакомый человек. Где я его видел? В потертой кожаной куртке. Подбородок в шрамах. Ко лбу прилипла белая прядь жиденьких волос. И глаза, глаза... Такие синие-синие. Для мужчины даже слишком красивые. Он тоже вопросительно глядит на меня, стоящего по пояс в воде, и хмурит высокий лоб. Я не выдерживаю поединка взглядов.

— Мы где-то встречались?

— Кажется, да. А вот где? Ну, что же кисните в воде? Вылезайте, — прикрикивает он на нас, и мы покорно вылезаем на берег.

— А теперь вот что... Снимайте обмундирование, сушите. Вот тут на кустах. Не бойтесь, не унесу ваши штаны.

Мы снимаем одежду и остаемся в чем мать родила. Благо никого нет, и солнце пригревает. Не холодно, да и одежда быстрее сохнет. Рыбак подает нам жесткую плащ-палатку:

— Прикройтесь, а то не совсем удобно так переговоры вести.

Мы накидываем на себя плащ-палатку, садимся рядом. Рыбак обращается ко мне:

— Во-первых, давай выясним, откуда ты?

— С Украины.

— Ну, вот, теперь, кажется, ясно. Зовут меня Семеном. Семен Михайлович. Конечно, не Буденный. Тарасенко. А тебя не Пашкой величают?

— Дядя Сеня?!

Теперь я все вспомнил...

Как-то наши ребята заинтересовались, откуда взлетают появляю-

щиеся над степью спортивные самолеты. Отправились мы в дальний путь. Как и следовало ожидать, увидели огромное зеленое поле, откуда нас выпроводили. А меня, уже юркнувшего в кусты, «пленил» какой-то человек в кожаной куртке и ботинках. В руке — планшет с пристегнутым к нему странным, очкастым шлемом. Человек мне показался таким молодым, красивым, что, когда он снял фуражку, я искренне удивился седине. И еще — иссеченному шрамами подбородку.

Он оказался добрым человеком. Не прогнал меня, а наоборот, узнав, зачем я приходил, повел к самолету.

У меня захватило дух. Это был «живой», настоящий истребитель. Небольшой, но такой таинственно недосягаемый, будто с Луны прилетевший.

Человек посадил меня на плоскость. Я заглянул в кабину и увидел множество приборов. Не верилось, что можно разобраться в этом хитроумном сплетении.

Мы познакомились с летчиком. Он, как и сейчас, назвался Семеном Михайловичем и пошутил, что он, мол, не Буденный. И если я, дескать, еще захочу посмотреть самолет, то должен прийти в четверг утром и ждать его, Семена Михайловича.

...Пришел я слишком рано. Часа два пришлось топтаться возле шлагбаума. Я был босиком, и от холодной росы, как от кипятка, ноги стали красными, будто у гусака. Дежурный смилостивился и пригласил в будку:

— Иди, погрей нос.

Из будки я увидел приехавших на машине летчиков. Выбежал и стал искать меж них своего Семена Михайловича. Бегал, как отбившаяся от хозяйина собачонка, заглядывая каждому в глаза. Но дяди Сеня не было. Чья-то огромная ладонь легла мне на голову.

— Что потерял, хлопец?

— Мне нужен Семен Михайлович. Такой красивый...

— Ты смотри, какая исчерпывающая характеристика! — кивнул товарищам остановивший меня летчик. И опять ко мне: — Эх, братец, не повезло тебе. Прихворнул твой Семен Михайлович. В больнице.

Кто-то на ходу бросил:

— И чего это он с малышкой связывается?

— Нет своих, так хоть с чужими тоску разгоняет, — ответил другой.

Они ушли, а я стоял, как пришибленный. Было непонятно, как же это так: здоровый, красивый дядя Сеня — и вдруг в больнице? Мне вообще казалось, что спортсмены, а тем более летчики, никогда не болеют. И почему я не спросил, где находится эта самая больница? Может, меня пропустили бы к Семену Михайловичу?..

Пошел к нему на аэродром в следующий четверг. Потом еще и еще. Целый месяц ходил, пока его не встретил. Семен Михайлович предложил мне посидеть в самолете. Даже шлемофон разрешил надеть.

...И вот спустя столько лет мы встретились вновь. Он качает головой:

— Гора с горой не сходится, а человек с человеком обязательно сойдется.

Смотрю на дядю Сеню и тоже качаю головой: как постарел! Он, видимо, догадывается, о чем я думаю, и спешит развеять мои грустные мысли:

— Ты только, Паша, не жалея меня. Я сам могу кое-кого пожалеть.

Достает из кармана «Казбек», прикуривает и сильно закашливается:

— Жизнь, правда, моя может кое-кому показаться нестойкой, но я бы ее ни на какую другую не променял.

Незаметно Семен Михайлович стал расспрашивать о нашем житье-бытье. Я начал путано отвечать, но он остановил:

— Идите, ребятишки, посмотрите на свою одежду. Может, уже высохла. А то небось продрогли, как цуцки...

Мы действительно окоченели и стали кладать зубами.

Одежда высохла. Быстренько оделись и опять — к дяде Сене. Он подхватил удочку: на крючке живым серебром сверкнула плотвичка. Снял ее и пустил обратно в воду.

— Живи в своей стихии.

Сматывая леску, спросил меня:

— Ну, а где твоя стихия?

Объяснил я, что учимся с Лешкой в здешнем техникуме, готовимся стать строителями.

Семен Михайлович опять потянулся за папироской, снова закашлялся.

Я сейчас только увидел, как он сильно постарел — жиденький чубчик весь белый, высокий лоб вспахан морщинами, даже некогда красивые глаза как бы вылиняли, стали похожими на синеватый лед. Посмотрел на меня, покачал головой:

— А я думал, пойдешь по летной линии.

— Так где же здесь эту линию найдешь? — из самой души вырвалось у меня.

— Как где? В Магнитогорске есть аэроклуб. Вот и давай туда.

— У меня там нет знакомых.

— А зачем они тебе? Иди, стучись. Не будешь стучаться — не откроют. У меня есть там знакомые инструкторы. Но страшно не люблю протекций. Лучше без них. По-нашему, по-летному.

На второй день я и впрямь стучался в дверь кабинета начальника аэроклуба. Но он мне с ходу отказал: поздно. Набор уже окончен. Велел приходить в следующем году. Заодно посоветовал нажать на спорт.

Я увлекся акробатикой и штангой. Осмелился подняться на ринг. Два раза мне расквасили нос, и с боксом я расстался.

ИЩУ АЭРОДРОМ

Через год мне не пришлось стучаться в дверь аэроклуба. Оттуда к нам, в техникум, пришел инструктор. Не знаю, как получилось, но я не решился поднять руку и сказать: «Запишите меня». Сухой, словно высушенный аэродромным ветром летчик коротко объяснил суть учебы в аэроклубе, ярко обрисовал перспективы: отсюда можно идти в гражданскую авиацию или в военное летное училище, а там — истребители, бомбардировщики, штурмовики. Предупредил — принимать будут только тех, кто в техникуме учится без «хвостов».

Записалось девять парней и три девочки. Я не записался, хотя у меня «хвостов» не было.

Инструктор спрятал список в портфель, велел записавшимся пройти медицинскую комиссию и через две недели пообещал сообщить, кого принял.

Уже в коридоре я догнал летчика.

— Запишите!

На меня взглянули острые, с яркой прозеленью глаза:

— А чего раньше думал?

— Да, думал...

— Это хорошо, что думал. Ну, а решил твердо?

Я пожал плечами.

— Вот что, еще раз подумай, потом приходи.

— Запишите, — протянул я умоляюще.

Инструктор достал из портфеля список.

— Фамилия?

Записал, щелкнул карандашом по листку:

— Будешь тринадцатым.

Аэродром находился неподалеку от города. Поросшее тугим спорышем поле просторно размахнулось на все четыре стороны. Справа рыжела крыша ангара. Там были и мастерские, и пристанище самолетов. В основном тут стояли «уточка» — известные УТ-2 с мотором М-11. Только один-единственный старенький По-2 сиротливо доживал свой век в дальнем углу ангара. Слева, у края аэродрома, притулился бензосклад, а там дальше, у летного поля, маячил «шахматный» домик стартового командного пункта.

Здесь и собрали новичков для знакомства с аэродромом. Разбили по группам.

Моим инструктором оказался тот сухопарый летчик, что приходил в техникум. Не скажу, что я сильно обрадовался: при той первой встрече мне он показался жестковатым. Но все же приятно увидеть знакомого человека.

Николай Константинович Матюшин (так звали инструктора) и на этот раз не изменил своей привычке — говорил коротко и только по существу дела. Показал границы аэродрома, старт, пояснил правила передвижения по летному полю и назначил первое занятие по наземной подготовке, предупредив — не опаздывать!

На то занятие мы пришли после уроков в техникуме. Уже устали. Кое-кого клонило в сон. Матюшин это заметил и объявил:

— Кто не выспался, может закрыть дверь с той стороны.

Дремоту как рукой сняло.

После короткой вводной он повел нас к самолету. Тут мы ознакомились с порядком вывода машины из ангара, заправкой ее горючим, с предполетным осмотром. Потом учились проворачивать винт. Лопастки пружиняще трепетали под нашими неопытными руками, и Матюшин напоминал:

— Сразу убирайте руки. И под винт не становитесь.

Затем учил «полету» на земле. Что это такое? Мы по очереди садились в кабину в полной летной экипировке, с парашютом, имитировали взлет и посадку. Инструктор требовал строгой последовательности: начиная от посадки в кресло, кончая выходом из кабины. В кабине нужно подогнать высоту сиденья, осмотреть приборную доску, приготовить мотор к запуску, проверить зажигание, высотомер, положение бензокрана, сектора газа.

Все это я сделал вроде без погрешностей и стал «запускать» двигатель. Никакого запуска, конечно, не было — все условно. Мотор молчал. Но как только я включил зажигание и нажал на стартер, Матюшин взорвался:

— Вылезай! Ты убил человека...

— Кого убил? — у меня волосы встали дыбом.

— Вот его убил... Винтом, — указал инструктор на стоявшего возле самолета моего приятеля Юру Маслака.

— Он же стоит... — недоумевал я.

Уже потом понял, что это был грозный комментарий к моей оплошности: запуская мотор, я не подал команды: «От винта!»

Так схлопотал первую двойку.

Дня через два пришлось заново повторить неудавшийся «полет». Сидя в кабине УТ-2 с молчащим мотором, я подробнейшим образом докладывал инструктору, как рулю со стоянки на старт, выруливаю с линии заправки на линию предварительного старта, а затем и на линию исполнительного старта, как ухожу с посадочной полосы на нейтральную.

— Отклонение на взлете. Твои действия? — спрашивает Матюшин.

— Прерываю взлет.

— На какой скорости рулишь после прерванного взлета?..

За зиму мы осилили наземную подготовку, а ранней весной приступили к полетам. Николай Константинович раздал нам маленькие, в десять страничек, книжицы и велел проштудировать на досуге. Это была брошюра генерала М. Белякова: «25 советов пилотам гражданской авиации». Любопытная книжица — с комическими рисунками и лаконичными напутствиями. Не могу не привести некоторых из них: «Вылет «на авось» — верный путь к аварии»; «Учись летать вслепую. Умей пользоваться приборами»; «Никогда не допускай лихачества. Твоя жизнь стоит дороже, чем сомнительный эффект необ-

думанного лихого полета»; «Изучай местность, над которой тебе предстоит летать, и особенно превышения над уровнем моря. Запоминай высоты в круглых числах. Не стремись запомнить, например, 223 метра — запомни 220»; «Тот, кому хочется выпить для «храбрости», должен считать свою карьеру законченной и этих советов может не читать»; «Отчетливо понимай разницу между прогнозом и информацией о погоде»; «Держись подальше от грозового облака»; «Голова тебе дана не для того, чтобы разбиться о землю. Если последуешь приведенным выше советам, будешь летать без ненужного риска и станешь хорошим пилотом».

Нам еще далеко было до тех «лихих» полетов, но Матюшин заранее выводил нас на безопасную тропу.

Стаял снег, прошумели вешние воды. И все это проходило как бы в другом мире, почти не задевало меня. «Перегрузочное» время: в техникуме — дипломный проект, в аэроклубе — экзамены по теории, а затем и первые полеты. Совпали две проверки.

Весну я «открыл» на аэродроме. Лег на траву, ожидая своего полета, и долго глядел вверх. Небо чистое, будто умытое. С утра проплыла черная туча и, словно почувствовав свою неуместность, скрылась где-то за горизонтом. Догадалась, видно, туча — нельзя срывать мой первый полет.

В синеве неба кружат, словно купаются наши маленькие УТ-2. Без самолетов даже весеннее небо кажется пустым и скучным, не за что зацепиться глазу. Для меня уже теперь поднебесье и самолет — родственные понятия. Одно не существует без другого. Наши учлеты взлетают, набирают высоту. Скоро подойдет и моя очередь.

Я взлечу впервые. Эх, если бы знали мои родители, что собирается делать их сын! О занятиях в аэроклубе не решаюсь написать домой: не знаю, выйдет ли из меня летчик. Сообщишь раньше времени — и вдруг конфуз. С нетерпением жду полетов. Они все прояснят. Я еще не знаю, в чем волнующая прелесть полетов. Кружит голову неведомое, неземная романтика авиации. Но вот я полечу, испытаю это неведомое и, может быть, разочаруюсь в авиации. Все может быть.

Подошел и мой час. Стараюсь шагать спокойно, но сердце, чувствую, колотится. Хочется побежать к самолету, скорей в него сесть. Матюшин идет рядом медленно, очень медленно. Я поддельываюсь под его шаг. Он посматривает на меня.

— Какие ощущения, Попович?

— Пока никаких.

— Не кажется ли, что у тебя сегодня день летного крещения?

— Кажется.

— Ну и прекрасно. А теперь можно лететь, — определяет он.

Я не помню, как взлетел. Словно во сне. Первое, что увидел — небо. Оно еще, кажется, стало синее и просторнее. И сразу представилось: самолет окунается в синюю глубь. А где земля? Она, конечно, подо мной. Сверху — синева, а снизу — зелень. Красивое сочетание. Чувствую себя легко, приятно, никакой боязни. Будто я раскинул

руки и парю над землей. И, честное слово, запел бы в полный голос, да инструктор прервал:

— Разворот. Запоминай зону.

Он поздравил меня с первым «отрывом от земли», но не сентиментальничал. Мол, главное впереди.

Ясным солнечным утром мы вылетели с ним в зону. Там я должен был выполнить первые несложные фигуры пилотажа. Поначалу все шло нормально. Но вдруг Матюшин по сигнально-переговорному устройству спрашивает:

— Сколько времени нам идти домой?

Я хорошо знал расстояние от зоны до аэродрома и потому ответил без запинки:

— Через двенадцать минут будем дома.

— Ну, хорошо, засекаю время.

Летим. Осматриваюсь. Что-то не нахожу знакомых ориентиров. Вот тут справа по борту должна быть речушка, где мы с Лешкой ловили сонного сома и встретились с дядей Сеней. А сейчас вижу железнодорожное полотно. Прямо по курсу должны бы появиться трубы ТЭЦ, а оказался зеленый ежик ельника. Что-то не то. Виновато хриплю в переговорную трубку:

— Мы, кажется, ориентировку потеряли...

— Кто это «мы»? — уточняет инструктор.

— Вернее, я...

— Потерял — ищи.

Смотрю во все стороны, ищу хоть какой-нибудь знакомый ориентир. Обещанные мною двенадцать минут на исходе. Разворачиваю машину, замечаю четырехугольник нашего ангара, только он оказался почему-то далеко позади, а не по курсу, как ему надлежало быть.

Может, это не наш, а чужой аэродром? Нет, вон явно наша аэро-клубовская вышка и возле нее — маленький стартовый домик с синей трубой. Все еще не веря своим глазам, не то спрашиваю, не то докладываю инструктору:

— Кажется, наш аэродром...

— Плохо, что «кажется». Надо точно знать.

Разворачиваю самолет и беру направление на «шахматную вышку».

Через десять минут мы дома.

Матюшин не отчитывал, но учил:

— Ошибся — сам исправляй свою ошибку. И не по наитию, а осмысленно. Почему оказался в противоположной стороне от аэродрома? — Подает мне планшет с картой: — Объясни все — от взлета до посадки.

Я долго размышляю над картой и начинаю исподволь распутывать клубок «блудежки».

Все оказывается в том, что я весь был поглощен машиной и «лирикой» — упивался окружающим миром. А этот мир требовал не восхищения, а кропотливого изучения и познания его главных черт — чтобы это основное отпечаталось в зрительной памяти.

ДУХОВНАЯ СЛЕТАННОСТЬ

Это любимое выражение Матюшина. Если кто-то в группе отбил-ся от общей компании, если кого-то обошли вниманием, ин-структор рокочет рассерженным баритоном:

— Плохо. Не чувствуете духовной слетанности.

Больше ничего не говорит, не поясняет, но мы понимаем и искренне винимся, если действительно оказываемся не на высоте.

После каждого летного дня группа рассаживается на траве возле ангара, и начинается разбор полетов. Матюшин вспоминает все наши промахи, требует личного объяснения, почему ты ошибся. Выслушав, дает оценку и ошибкам, и твоим объяснениям.

Группа сдружилась. Не по годам степенные, знающие себе цену Коля Гребенников и Веня Садчихин, анекдотчики Юра Маслак и Володи Домрачев, тихий, молчаливый Нарсултан Бекенов — все это наша дружная, нерасторжимая компания. У нас все общее — и летные шлемы, и посылки из дома, и самолет, на котором летаем.

Труднее всего даются полеты Бекенову. Мы за него переживаем. Когда занимались теорией, помогали, как могли. Но как помочь в полете? Отлетав, спешим рассказать ему все, что кажется важным для его предстоящего полета. Он благодарит, садится в самолет, уходит с инструктором в зону и возвращается неизменно опечаленный. Роняет потерянню:

— Худо мои дела.

Мы видим, что и сам Матюшин извелся, никак не научит парня разворотам и посадке.

Началась предэкзаменационная проверка. С Бекеновым полетел заместитель начальника аэроклуба Никонов. Летали дольше обычно, а вернулись с тем же результатом.

— Худо мои дела, — склонил большую, с жесткими волосами голову Нарсултан.

А Никонов объяснил Матюшину:

— Завозили. Бойтся. Придется отчислить.

Матюшин возразил:

— Бекенов будет летать. — И полушутя добавил: — Дайте мне возможность хоть одного киргиза выпустить.

Потом мы всей группой ходили к Никонову.

— Не отчисляйте. Мы поможем Бекенову.

— Это неплохо, что решили помочь, — сказал Никонов, — только вас самих еще надо проверить.

Вся наша пятерка слетала с заместителем начальника аэроклуба, и всем он поставил отличные оценки. Насчет Бекенова распорядился:

— Ладно, попытайтесь еще подучить, может, что получится.

Не скажу, что мы были искусными педагогами (учил Бекенова прежде всего инструктор), но, наверное, наше искреннее внимание вселило в парня уверенность. Правда, с опозданием, но Бекенов вылетел самостоятельно, оправдав наши надежды.

После каждого самостоятельного полета мы вручали инструктору свои скромные сувениры. Я подарил трубку, Бекенов — крыло орла, Юра Маслак смастерил портсигар. Неудачным оказался сувенир Домика, как мы называли Домрачева, — он преподнес Матюшину «чекушку». Николай Константинович извлек из планшета уже известные нам «25 советов» и ткнул пальцем в шестой параграф:

— Прочти вслух, Домрачев.

Пыхтя и краснея, Домик по складам пробубнил: «Пьяный пилот — кандидат в покойники».

Скучная фраза. Нас даже передернуло. Скучным, суховатым казался сначала и сам инструктор. Лишь однажды, кажется на 2 мая, Николай Константинович предстал перед нами совсем другим, непохожим на себя.

Утром он нагрязнул в общежитие:

— Едем на правый берег.

Ребята еще не умывались, а некоторые даже валялись в постели. Кто-то отозвался из-под одеяла:

— Будем отрабатывать духовную слетанность?

— Вот именно! — подтвердил Матюшин.

Правый берег — это как бы зона отдыха магнитогорцев. Там, на левом, дымят сигары заводских труб, зияют подернутые железной пылью рудные карьеры, а тут, на правом, чистый воздух, молодые рощицы, пруд, кварталы жилых домов.

Почти весь день провели в лесу. Гоняли в футбол, пекли картошку, строили шалаш, который оказался весьма кстати: пополудни пошел дождь, и мы вовремя укрылись в своем лесном пристанище. Как было здесь уютно: качались на ветру сосны, пахло мокрыми березовыми почками, а мы, плотно прижавшись друг к другу, вели неспешный разговор. Если бы кто со стороны взглянул на нашу компанию, вряд ли отличил бы в ней нашего инструктора: невысокий, с рыженатым «бобриком», он походил на подростка. И только руки, в ссадинах и крупных вздутых венах, выдавали их хозяина — они много успели сделать за свою жизнь. Увидев его руки, Домик сочувственно поинтересовался:

— Где это вас угораздило, Николай Константинович?

— Когда шофером работал...

— Шофером? Это когда было?

— Давайте так, — неожиданно предложил Матюшин. — Каждый рассказывает о себе. Начнем с Поповича...

— Нет, Николай Константинович, начнем с вас, — запротестовала вся компания.

Лил дождь, под его шум мы слушали глуховатый рокоток инструктора...

Лихой уральский казак Константин Матюшин огорченно вздыхал, глядя на старшего сына:

— Эх, Колька! В кого ты только пошел? Ни вида в тебе, ни осанки. Не казацкая кость. Как с землей-то управляться будешь? Она дюжих мужиков любит. Силища ей нужна.

И если бы сказали тогда потомственному степняку Константину Прохоровичу Матюшину, что этот хрупкий мальчишка, его сын Николай, свяжет свою судьбу не с землей, а с небом, он бы пришел в великое изумление: «Неужто бог крылья даст?»

Да, в станице Старо-Магнитной, где родился Николай Матюшин, никто, конечно, не помышлял о небе. Казаки крепко держались за землю и даже не подозревали, что вот-вот загудит она окрест.

Пришло время такое — дрогнули горы. А все началось с того, что появились на пригорке, который потом стал именоваться первым участком, две юрты. Поселились в них люди с непонятным именем — геодезисты — и начали вдоль и поперек мерять землю.

Не выдержал Константин Прохорович, полюбопытствовал.

— Гигант будем строить! — ответили ему эти веселые люди.

Несколько дней, задумавшись, ходил казак. А потом, как гром с ясного неба:

— Вот что, мать. Гигант будем строить.

— Кто это? — не поняла супруга.

— А вот хотя бы я и Николай.

...Было тогда лето 1929 года, и шел Николаю тринадцатый год. Подались оба — и отец и сын — к геодезистам. Отец на первых порах подвозил им воду, а сын был за кучера у прораба.

Так сугубо земными делами началась жизнь человека, которому суждено было связать свою судьбу с небом. Но прежде он вдоволь напашался по земле.

Закончил семь классов в 1933 году. Поступил на рабфак, готовился к учебе в медицинском институте. Врач из него не получился: ушел с первого курса, вернулся в Магнитку. Работал на строительстве второй плотины. Выучился на шофера, полюбил машины.

Пришла пора служить в армии. Попал на Дальний Восток. В разведывательный батальон.

И вот март 1941 года. Демобилизованный старшина снова сел за баранку автомобиля. На этот раз в Магнитогорском аэропорту.

А тяга к небу, нивесть когда зародившаяся, брала свое. С зеленого поля аэродрома самолеты взмывали ввысь, улетали в неведомые дали и приземлялись, овеянные высотными ветрами, будоража кровь и заставляя гулко биться сердце.

Николай подал рапорт с просьбой зачислить его в учебную эскадрилью Гражданского воздушного флота. Работал и учился.

Человек, хоть раз поднявшийся в небо, долго не забудет его. Каждый летчик до мельчайших подробностей помнит, когда он первый раз один на один остался с машиной и необъятным синим простором.

Случилось, что курсант Николай Матюшин за первый самостоятельный вылет получил одновременно нагоняй от инструктора и... поощрение от командира звена. А было это так. Инструктор и Матюшин подружили к линии предварительного старта. Инструктор вылез из кабины, направился к командному пункту. Вспомнив, что не заглошил мотор самолета, он повернулся к Матюшину и махнул рукой:

глуши, мол. Николай же понял этот жест как разрешение на самостоятельный вылет. Инструктор, не оглядываясь, зашагал на КП, а Матюшин спокойно вырулил на линию исполнительного старта. Курсант-стартер, ничего не подозревая, дал разрешение на взлет. Совершив полет, Николай отлично приземлился. И тут увидел, что к нему бежит инструктор.

— Ну, что ты наделал?! Вылет без разрешения!

Подошел командир звена Николай Семенович Погорелов, посмотрел на испуганного курсанта смеющимися глазами:

— Поздравляю с успешным приземлением. Разрешаю сделать еще два полета.

И сейчас при встрече с Матюшиным диспетчер Магнитогорского аэропорта Погорелов вспоминает этот курьезный эпизод.

Шла война. Пилот Гражданского воздушного флота Матюшин на своем У-2 выполнял боевые задания, летал днем и ночью, в хорошую погоду и в такую, что вспоминать неприятно. Ходил на специальное задание под Курскую дугу, садился на первых попавшихся полянах, где еще несколько часов назад кипели жаркие схватки.

Он мог бы остаться работать на подмосковном аэродроме, но попросился на Урал. Были на это основательные причины. За месяц до победы в Восточной Пруссии погиб его младший брат Александр — командир ЛИ-2. Надо было утешить и поддержать оставшихся одних стариков.

И опять под крылом — Магнитогорск. И вот он, Матюшин, с нами.

...Дождь давно прошел, а мы все сидели в шалаше.

НЕМНОГО ИСТОРИИ АЭРОКЛУБА

От него, инструктора, мы многое узнали о своем аэроклубе. Он был создан в 1932 году и назывался клубом Осоавиахима. В те дни по стране разнесся призыв партии: «Комсомол — на самолеты!»

Страна расправляла крылья. Создавались учебные центры. Тогда-то и организовался Магнитогорский авиационный клуб. С момента своего основания и до начала Великой Отечественной войны Матюшин готовил планеристов-пилотов и летчиков. Заинителем планерного спорта был ныне Герой Советского Союза Леонид Васильевич Дема. Он совершил первые полеты с Карадырской горы. В честь этого теперь там одна из улиц именуется Планерной.

У Матюшина есть вырезка из газеты, в которой сообщалось, что на горе Карадыр созданы два планерных кружка — один на обогатительной фабрике, другой — в горпромуче. Первый полет на планере, сообщила газета, состоится 24 сентября, если будет благоприятствовать погода. Полетят инструкторы ОСО (Общество содействия обороне). Для удобства рабочих, занимающихся в планерных круж-

ках, занятия проводятся отдельно для вечерней и дневной смен. Средства для аэроклуба собирали сами рабочие. Газета сообщала: «На текущий счет клуба переведено 3000 рублей!»

А вот что писал в той же газете сам Леонид Васильевич Дема:

«Есть на планер!»

В планерной школе при аэроклубе учится 60 человек. Большинство из них — рабочие нашего металлургического завода. Молодежь охотно посещает школу, быстро овладевает планером.

У меня обучается только молодежь завода. Первая группа в количестве 12 человек уже летает по четвертому упражнению (первая ступень летчика-планериста — полет по прямой). Вторая группа производит полет второго и третьего упражнений.

Все курсанты имеют отметки по успеваемости только «хорошо» и «отлично». Героизм отважного экипажа самолета АНТ-25: гг. Чкалова, Байдюкова и Белякова воодушевляет молодежь на еще лучшую учебу, на беспредельную смелость в полетах на планере.

Лучшими отличниками учебы и практики у нас являются гг. Баканов, Романов, Кочкиев, Нечушкин, Савченко, Фаерман. Не отстают от них девушки, пришедшие с производственных цехов завода. Вот гг. Орлова, летающая по четвертому упражнению, Астахова — по второму. Они также показывают самоотверженность в полетах, дают лучшее качество учебы.

Наш летный день всегда начинается с 4 часов утра, и все приходят без опозданий. А это показывает большую любовь к планеру, к самолету, к защите нашей необъятной социалистической Родины.

Л. В. Дема.

Старший инструктор, летчик-паритель
планерной школы.

Аэроклуб воспитал немало отважных летчиков, которые впоследствии стойко сражались на фронте. Одиннадцати из них присвоено звание Героя Советского Союза. В их числе — И. Ф. Павлов, П. Ф. Надеждин, Н. Н. Самусев, В. И. Мишустин.

На фронте мужественно сражалась магнитогорская эскадрилья, которая состояла из летчиков-инструкторов и техников аэроклуба. Прибыла она на фронт со своими По-2 в суровую зиму сорок первого, когда развертывалось сражение под Москвой. Учебные машины, совсем еще недавно поднимавшие в небо озорных магнитогорских парней, получили грозное название ночных бомбардировщиков. На них установили пулеметы, простейшие приспособления для бомбометания.

С По-2 трудно было вести прицельное бомбометание. Но на крупных переправах при большом скоплении техники бомбы все равно достигали цели. По-2 не имели рации, летчики научились ориентироваться в темноте. Печальными вестовыми были для них горящие деревни: там немцы, значит, лететь дальше. Но По-2 имел свои преимущества. Самолет не требовал специальной площадки для приземления. Его можно посадить на любой поляне.

Однажды самолет Василия Коробейникова оказался на пути «мессера». Где тягаться тихоходу со стремительным вражеским охотником! Коробейников круто повел машину на посадку. Вражеский летчик не хотел упускать легкой добычи. Тем более, что гитлеровцы знали: По-2 часто используется для связи. Пассажирами

могут быть офицеры высокого ранга. У Коробейникова действительно в тот момент на борту был командующий воздушной армией, которого надо было доставить к линии фронта.

«Мессер» уже достиг советскую машину, когда летчик отважился на рискованный прием: на малой высоте резко вошел в пике. Только По-2 приземлился, недалеко грохнул взрыв: фашист, увлекшись погоней, не смог вывести самолет из пике и врезался в землю.

Через несколько часов главнокомандующий ВВС вручал Коробейникову орден Отечественной войны.

Потом дуэль советского По-2 и опять-таки «мессера» довелось наблюдать жителям Калуги. Поняв, что не уйдет от преследования наседавшего врага, Коробейников стал делать крутые виражи вокруг колокольни церкви. В этом положении он оказывался недостижимым.

Из себя выходил фашистский пилот. Пулеметные очереди не переставали чертить небо. Наконец, расстреляв весь боевой запас, фашист скрылся за облака. Тогда только ночной бомбардировщик повернул в сторону своего аэродрома.

Бывшие инструкторы Магнитогорского аэроклуба Сергей Чащин, Константин Скобелев, Василий Хомяков, Василий Коробейников уже в первые месяцы войны получили ордена. Но все-таки первыми в магнитогорской эскадрилье награждены техники.

Это были великие труженики войны. П-2 обычно летали на небольшие расстояния. Через 30—40 минут, а то и быстрее, в зависимости от задания, они возвращались на базу. За короткое время надо было успеть вновь приготовить машины к полету.

Самыми сноровистыми оказались техники-магнитогорцы, прошедшие выучку на аэродроме в своем городе.

Михайлов и Великоднов скоро получили медали «За боевые заслуги», Бердников — медаль «За отвагу». У последнего выдалась совершенно особая история.

На По-2 в тыл к партизанам забрасывали оружие, боеприпасы. Самолетам редко удавалось благополучно миновать линию фронта. До партизанской базы они кое-как дотягивали, но возвращаться на аэродром уже не могли. Для ремонта машин и был переправлен к партизанам Константин Бердников.

Несколько самолетов с его помощью удалось восстановить. Экипажи смогли улететь. Но одна машина, хоть и отремонтированная, оставалась без хозяина. Летчик был ранен и отправлен на Большую землю.

Угрожающе трудная сложилась обстановка в партизанском отряде. Теснее стягивалось вражеское кольцо. Надо было идти на прорыв. Бердников тоже готовился выступить с отрядом. Но на базе оставался самолет. Кроме того, все тревожились о раненых. Смогут ли они двинуться со всеми? А как сесть за управление самолета, если нет должной практики? Если в воздух поднимался всего лишь несколько раз над Магниткой? К тому же лететь ночью, да еще с ранеными. Все же Бердников рискнул. И перелетел.

Мало кто в такое поверил. Когда командиру полка доложили, он

даже растерялся: это шло вразрез со всеми инструктивными указаниями. На всякий случай позвонил командующему. Было получено разъяснение, ставшее известным всему полку: «Технику Бердникову разъяснить его рискованный поступок, наградить и отправить в летное училище».

Нечто подобное повторил другой магнитогорский техник Иван Маланин. Он дольше других был у партизан. В лесной чаще его целили не только как авиатора, но и как бывалого охотника-следопыта, прекрасного стрелка. В полк Маланин тоже вернулся на отремонтированном им же самолете. До конца войны оставался летчиком.

Суровый командир полка любил поговорить о второй боевой профессии магнитогорских техников. Выговаривая неумелым летчикам за ошибки, постоянно ссылался на пример магнитогорцев, которые в любой обстановке не растеряются: в подготовке самолетов их эскадрилья впереди, летчика, когда необходимо, заменят. Все у них без аварий и нарушений обходится.

Эти события ветераны потом восстановят до деталей. В Магнитогорск И. Е. Маланину, К. С. Бердникову, К. С. Михайлову, А. А. Михайлову, В. А. Великоднову, В. Г. Коробейникову придут приглашения из Киева на слет однополчан — летчиков, техников, штурманов авиаполка ночных бомбардировщиков. Вспомнят тех, кто не вернулся, кого уже нет среди друзей. И опять заговорят об авиации. Тем более, что большинство даже и после войны так или иначе связали свою судьбу с самолетами. До сих пор работает техник в Магнитогорском авиаспортивном клубе К. С. Михайлов. Много лет здесь же был инструктором И. Е. Маланин, сейчас шофер треста «Магнитострой». Долго работал в аэропорту А. А. Михайлов.

Вернулся в Магнитогорск и Герой Советского Союза Леонид Васильевич Дема. Водит пассажирские лайнеры.

ПРОЩАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ

Я стал богатым человеком: в кармане два документа — об окончании техникума и аэроклуба. Дипломный проект защитил на отлично. И в аэроклубе был не последним. Инструктор Матюшин, прощаясь со мной, пожелал: «Не отрывайся от неба. Небо — твои стихия. Ты летчик по натуре».

Не знаю, что он вкладывал в понятие «летчик», но так хотелось согласиться с ним. Да, небо — моя стихия. Я буду летчиком-истребителем. Призывают меня в армию и поступлю в авиационное училище. Говорят, тех, кто закончил аэроклуб, прежде всего принимают в училище.

Но все произошло стремительно, как в сказке. Вызвали меня в военкомат и спросили:

— Пойдете в авиационное училище?

Я сам хотел добиваться путевки, а тут меня спрашивают: «Пой-

дете?». Повезло мне, и только. Чуть не расцеловал майора — чудесный он, видно, человек: уловил мои мысли.

Вернулся в общежитие, как на крыльях. Компанеец посмотрел на меня, взял гитару и спросил:

— Что тебе сыграть — туш или марш летчиков?

— Марш.

Лешка ничего не сыграл, положил гитару в сторону, тряхнул смоляными кудрями.

— Расходятся наши пути, Павло. Ничего не объясняй. Каждому, видно, свое.

— Надо радоваться: находим место в жизни.

— Ну что ж, закатим прощальный концерт?

Вечер был шумный, с песнями и плясками, однако немного грустный. Мы расставались. И никто не знал, встретимся ли на дорогах жизни. Я откалывался от племени строителей. У меня своя судьба. Ребята искренне желали мне чистого неба.

Перед отъездом забежал к Семену Михайловичу.

Застал его в палисаднике. Он высаживал деревья. Пригласил в комнату. Жена накрыла на стол. Пили чай.

Я показал дяде Сене документы об окончании аэроклуба и техникума. Он полистал их, почитал, потом, как бы взвешивая, положил на обе ладони:

— Как думаешь, какой из них перевесит?

Мне были оба дороги, и потому я неопределенно пожал плечами. Он недовольно поморщился:

— Плохо, что сам не знаешь собственного призвания. А по-моему, перевешивает вот эта, аэроклубовская бумага.

Помолчал, встал, подошел к окну, за которым тучами носились стаи грачей.

— Тоже в дорогу собираются. Эх, улетел бы и я сейчас к своим ребятам в полк.

Вздохнул, повернулся ко мне.

— Ну, а ты куда думаешь податься?

— Еду в Новосибирск. В летное училище.

— В летное? Почему же молчишь? Поздравляю!

— Поздравлять рано. Еще экзамены...

— Ну, экзамены сдашь. Не дрейфь только.

Стали прощаться.

— Всего вам, Семен Михайлович... Может, больше не увидимся.

— Как не увидимся?! — удивился он. — Еще не раз встретимся! Обязательно.

Лешка уехал домой без меня. Он твердо решил идти в консерваторию.

Завтра и мне в дорогу. А сегодня вечером мы всей аэроклубовской компанией приглашены на день рождения к нашей однокашнице Оле Дорониной.

Долго ломали голову, что подарить имениннице. Приглянулась музыкальная шкатулка в культторге. Вещица забавная: десяток вит-

ков заводного ключа — и две минуты мелодии «Сормовской лирической». То, что надо: это любимая песня Дорониной. Правда, дорого-вато. Подсчитал я свои финансы, почти все до копейки придется выложить. Что ж, искусство требует жертв. Ребята предложили добавить свои рубли, но я воспылил джентльменским чувством.

— Это будет мой личный подарок.

Словом, ухлопал все дорожные деньги. Благо билет заранее приобрел.

Когда имениннице вручили охалку гладиолусов, а затем шкатулка заиграла «Сормовскую лирическую», она расплакалась.

Вечер прошел шумно. Танцевали, рассказывали стихи.

А утром в вагоне я забрался на верхнюю полку и улегся спать.

Кто-то из ребят тянет за ногу:

— Вставай! К тебе делегация.

— Какая еще делегация?

Слезаю с полки, глядь в окно — мать честная, в сборе весь наш хор во главе с Таисией Федоровной.

Выхожу из вагона, девчата подают какие-то свертки. Не беру. Таисия Федоровна приказывает:

— Прими! Не обижай.

Беру сверток, протянутый Катей Ковалевой. Что-то теплое. Разворачиваю. Боже мой, пирожки! Соблазняющие, издающие аппетитнейшие запахи. Эти жареные пирожки, как те знаменитые вареники Вакулихи, сами просятся в рот. Немыслимо удержаться. Ем принародно. Смех. Шутки. Подходит Оля Доронина. Тоже с теплым свертком. Разворачиваю — ватрушки!

Стою в тамбуре с ворохом снеди до самого подбородка. Вот-вот просвистит паровоз.

— Спасибо, девчата!

Подбегает Таисия Федоровна:

— Взмахни дирижерской палочкой! Хор-то в сборе.

Отдаю свертки кому-то из ребят, достаю из кармана карандаш, взмахиваю, и над перроном взлетает голосисто и зовуще:

Наш паровоз, вперед лети!
В коммуне — остановка...

Просвистел паровоз. Звякнули буфера.
До свидания, Магнитка!

СТАРЫЙ ЯСЕНЬ

Он стоит у дороги, ведущей из Василькова на Узин. Сколько ему лет? Сто, двести? А может, еще больше? Такого высокого и толстого ясеня я нигде не видел. Похож он на древнего-преддревнего, но еще могучего старика. Зеленая борода до земли. Кора в глубоких морщинах. Узловатые ветви-ручищи на десятки метров

раскинуты. А корни распростер и того дальше. До самой дороги дотянулся, булыжники сковырнул, и теперь шины грузовиков тарахтят по этим корневищам, как по железной арматуре. А они не сдаются, только тверже, под стать металлу становятся.

Знаю я тебя, старый ясень, давно. Еще мальчишкой мимо тебя проходил, а то и лазил по твоим веткам. Потом уезжал и, возвращаясь домой, здоровался с тобой по-родственному.

Когда-то мимо тебя с грохотом проносились пушки и танки. Тебя ранил разорвавшийся снаряд. На твоём стволе виден и сейчас огромный шрам. Твою крону опалила война. Но ты выстоял. Окреп. Пустил новые корни, дал жизнь молодой поросли и рассказываешь нынче под свист степного ветра свою седую родословную. И мне думается, что когда-то твои кудри трепетали от иных, горячих ветров и лихих запорожских песен, под сенью твоей останавливались скрипучие чумацкие возы...

О тебе, великан, по всей нашей округе ходило столько легенд! А в каждой легенде непременно живет правда.

Рассказывают, будто вырос ты на горестном и славном месте. Когда-то этим шляхом шел казацкий десяток на подмогу своим братьям, тяжело бившимся у Днепра. И наткнулись те казаки на вражескую засаду. Три дня и три ночи сражались они с турецкой сотней. Все погибли. И казаки, и вороги. Один только турок остался в живых. Вышел он на шлях, вытер свой ятаган о маленькое деревце, стоявшее у дороги, и победно молвил:

— Нет больше казаков.

И вдруг деревце заговорило человеческим голосом:

— Нет, есть еще один казак!

— Где же он? Я его не вижу.

— А я перед тобой.

— Это ты, хиленькое дерево?! — Турок взмахнул ятаганом и срубил его до самого корня.

Срубить-то срубил, да и сам замертво упал. Разнесло воронье его черные кости.

А утром вместо срубленного деревца новое поднялось.

Говорят, что силу маленькому ясененку дала казацкая кровь — та, что с турецкого ятагана листьями ясеня была стерта. А еще стал он сильным потому, что каждое утро, рано, до восхода солнца, пока шлях пустовал, приходила сюда мать павшего казака. Поливала она ясень горячими слезами, и вырос тот ясень-сынок под самые тучи, прикрыв от зноя и ветра отчую землю.

Рассказывают, что и она, мать, обернулась потом плакучей ивой и по сей день полощет свои зеленые косы в васильковском пруду.

Наверное, каждого трогает этот дивный сказ о человеческом бессмертии и силе материнской любви. Но меня легенда по-особому берет за душу. Потому что с этим старым ясенем и моя судьба немножко связана.

Как-то мы, ученики Белоцерковского ремесленного училища, поехали на практику в Васильков. Кажется, мастерили клубную сцену.

Там, в Василькове, я встретил наших узинских колхозников, приезжавших за фуражным зерном. День был субботним, и я попросил узинцев сообщить матери, что сегодня приеду домой. Пообещал быть часиков в шесть.

Пообещать-то пообещал, но не спросил у начальства, когда мы освободимся. А задержаться пришлось до позднего вечера: решили всю работу закончить сегодня.

Часов в десять вечера тронулся я в дорогу. На попутном транспорте немного проехал и опять пешком. Иду медленно. За день умаялся. А тут еще дождь пошел. И темнота — хоть глаз выколи. Но иду. Даже песню мурлычу. Потом и во все горло запел. Вообще любил я в дороге петь. Чаще всего не от избытка лирических чувств, а для того, чтобы оторопь не так брала: кругом-то ни души. С песней же вроде страх отступает.

Так вот иду, горланю, и вдруг меня окликают:

— Пав-лу-у-ха-а!

Голос издалека. А может, так кажется, потому что дождь шумит. Опять зовут. Еще дальше голос. Кажется, от того старого ясеня доносится. В такую пору не очень-то весело подходить к овейному легендами дереву. Все же шагаю. Без песни, конечно. Но мысль не дает покоя: кто бы мог это быть? И не почудилось ли мне? Вроде женщина. Сам не знаю, почему не откликаюсь. То ли слуху не доверяю, то ли собственный голос меня не слушается. И тут вновь слышу ясно и близко.

— Пав-лу-ха-а!

До сих пор не пойму, как это я умудрился не угадать: голос-то мамы! Ведь я его из тысячи узнаю! Да и Павлухой только она меня называет.

— Мама! Что случилось?

Она обрадованно хватает меня за руку, прижимает голову к груди:

— Где ж ты ходишь? Ждала, ждала... Уже все передумала.

У меня першит в горле. Я ничего не говорю. Хочется целовать мамини руки. В дождь, в слякоть, в темень такую вышла встретить меня.

Теперь мы идем вдвоем. И, кажется, светлее стала дорога. Мама рассказывает домашние новости, спрашивает о здоровье, о школе.

Приходим домой далеко за полночь. Батько спит на полу — там прохладнее. Мать тормошит его:

— Роман, а Роман, Павло пришел!

— А куда ему деваться? — Батько переворачивается на другой бок, бубнит что-то насчет «настоящего мужика» и тут же продолжает храпеть. Мать называет отца «бесчувственным», а я смеюсь: угадываю батюкино спокойствие. Оказывается, он не только мать не пускал, но и сам не собирался идти за мной на шлях: «Взрослый уже. Пусть привыкает к самостоятельному пути. Иначе не получится из него мужика». Мать смолчала.

В отцовском понятии «мужик» — самое высокое звание человека. Это и сила, и работоспособность, и ум, и смелость. Для матери такого слова не существует. Для нее святая святых другое слово: «Дети». По-своему правы и мать, и отец.

Возвращаясь однажды из Магнитогорска домой, я нарочно вышел из автобуса и отправился пешком только для того, чтобы посидеть у ясеня, поговорить, как с мудрым, повидавшим жизнь стариком.

— Здравствуй, дедусь! — здороваюсь издали и машу ему кепкой. Он вроде понимает — шумит, кланяется. Но что это? Я не узнаю прежнего ясеня. Ветки, тянувшиеся к дороге, обрублены. Одни култышки торчат. Кошунство! Узнать бы, кто это сделал... И вдруг неведомо откуда появляется рыжебровый чумазый паренек в замасленном картузе:

— Не удивляйся. Так надо было. Проезжим машинам мешал.

Гляжу, парень не на машине — лошадь с двуколкой в стороне стоит.

— У тебя же конь, а не ЗИС?

— Другим мешал.

— Но ведь можно аккуратно сделать, — набрасываюсь на парня.

— Ты не шуми, — осаждает он меня. — Тут дело похуже. Посмотри.

Гляжу вверх, куда парень показывает рукой, и вижу надломленную верхушку. Она еще держится, но при каждом порыве ветра скрипит, потрескивает.

— Давай подремонтируем, — предлагаю.

Он почесывает затылок.

— Высоко лезть. Можно не удержаться.

— Ну, тогда я полезу.

— Вдвоем надо. Одному не справиться.

— А веревка есть?

— Проволока.

— Проволока не пойдет. Врежется.

Парень молча идет к повозке. Снимает вожжи.

— Полезай.

Вначале лезу бойко, форсисто. Но потом начинают дрожать руки — то ли от усталости, то ли потому, что высота пугает. Но дать «задний ход» не решаюсь. Неудобно.

С грехом пополам добираюсь до верхушки и замираю от восхищения: передо мной открывается вся округа — широченное ржаное поле, за ним желтый пожар подсолнухов. А дальше в дымке — леса. Простор, простор-то какой!

— Эй ты, что там рот разинул? — кричит хлопец. — Лови веревку!

Он бросает вожжи. Я схватываю один конец.

Битый час возились мы у верхушки ясеня, пока не спеленали крепко-накрепко. Слезли. Полюбовались: надежно.

Верхушка выздоровела, срослась. И по сей день она подметает высокое небо над васильковским трактом.

Прошка, так звали вихрастого хлопца, подвез меня до нашей узинской дороги. А там — пешком.

Первой меня встречает мама. Как всегда, она подносит к глазам краешек косынки. Спешу предупредить ее слезы, и, как всегда, не удается. Зато батько говорит мне так, словно я никуда и не уезжал, а был где-то на огороде:

— Сорочку вон запачкал. На траве валялся, что ли...

— Да нет, это я на дерево залез,— уточняю я и тут же зарабатываю выговор.

— Студенту можно бы и не лазить на дерево.

— Я уже не студент, а специалист,— вношу поправку, доставая из кармана свидетельство.

Отец берет бумагу заскоружеными руками, и я вижу: они у него дрожат. Для батьки моя грамотность — не только радость, а и нечто большее. Это кусочек его собственной жизни. Он часто говорил: «Нам с матерью грамоты не досталось. Хоть ты, сынок, возьми ее полную меркой. И за себя, и за нас».

Каждые каникулы я работаю в поле. И теперь пошел косить. Но ненадолго. Надо было пробиваться в авиацию.

Уезжал я навстречу новой жизни ранней осенью. Пора эта печальная и щемяще-радостная. Грустят, осыпаются сады, машут голыми ветками, как уставшими крыльями, ясени и клены, будто вместе с журавлями хотят к теплу улететь. Поле тоже померкло, притихло. Только отяжелевшие подсолнухи еще покачиваются на своих иссохших ножках да арбузы медленно дозревают под скупым, остывающим солнцем. Горят костры. Кажется, вся земля пропахла соломой, дынями, печеными яблоками и картошкой.

До шляха со мной на колхозной бедарке ехала мать. Решила проводить, а заодно остаться в поле — подсолнух рубить. Встала с повозки у того древнего ясеня.

— Береги себя, сынок. Пиши.

Далеко я уже отъехал, а все видел старый ясень и мать, стоящую возле него. Она скрестила на груди руки и глядела, глядела мне вслед.

А я сидел на бедарке, и грустное есенинское, прочитанное недавно, само вырывалось из души:

Снежная замять дробится и колется,
Сверху озябшая светит луна.
Снова я вижу родную околицу,
Через метель огонек у окна.
Все мы бездомники, много ли нужно нам.
То что далось мне, про то и пою.
Вот я опять за родительским ужином,
Снова я вижу старушку мою.
Смотрит, а очи слезятся, слезятся,

Тихо, безмолвно, как будто без мук.
Хочет за чайную чашку взяться —
Чайная чашка скользит из рук.
Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружись.
Слушай — под эту гармонику снежную
Я расскажу про свою тебе жизнь...

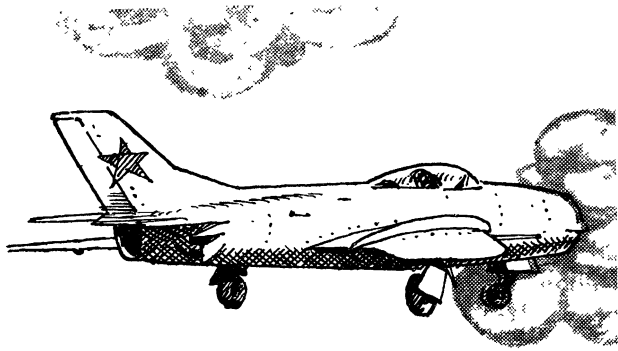
ЖАЖДА ВЫСОТЫ

У каждого есть перед глазами определенная цель,— такая цель, которая, по крайней мере ему самому, кажется великой и которая в действительности такова, если ее признает великой самое глубокое убеждение, проникновеннейший голос сердца...

К. МАРКС

ЧУБЧИК КУЧЕРЯВЫЙ

Вот что, дорогие товарищи, давайте договоримся сразу. О виражах, скоростях и прочей высокой материи мечтать, конечно, можно, даже необходимо. Но надо помнить и другое: не научись работать на земле — там, на высоте, делать нечего. И, главное, любить работу. Самую простую, черновую. Не бояться рук испачкать. Как некоторые...

Перед нами, курсантами, стоит стройный, щеголеватый инструктор в погонах старшего лейтенанта. Лицо молодое, почти мальчишеское, но глаза человека, повидавшего жизнь. Меня эти глаза выводят из равновесия. Озабоченно оправдываюсь:

— Я старался...

— Не о вас речь.

Облегченно вздыхаю. За спиной кто-то шепчет:

— О ком разговор?

— Кто его знает.

Инструктор обрывает шепот:

— В строю положено молчать. А о ком разговор идет, тот должен сам выйти из строя.

Меня бьет по плечу тот, кто только что шептал. Делаю шаг вперед и в сторону. Из строя выходит долговязый паренек. Он сконфужен.

— Слушаю вас, Семилетов,— обращается к нему старший лейтенант.

Семилетов молчит. За него отвечает стоящий в строю дружок — маленький, щупленький, похожий на гриб-лисичку, рыжеволосый паренек:

— Он больше не будет.

Все смеются. Маленький горячо отстаивает своего дружка.

Инструктор смыкает улыбку и приказывает «защитнику» выйти из строя.

— Есть, выйти из строя!

Теперь стоят двое провинившихся. Но в чем их вина, мы пока не знаем. Старший лейтенант обращается к маленькому, грибоподобному:

— Калошин, объясните все, как было.

Тот довольно бойко излагает суть дела:

— Мы неважно вымыли самолет. Можно сказать, совсем не мыли. В общем, это одно и то же...

Инструктору не нравится и сам тон, и не совсем честный ответ.

— А скажите, Калошин, это одно и то же, если я вам выговор объявлю или же на гауптвахту отправлю?

— Нет, тут разница есть, — соглашается Калошин, но уже без той веселой беззаботности, с которой начал объяснение.

— Значит, есть разница между тем, что «неважно» вымыт самолет или совсем не вымыт?

Курсант виновато бубнит:

— Не мыли, товарищ старший лейтенант.

Инструктор смотрит куда-то мимо Калошина, постукивая носком изящного хромового сапога.

— Вот что, Калошин, помоете со своим дружком все самолеты звена. Сегодня и завтра. Сегодня за то, что не вымыли вчера, а завтра за то, что не всю правду доложили сегодня. Если не научитесь работать, будете мыть послезавтра и после, после... До тех пор, пока не освоите эту работу. Вопросы есть?

Вопросов не было ни у бойкого Калошина, ни у тихого Семилетова.

Но были они у самого инструктора:

— Знаете порядок работы в кабине?

— Известное дело, — отвечает Калошин. — Драйть до блеска...

— Во-первых, драить там ничего не надо, — поправляет инструктор. — Надо только чистоту навести, грязь, пыль удалить. Во-вторых, вы не знаете главного — быть осторожным. Очень опасно, если незаметно уроните в кабине гайку, болт, ключ или еще что-нибудь. Попадет эта самая гайка под тягу — выйдет из строя управление...

— Теперь все ясно, — подхватывает Калошин.

— Не спешите, — останавливает его старший лейтенант. — Полный инструктаж вам даст механик. Сазонов, на минутку! — И когда подошел механик, распорядился: — Научите этих товарищей наводить порядок в кабине.

— Есть!

Калошин и Семилетов поплелись за механиком. Старший лейтенант скомандовал «направо» и повел нас в стартовый домик.

Так состоялось знакомство с новым командиром — Николаем Ивановичем Кузнецовым. Наша группа прибыла в его подчинение

сюда, на Дальний Восток, из авиационного училища, где мы прошли курс теоретической подготовки. Теперь нам предстояло освоить в полете две машины — Як-18 и Як-11.

Первое впечатление и от самолетов, и от инструктора было сложным и противоречивым. Казалось, все радовались достигнутой цели — наконец поднимаемся в воздух. Но полеты оказались сложнее той воздушной прогулки, которую мы рисовали в своем воображении, постигая теорию.

Полетели мы с Николаем Ивановичем на Як-11 под колпаком. Была у него привычка — заведет в незнакомый район и спрашивает:

— Где мы? Веди на аэродром.

Ну, возьму управление, верчусь, как белка в колесе, ищу приметные ориентиры. А их нет как нет. Пройдешь немного на малой высоте, потом только начнешь соображать, где ты и куда тебе надлежит идти.

На этот раз все оказалось сложнее — мы заблудились по-настоящему. Отыскивали дорогу домой сообща. Я вслух прикидывал:

— Если бы мы летели на юг, то встретили бы Амур. Но Амура нет. Значит, летим в тайгу.

Глядим за борт: там действительно леса. Стало быть, надо разворачиваться на сто восемьдесят. Взяли курс на юг.

Показался аэродром. Но сесть сразу не удалось. На третьем развороте почувствовал какое-то непривычно скованное, ограниченное движение педалей. Развернуться как следует не смог. Кузнецов взял управление на себя. Но и у него ничего не получилось. Хуже того, педали почти перестали слушаться.

Инструктор хоть и худенький был, но силой бог не обидел. Поднажал на левую педаль, и... что-то хрустнуло. У меня все похолодело. Думаю, и у Николая Ивановича самочувствие было не из приятных. Самолет чуть качнуло, он накренился. Но инструктор тут же выпрямил его, повел, как по струне.

Зашли на второй круг.

— Ведите машину.

Не без колебания я взял управление на себя. Не хочется думать о плохом, но мысли неотступно вертятся вокруг одного: «А вдруг теперь не педали, а руль глубины заартачится?» Уточняю:

— Идем на посадку?

— Да, садимся.

Самолет я посадил не ахти как хорошо, но Николай Иванович не произнес ни слова упрёка.

Зарулили на стоянку. Подошли техники. Сообща начали осматривать систему управления. Я нырнул по пояс в кабину, запустил руки под кронштейны педалей и вдруг нащупал какой-то странный, со множеством тупых иголочек предмет. Хочу вытащить, но не могу. Чуть покачал педалями, и в моей руке оказалась... металлическая расческа.

Рассматриваю роковую находку. На расческе крупно и неуклю-

же выгравировано (не иначе, как гвоздем): «Татьяна». Подаю инструктору. Он меняется в лице:

— Чья?

— Татьяна?

— Расческа.

Пожимаю плечами.

— Кто же Онегин у этой Татьяны?

Искать «Онегина» не пришлось. Сам нашелся. Не кто иной, как рыженький Яша Калошин. Увидев в руках Кузнецова расческу, он объявил:

— Моя.

— А как она оказалась под кронштейнами педалей?

— Наверное, уронил, когда работал в кабине.

Мне казалось, что случай с расческой пустяковый и на этом разговоре поставят точку. Но все обернулось по-другому. Оказалось, что из-за такого пустяка однажды погиб курсант, впервые вылетевший в самостоятельный полет. Начали разбираться. Механик Сазонов сказал, что он несколько раз находил злосчастную расческу Калошина в кабине. Но Яша только смеялся:

— Брось приставать к моей «Татьяне», а то я ревнучий...

Калошина отправили на гауптвахту.

Меня удивила Яшина беззаботность. Когда парикмахерша Шура постригла его, он без малейшего сожаления сказал, что расческа больше ему не потребуется, и лихо пропел:

— Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый...

Пришел Яша на аэродром через неделю и в первом же полете самовольно снизился до бреющего и напугал женщин в поле.

Наказали. Через месяц он совершил новый проступок.

Калошина отчислили.

Очень тосковал без него Кирилл Семилетов. Но потом все забылось. Лишь иногда тихий и стеснительный Кирюша напевал «Эх ты, чубчик». Звучало это не только тоской по другу, но и упреком: «Эх, Яша, Яша, как же ты смог сделать такое?»

А для нас Яшина песня была уроком. Мы продолжали летать, ревниво оберегая и свои чубы, и свою репутацию.

СКОРОСТЬ

Крепко нас мотала «первоначалка». Работы по горло. И на земле, и в воздухе. Но никто не роптал. Налетавшись в зоне, наработавшись на стоянке, нашагавшись по плацу, мы после вечерней прогулки и поверки едва добирались до коек и падали, как подкошенные. Утром усталости как не бывало. В заморозки выбегали на зарядку без рубашек. Дурачились. Боролись. И я сам не заметил, как стал настоящим гиревиком. Кузнецов однажды не без удовольствия похлопал меня по плечу:

— Силенка есть. Теперь нужно нажимать на скорость. Поедете осваивать реактивные самолеты.

Провожал нас Николай Иванович дождливым осенним утром. На перроне не говорил напутственных слов. Просто стоял у окна, махал фуражкой. А когда тронулся поезд, словно спохватившись, крикнул вдогонку:

— Скорости вам!

Капитан Лаптев, как и мой бывший инструктор Кузнецов, предупредил:

— Помните, любой разбег начинается с земли. Надо попотеть на земле.

Перед Новым годом я самостоятельно вылетел на МиГ-15.

От души попилотировал в зоне. Вот тут уж действительно встретился со скоростью. Конечно, по тем временам. Над фонарем шуршал рассекаемый воздух.

Бросаю машину в последнее пике. С замирающим от восторга сердцем слежу, как навстречу несутся отроги хребта. И вдруг горы шарахнулись влево, пошли по гигантскому ошеломляющему кругу. Штопор?! Даю обратно ногу и ручку. Вращение прекращается. Выхватываю машину на пятидесяти метрах.

— Зону освободил,— докладываю на командный пункт и беру курс на аэродром.

Капитан Лаптев интересуется моим самочувствием.

Я увлеченно рассказываю:

— В штопор свалился... Ну, вывел. На пятидесяти метрах...

— В штопор? — настораживается капитан.— Перетянул ручку. Увлёкся скоростью. За высотой не следил...

В казарме меня ждал сюрприз: у входа на стене висел лист ватмана с шаржем на меня и под ним подпись: «Поздравляем с первым самостоятельным, с первым штопором, с первой благодарностью и с первым выговором от чабанов».

Вот, черти, успели намалевать! Оказывается, во время штопора я ко всему еще разогнал в горах баранье стадо.

Пригласили нас однажды на выпускной вечер в авиационный техникум. Мы очень волновались, потому что должны были дать большой шефский концерт. Там я и познакомился с Мариной. А потом... три года разлуки и полный чемодан писем.

ЧЕТВЕРО В «КАЮТЕ»

Ражется, недавно это было. Я в курсантских погонах с двумя «лычками» и красной повязкой на рукаве: «Дежурный по эскадрилье» радостно встречает стриженное под нулевку пополнение.

— Нашего полку прибыло! — весело приветствую незнакомых мне ребят и спешу доложить о «прилете новой эскадрильи».

Разношерстный, разнохарактерный народ собрался у нас. Но мы быстро «слетались»! Дня через три почти все знали друг о друге. Незаметно промелькнули месяцы нелегкой курсантской жизни. И вот окончен курс переучивания. На стадионе замер ровный строй выпускников. Торжественные слова приказа Министра обороны. Вручение дипломов и золотых погон лейтенанта.

Меня направили на Север. Я оказался в группе из четырех человек — с двумя одесситами и одним киевлянином. Это были добродушные, веселые парни.

Прибыли мы в полк в пору самых коротких дней. В штабе нас встретили без особой радости. Полк состоял из опытных, классных летчиков, любивших сложные метеоусловия, а тут прислали «желторотых птенцов». Значит, прекращай полеты по программе и вводи в строй молодежь.

К концу зимы к нам присоединилась еще группа новичков — Толя Битюцких, Жея Белкин, Витя Целябин, Рашид Гареев и Гриша Ардамин. Стало веселее.

Часто устраивали в «каюте» борьбу. Одесситы против киевлян, или, как мы говорили, «Дерибасовская против Крещатика». Признаться, нам с Вовкой Нечаем нередко доставалось. Но, случалось, и Дерибасовская лежала на лопатках. Это было в те редкие дни, когда мы отдыхали перед полетами, а наши соперники только возвращались с аэродрома, утомленные, измочаленные.

Иногда к нам забегал мой давний приятель Витя Латун. Маленький, щупленький, на «летном пределе»: какой-то сантиметр решал, быть ему в авиации или нет. Но Витькиной энергии мог позавидовать каждый. Он был неутомим и вечно нас тормозил, тянул то строить стадион, то заливать каток, то в какой-нибудь культпоход за тридевять земель. Бывало, даже после полетов врывался в «каюту» и кричал:

— Эй, «морячки», махнем в сопки на лыжах!

Ранней весной, едва сошли снега, я заторопился в отпуск. Побывал в Узине, а оттуда отправился в далекий и незнакомый поселок Барсуки под Великими Луками, в котором жила приехавшая к родителям Марина.

Рано утром я с трудом отыскал Маринкин дом, утопающий в зелени. У калитки встретила меня Ксения Логвиновна и сказала так, словно мы с ней знакомы давным-давно:

— Устал небось, сынок, с дороги? Ведь к нам автобусы не ходят...

— Да тут недалеко. Я только от Жаровского пешком.

— Так это же двенадцать километров! — всплеснула она руками и позвала Марину.

Та выбежала на крыльцо босая, заспанная: видимо, не ожидала меня в такую рань.

На четвертый день пошли в ЗАГС. Там предложили написать заявление и прийти через неделю.

Мы, конечно, согласиться с этим никак не могли: у меня вре-

мени в обрез, да и Марине ехать пора. Молоденькая голосистая регистраторша с ходу «благословила» нас и стала выписывать свидетельство о браке. Но когда поинтересовалась профессиями, удивилась:

— Летчик выходит замуж за летчика... Впервые в моей практике.

На улице я сказал Марине:

— Вот ты и отвасилилась.— Она была Васильева.

Куда ехать? Мне, известное дело, надо на Север, в свою часть. А ей? Она окончила летную школу, ее там оставили инструктором. Скоро начнутся занятия. Судили-рядили, порешили: едет она со мной, а к началу занятий вернется в аэроклуб.

«Каюта» пустовала: ребята еще не вернулись из отпусков. А на стене приколот огромный лист ватмана: «Отныне это ваше жилище. Приветствуем супругов Поповичей, желаем обоим высокого неба и взвод деток. Ваши друзья».

Осмотрелись мы и глазам своим не поверили: по тогдашним возможностям комната была обставлена великолепно. На тумбочке радиола «Урал-54», у никелированной кровати — туркменский коврик, на полу — дорожка, на столе — парфюмерный набор.

— Многовато они желают,— прочитав приветствия и пожелания моих друзей, Марина сконфуженно покачала головой.

— Это Нечай разрисовал,— догадался я.

Легок на помине: Володька тут же вырос на пороге — он первый вернулся из отпуска.

— Здоровеньки булы! — кричу ему.

Знакомлю с Мариной. Он смеется:

— Мы уже знакомы. Вместе письма сочиняли.

Я грожу ему кулаком. Володя предлагает:

— Поселяйтесь в «каюте», а мы как-нибудь в другой комнате потеснимся, веселее будет.

— Нет,— отвечаю я.— Только что был у командира. Есть две комнаты. Правда, в разных домах. Ну, ничего, будем с женой друг к другу в гости ходить.

Вернулись все ребята из отпуска, и мы с Мариной устроили семейный вечер. Пригласили майора Юшко с женой Ниной. Комэкс произнес тост за всех холостяков:

— Женитесь быстрее, черти. Больше будет порядка и в «каютах», и на «корабле» — в нашем полку!

И МАЛЫЕ ЗВЕЗДЫ УКРАШАЮТ НЕБО

Не знаю, повезло мне или не повезло, что не попал сразу в полк сверхзвуковых истребителей. Назначение я получил в обычную авиачасть с обычными в ту пору «Мигами» первой модификации. Скорость у них была приличная, но досверхзвуковая.

Меня назначили в эскадрилью майора Владимира Ивановича Юшко. Знал он толк не только в самолетах, но и в людях.

Полетели мы с ним первый раз на «спарке». Повертел он меня в зоне, покомандовал мною, выискивая самые неожиданные вводные. А на земле сказал:

— Вот что, товарищ Попович, чувствуется, летать любите, машину пилотируете неплохо. Но характер у вас горячий. Надо действовать поспокойнее да поточнее.

Слушал я майора и думал: «Что же это получается? Мой первый инструктор Николай Иванович Кузнецов учил быстроте, боевостости. А тут получается другое: чем тише — тем лучше».

Недели через две мы с Юшко вылетели наперехват высотной цели. Настигли ее на предельном расстоянии и вернулись на аэродром с едва допустимым запасом топлива. Претензий к нам, кажется, не было, но майор досадовал:

— Еще одна такая «победа», и мы «погорим». Очень медленно действовали. Особенно при наборе высоты.

И захотелось мне выяснить у майора: где же разумная грань между недопустимой медлительностью и опасной спешкой? Надо было выбрать удобное время для такого разговора.

Однажды вечером мне сообщили:

— Вас вызывает майор Юшко.

Забыв в общежитие и прихватив с собой «тревожный» чемоданчик со шлемофоном, кислородной маской и планшетом, я бросился на аэродром. По дороге сел в попутную машину и минут через десять доложил комэску о прибытии.

— Заболел Леоненков. Сегодня вы будете в дежурном звене.

— Есть.

Летчики сидели в жарко натопленном домике ДС (дежурных средств). Тридцатиминутные готовности следовали одна за другой. Наконец объявили отбой. Одни сели за шахматы, другие, не раздеваясь, завалились спать на обвисшие, похожие на корыта койки. Не успел задремать, как меня растолкали:

— Вылет!

Опять идем наперехват. Цель где-то в стороне.

— Кремьень-один, Кремьень-один! — не без раздражения взывает штурман наведения к моему ведомому. — Цель справа и выше. Цель справа и выше — тридцать пять градусов.

Мы развернулись в указанном направлении, и перед нами встала иссиня-черная стена облаков. «Нет ли грозовой облачности?» — мелькнула тревожная мысль. В этот момент в наушниках вновь прозвучало требовательное:

— Цель идет со снижением...

Юшко первый увидел устремившуюся под облака машину. Мы пошли на снижение. Доли секунды потребовались, чтобы сработали наши фотопулеметы.

Когда приземлились, комэск предложил:

— А теперь давайте поговорим, Паша. — Он неожиданно назвал

меня по имени.— С одной стороны, конечно, нашему брату, как воздух, нужна скорость. Без нее истребитель — не истребитель. Сию премудрость ты усвоил крепко. Но не забывай: скорость и торопливость — это не родные сестры.

— Так-то оно так, да вот что мне непонятно, товарищ майор. Взял ты, к примеру, правильный курс, а тебе говорят: «Не спеши, успеешь с козами на торг». А мне, наоборот, надо спешить, чтобы успеть... не на торг, конечно, а ... на более новую машину, современную технику.

— Ух ты, куда завернул! — смеется майор.— Ты лучше ответь: зачем тебе все это — новая машина, современная техника?

— Как зачем? — недоумеваю я.— Чтобы летать получше, себя испытать, ну, и пользы побольше...

— Насчет пользы ты прав. Но я боюсь одного... В прошлом году к нам прибыл из другого полка командир звена. Так он тоже все твердил про новые машины и хотел совершить что-нибудь этакое неожиданное, героическое... И совершил... Превысил расчетный потолок — думал, своеобразный рекорд установит. Машина потеряла управление. Вот чего стоит его «героизм».

Майор взмахнул перчатками.

— Вот гляди, Паша, какое красивое небо. Прямо бриллиантами усеяно. Разной величины. Помни: его украшают и малые звезды.

Небо постепенно светлело, наливалось розовостью и наконец вспыхнуло огромным веером восхода.

Стоявшие в готовности истребители словно превратились в раскаленные наконечники стрел. Казалось, они готовы вот-вот рвануться навстречу солнцу.

ГДЕ МЫ ВСТРЕЧАЛИСЬ?

Как-то днем мы ездили в театр, смотрели «Укрощение строптивой». Солдаты остались довольны поездкой и собирались домой. Внезапно испортилась наша машина. Забарахлил мотор. А тут еще метель поднялась. Гляжу, солдатики мои продрогли, сапогами выстукивают, в поддавки играют. Эх, была не была, приглашаю всех в кафе.

Уселись мои орлы за столики. Заказал я чаю и булок на всю команду. Пьют ребятам, греются. Кое-кто косится на буфетчицу, которая с точностью фармацевта разливает в стаканы вино.

Передо мной появляется мужчина в огромных собачьих унтах и меховом комбинезоне.

— Я вот тоже хочу кофейком побаловаться. Можно к вам?

— Пожалуйста.

Незнакомец ставит перед собой стакан кофе, тарелку с колбасой и напряженно смотрит на меня:

— Где мы с вами встречались?

Гляжу на широкобровое, с раздвоенным подбородком, с черными до синевы усами лицо и тоже улавливаю что-то знакомое:

— Да, вроде встречались. А вот где, не припомню...

— И, кажется, недавно,— изучающе щурится усач.

Он отодвигает кофе, задумывается.

— Вы пейте, а то остынет,— советую я.

Усач отпивает несколько глотков и опять отставляет стакан:

— Нет, все же интересно, где бы мы могли встретиться?

— Ну, давайте по порядку. Вы к авиации имеете отношение?

— Самое непосредственное. Летчик ГВФ.

— Нет... Не то...

— Ну, тогда пойдем по другому направлению.— Незнакомец задумчиво взвинчивает и без того штопором торчащие усы.— Откуда родом?

— Из Узина. А вы?

— Из Бердичева.

— А где учились?

— В Харькове.

— Ну, это уже ближе. В Киеве бывали?

— Конечно. Но только так, пролетом. В Борисполе садился, автобусом ехал до другого аэропорта... А там взлетал.

— Значит, не были в городе? А я на тех аэродромах не был. Выходит, не тот маршрут.

Незнакомец берет меня за локоть:

— Минутку. Но мы ведь не познакомились. Лютов. Моя фамилия вам ни о чем не говорит?

— Ни о чем,— качаю головой.— Да бог с ним, с этим угадыванием. Возможно, мы двойников наших встречали.

Чай выпит. Солдаты потянулись к ушанкам. Пора домой. Пошляю Страшенку на кухню за горячей водой для машины: парень он симпатичный, самая сварливая хозяйка не только ведро — бочку воды отпустит.

Одеваемся.

— Мне тоже пора,— говорит усач, натягивает шлем. И вдруг я четко представляю это лицо в кабине самолета.

— Минутку, минутку,— останавливаю летчика у двери.— Вы недели две назад пролетали над городом Н.?

— Две недели?

— Ну, примерно. Дней десять-двенадцать...

— Сегодня шестнадцатое... Седьмого я пролетал. Значит, девять дней...

— Ясно! — выкрикиваю и тащу Лютова к столику: — Мы с вами встречались в воздухе.

— Как — в воздухе?

— Просто в воздухе. Увиделись так, что могли белого света больше не увидеть. Чуть не столкнулись.

Мой собеседник медленно опускается на стул и с каким-то

непонятым — полувосторженным, полупечальным — выражением глаз роняет:

— Точно! Ты еще мне кулаком грозился.

...В тот день мы вылетели наперехват высотной цели с заместителем командира подполковником Ковалем. Набрав высоту шесть тысяч метров, мой ведущий, любивший смелые, приближенные к бою эксперименты, решил поменяться со мной ролями:

— Выходи вперед, атакуй цель!

Я вначале не понял.

— Считаю, что я молодой летчик. А ты ведущий. Командуй! Коваль отвернул влево, и я вырвался вперед.

— Не слышу команды! — уже не просьбой, а требованием прозвучал голос подполковника.

Что ж, командовать так командовать.

— Идем с набором высоты до десяти тысяч! — передаю своему ведущему — «ведомому».

— Вас понял, — нарочито громко отзывается подполковник. — Идем до десяти тысяч...

После успешной атаки запрашиваю разрешение выходить на дальнюю приводную станцию и тут же получаю «добро».

Вдруг на встречном курсе, неведомо откуда, появляется серебристая гитароподобная махина. Транспортный лайнер! Он стремительно приближается. С непостижимой ловкостью хватаю ручку на себя и влево. Лайнер пронесется почти у самой консоли моего истребителя. Тут же в глазах поплыли круги: дала о себе знать внезапная перегрузка.

Развернувшись, сбавляю скорость и подхожу к лайнеру. За триплексом кабины вижу вот это усатое, широкобровое лицо пилота. Показываю ему кулак. Он недоумевающе мотает головой: я тут ни при чем.

Как и почему попал в эту зону транспортник, объяснить никто не мог. Я полагал, что отказали приборы, и он сбился с маршрута. В общем, случай самый непредвиденный. Спасла от беды быстрая реакция.

Так оценил происшедшее встретивший меня у командного пункта подполковник Коваль.

— Как же это случилось? — обращаюсь я к Лютову.

Он крутит ус.

— Видите ли, радиокompас отказал. Да тут еще радист новенький, растерялся. Ну, вот маленько и уклонились.

— Ничего себе «маленько» — пятьдесят километров!

Он поднимается, что-то ищет в карманах. Наконец достает маленькую, с изображением Мефистофеля трубку и подает мне.

— Это самое лучшее, что есть у меня. Память о Кубе. Дарю вам в знак нашего знакомства и... — взглянул вверх: — Нашего общего небесного благополучия.

— Что ж, спасибо, — жму руку пилоту. — Может, еще встретимся. Конечно, лучше на земле. Чур, не на встречных курсах.

На улице Лютов подходит к машине, у которой все еще хлопчут окруженные солдатами Страшенко и шофер.

— А ну, минутку.— Усач поднимает капот мотора. Что-то крутит, протирает, завинчивает. Просит насос. Продувает какую-то трубку. Берет заводной ключ, и машина разражается веселым шумным треском. Пахнуло острым бензиновым дымком.

— Все. Можно ехать.

И мы прощаемся.

Утром следующего дня меня увидел в столовой подполковник Коваль:

— Говорят, вчера вы с солдатами были в культпоходе?

— Так точно. «Укрощение строптивой» смотрели.

— В кафе?

— Нет, в драмтеатре. А в кафе я их после пригласил. Погреться.

— Чем?

— Чаем.

— Из рюмок?

— Нет, из стаканов. Вот таких больших, граненых.

— Понимаю.

— Да нет же, товарищ подполковник...

— Верю, верю, — рассмеялся заместитель командира.

— Знаете, кого я встретил в кафе? Того самого пилота, что забрался на мой посадочный курс.

— Транспортник?

— Так точно.

— Ну, ты хоть отругал его?

— Да нет. Он хороший человек.

Подполковник поморщился, смерил меня взглядом:

— Помни, Попович, нет в авиации такой должности — «хороший человек». Есть летчик, механик, инженер. А ты — «хороший человек», — и приказал принести летные книжки нашей эскадрильи для проверки последних записей о технике пилотирования.

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Кого из нас не трогало знакомое со школьной скамьи:

...Зимы ждала, ждала природа.

Снег выпал только в январе.

Это о средней России. О наших же северных краях, видимо, стоило бы написать иначе:

Зимы еще не ждет природа,

А снег кружится в октябре.

Холодными, вьюжными выдались у нас осень и зима пятьдесят шестого года. Снег действительно выпал в октябре, да так и не растаял. А в декабре подули ураганные ветры,

которые валили деревья, телеграфные столбы, финские домики. Конечно, в такие дни о полетах и речи не могло быть. Наши маленькие «Миги», пришвартованные к бетонке стоянок, лихорадочно дрожали под порывами ветра и, казалось, жалобно подвывали в тон вьюге.

Но едва ослабевал бешеный напор норда, как истребители ушли под облака в снегопад. Я уже несколько раз взлетал в такую непогоду с майором Юшко. Теперь оставалось ждать разрешения на самостоятельный вылет. Дать его должен командир полка.

Комполка у нас был Павел Петрович Иванов. Он говорил всегда то, что думал о тебе, если давал оценку полету, то без всяких «но» и оговорок: плохо — так плохо, хорошо — так хорошо. Поначалу нам, молодым, это не совсем нравилось. Но со временем научились ценить такую бескомпромиссную прямолинейность и старались на контрольную проверку техники пилотирования попасть только к комполка: он-то оценит твое искусство по большому счету.

Вылетели мы в полдень, но на аэродром, казалось, надвигались сумерки: ветер пригнал с моря караваны туч, наглухо забивших и без того хмурое полярное небо.

— Погода приличная, — удовлетворенно заметил полковник, прилаживая кислородную маску. Мне ничего не оставалось делать, как поддакнуть.

— Взлет разрешаю! — последовала команда со стартового командного пункта, и наша «спарка» рванулась вперед.

Комполка приказал входить в облака. Вертел он там меня немилосердно.

Казалось немыслимым вычертить на бумаге все те кривые, которые довелось мне выписать в облачной летучей гряде. А я должен был точно знать свое местопребывание и безошибочно определить, куда и как мне идти на аэродром.

Через несколько минут головокружительного полета в белесой дымке полковник скомандовал:

— Выходите на привод!

Вывернув машину, я тут же доложил:

— Товарищ полковник, курс-то противопосадочный!

Он выхватил у меня ручку и бросил машину в сторону.

После небольшой паузы сказал как-то глухо, недовольно:

— Берите управление!

Я безошибочно выхожу на посадочный курс, спокойно докладываю командному пункту:

— Высота тысяча метров.

И вдруг то же самое слышу от другого летчика:

— Высота тысяча...

Значит, и тот, невидимый мне коллега, тоже идет на посадку.

Комполка спрашивает:

— Что будете делать?

Молча беру ручку на себя, самолет круто идет ввысь. И там,

у верхней кромки облаков, совсем рядом со мной блеснул другой «МиГ» — с бортовым номером «семь». Это Володя Нечай с Юшко. Значит, они тоже слышали наш доклад о тысяче метров высоты и тоже поспешили уйти с опасного посадочного круга.

Командир полка обругал руководителя полетов, перепутавшего позывные. Еще минута, и брезентовой лентой транспортера прорезалась посадочная полоса сквозь редящую облачность. Мягкое долговечное прикосновение колес к бетонке, и мы с комполка облегченно вздыхаем.

Заруливаем на стоянку.

Вылезаем из кабин мокрые от пота, расстегиваем карабины парашютных лямок.

— Полет был приличным,— бросает привычную фразу полковник и неторопливо спускается по трапику на дорожку, ни с чем не сравнимую твердь земли.

Подходит техник.

— Товарищ полковник, какие будут замечания по работе машины?

— Спасибо. Замечаний нет,— сказал командир и повернулся ко мне: — А с вами будет особый разговор.

У шлагбаума догнал нас командирский газик. Полковник кивнул водителю:

— Поезжайте в гараж. Мы пешком. Не против? — И взглянул на меня.

— Конечно, лучше пешком, товарищ полковник.

Шагая в тяжелых унтах по глубокому снегу рядом с комполка, я напряженно жду обещанного «особого разговора». Павел Петрович, наверное, понимает меня, но начинает издалека:

— Как дела?

— Вроде нормально.

— Это плохо, что «вроде». Надо точно знать. Юшко более определенно говорит.

— Ему сверху виднее, товарищ полковник.

— В общем, дела у вас неплохие. С людьми работать умеете... А как на семейном фронте?

— Тут неважно. Это определено, товарищ полковник. Разве дело: жена за тысячу километров, а я здесь.

— Почему бы ей сюда не приехать?

— Она давно рвется, но начальство не пускает. Да и работать тут ей негде. А она не может не летать.

— Жена у вас летчица?

— Так точно.

Задумывается Павел Петрович.

— Знаете что, я поговорю с командиром части, а потом и сами к нему обратитесь. Разрешаю. Может, устроит перевод.

Незаметно доходим до командирского дома.

— До свидания, товарищ полковник. Разрешите идти?

— Не торопитесь. За сегодняшний полет ставлю вам отличную

оценку. А теперь я хотел спросить вот о чем. В партию вступать не собираетесь?

— Думал об этом...

— Так вот, если потребуется рекомендация, дам.

Я старательно готовился к полковому партийному собранию. Но мою политическую и партийную грамотность проверять не стали. Кто-то сказал — раз я руковожу группой политзанятий, экзамен устраивать не стоит. С ним согласились и попросили рассказать биографию.

Прикинул: рассказывать, собственно, не о чем. Родился там-то (в автобиографии уже сказано), учился там-то (указано в анкете), служу здесь (и так ясно). И вдруг из задних рядов поднялся молодой техник-лейтенант.

— А скажите, товарищ Попович, это правда, что вы с солдатами в чайную ходили?

— Так точно, — ответил я чисто по-военному.

Все засмеялись. Только председатель собрания — начальник штаба — даже не улыбнулся и постучал карандашом по гильзе, служившей пепельницей:

— Товарищи, вопрос серьезный, и шутки тут не к месту.

— А я не шучу, — откликнулся с места техник-лейтенант. — Пусть товарищ Попович скажет, как он сам оценивает этот поступок.

— Какой поступок? — не понял я.

— Разрешите, — к трибуне вышел командир эскадрильи Юшко.

Что-то неприятно холодное подкатилось к горлу. Комэск тоже дал мне рекомендацию. Вот сейчас подойдет и скажет прямо в глаза: «Я за вас поручился и, оказывается, зря...» Да, он вполне может так сказать, ведь Юшке тоже мне когда-то устроил допрос после той злосчастной чайной.

Майор, не торопясь, по привычке достает из кармана «колдунчик», куда записывает все грехи эскадрильи, медленно обводит взглядом ряды, видимо отыскивая техника-лейтенанта. «И чего он тянет?» — подумал я. Наконец майор заговорил:

— Знаете, товарищи, был у меня один знакомый, в училище сейчас инструктором работает, так к нему курсанты приходили домой. Также чай пить. И его за это крепко наказали. Не поверили, что устраивал он чаепития. А на проверку вышло: инструктор действительно любил угощать чаем. Самовар даже специальный заимел. Но суть-то не в самоваре, а в людской теплоте. Любил инструктор курсантов. Не только дверь квартиры, а душу перед ними открывал. Этого кое-кто и не понял. Вот и сейчас... Принимаем человека в партию. Мы ему должны сказать самое главное, существенное. А оно заключается вот в чем. У Поповича впереди еще большая дорога. Так пусть же он учится любить людей, уважать их и доверять им. Направление он правильное взял, и не надо сбивать его с пути. Рекомендацию я ему дал потому, что верю в него...

Приняли в кандидаты партии единогласно.

НВБ

Жили мы с Мариной, как жених с невестой: то я к ней приеду, то она ко мне. Бросать полеты не хотела, да и не было смысла — мы все же надеялись на перевод. Тогда все уладится.

Но время вносило свои поправки...

В июле мы поехали в Узин, и сразу, с дороги, я отправил Марину в роддом. Ночевал на скамейке, то и дело справляясь у врачей. Наконец утром няня вышла на крыльцо и поздравила:

— С дочкой вас!

...Летом в политотдел прислали одну путевку на Всемирный фестиваль молодежи в Москве. Передали в наш полк. На комсомольском собрании долго обсуждали, кому ее вручить, и решили послать в Москву меня.

Когда я вернулся из Москвы, вскоре пришел приказ о моем переводе.

В последний раз мы собрались в «каюте» на прощальный вечер. Володя Нечай читал стихи. Ваня Леоненков и Виля Бояковский вспоминали Дерibasовку, пели утесовские песни. Витя Латун подыгрывал им на баяне. Потом, не помню кто, подал идею:

— Давайте сочиним клятвенное дружеское обещание нашей «каюты».

Долго спорили над заголовком. Нечай предложил:

— Назовем так: «Кодекс НВБ».

— А что такое «НВБ»?

— Нерушимое Воздушное Братство.

Все согласились.

Окончательный текст выглядел примерно так:

«Мы, подписавшие сей Высокий Документ, обязуемся:

а) Дружить, быть преданными друг другу до скончания дней своих.

б) Где бы кто ни был, постоянно писать друг другу, информировать о жизни, любви и прочее, прочее.

в) Всегда поддерживать высокий тонус.

г) При возможности тянуться друг к другу, чтобы служить рядом.

д) Всячески содействовать пресечению холостяцкой жизни. Любить жен сильнее, чем Ромео Джульетту.

е) Воспитывать достойное потомство.

ж) Быть преданными авиации. Приобщать к ней братьев, сестер, друзей и собственных детей.

з) Стремиться к высоте и скорости.

и) Всячески бороться со старостью, духовной и физической. Всегда идти по жизни на полном форсаже.

Высокие Договаривающиеся Стороны пришли к единому мнению о безусловном запрещении следующих поступков и деяний:

а) Вешать нос, точно так же, как и задирать его.

б) Оправдывать ошибки товарищей.

Всему судья — только честная, прямая, строгая дружба, выше которой даже неба не бывает...»

Поставили подписи и скрепили их печатью из сырой картофелины.

На второй день я собрался в дорогу, взял чемодан и... едва сдвинул с места. Открыл — полно гирь. Не иначе Нечай загрузил. Так и есть. Перед самым отходом автобуса влетает в комнату, хочот:

— Давай помогу, а то самому справиться силенки не хватит.

Провожали меня все ребята нашей «каюты», солдаты-механики. Пришел комэск. Жаль было расставаться с такими сердечными людьми. Попрощались с механиком Леонидом, подарившим мне на память сделанный им макет моего истребителя «шестерки». Обнялись со Станиславом Кунгурцевым. Другие механики преподнесли неведомо где раздобытые в такое время живые цветы.

Солдатская дружба! Спасибо, ребята, спасибо, родные! Гляжу на них, таких простых, неловких, в больших кирзовых сапогах, в грубых шинелях, и с трудом сдерживаю волнение. Вспоминаются все наши путешествия, культпоходы, то же злосчастное кафе... Надо было бы сказать: «Что ж, ребята, у нас были хорошие, честные отношения. Я рад и благодарен, что познакомился с вами, узнал ваши добрые души». Но срывается с уст совсем иное:

— Хорошей вам службы, товарищи, и не поминайте лихом.

— Пишите нам, товарищ старший лейтенант,— просит Кунгурцев.

— Напишу, Слава. Обязательно напишу.

...В новом гарнизоне первым меня принял комполка полковник Масленников. Зашли в кабинет. Взял он мою летную книжку и недовольно поморщился...

— Так ты ж почти не летал.

— Летал, но мало...

— Да что это за налет? А ну, оценки? Нормально. Так в чем дело?

— Сколько планировали, столько и летал,— оправдываюсь я.— Там же погода... Вообще рад летать сколько угодно!

Полковник улыбочиво смотрит в мое, наверное, не совсем веселое лицо.

— А нос вешать не надо. Сделаю из вас летчика, только держитесь.

— Спасибо. А то даже третьего класса не получил.

— Будет и классность, будет и все остальное,— обещает комполка.

За месяц я налетал двадцать часов! По прежним моим представлениям, это невиданно. Никогда не летал вот так, вволю.

Приехала Марина с дочкой. Дали нам комнату. Но едва расставили мебель и сели пить чай, как тут же постучался неожиданный гость из квартирно-эксплуатационной части.

— Комнату придется освободить.
— Но у нас есть разрешение.
— Разрешение — еще не ордер, — довольно внушительно поясняет хозяйственник. — Комната эта предназначена для других.
— А куда же мы? — растерянно спрашивает Марина.

Он твердит свое:

— Освобождайте жилплощадь. Не задерживайтесь. Имею честь, — делает галантный поклон и уходит.

Отправился я на ночные полеты в совсем расстроенных чувствах.

...Уже несколько минут шел в облаках. И вдруг мне показалось, что самолет начал крениться. Гляжу на прибор: нет, стрелки не показывают крена. Иду ровно, с набором высоты. Но мысль навязчиво твердит свое: «Идешь с креном!» Всем своим существом чувствую, что машина валится на правое крыло. Но выдерживаю. Ручкой и педалями чуть-чуть «подправляю». И тут же взгляд на прибор. Стрелки показывают крен. Только влево. Но левого крена я не чувствую. Меня одолевает, гнетет правый.

Знаю — надо верить прибору. Твердо, до конца, но веры этой нет. Она улетучилась, ее вытеснила какая-то неодолимая сила инстинкта. И как бы слитно, синхронно с инстинктом работает мысль, оправдывающая мои действия: «А может, прибор лжет? Поправляй, веди машину по инстинкту!».

В одно мгновение мне почудилось, что истребитель перевернулся. Руки вспотели. К голове прихлынула кровь. В висках отдаются ее тяжелые толчки. Так как же быть? Верить чувству и, не теряя секунды, переворачивать машину, выводить в горизонтальное положение? Ведь если она действительно «лежит на спине», то вариометр должен показывать, что я уже не на подъеме, а иду вниз, к земле. Можно связаться с командным пунктом и доложить о случившемся. Но ведь на земле еще нет такого прибора, который бы определил, в каком положении находится мой самолет: кабиной вниз или вверх. Правда, штурман наведения безошибочно может сказать, как я лечу — снижаюсь или набираю высоту. А может, сам во всем разберусь?

Отдаю ручку от себя и вывожу машину в горизонтальный полет. Так безопаснее. Во всяком случае, не к земле машина идет. И вдруг в глаза ударяет колющий свет звезд. Их так много, что я, кажется, никогда не видел столько. Наплывают они со всех сторон. Будто в мешок со звездами попал.

Значит, я вышел из облаков. Так где же тот спасительный горизонт, который подскажет, как мне быть дальше? Но горизонта не видно... Кругом звезды. Вот и под ногами... Что это? Огни города? Но почему они несутся подо мной наискосок и чуточку даже в небо «лезут»? Так это же я с креном лечу! На левое крыло. И прибор показывает то же самое. Значит, ложную тревогу подал инстинкт.

Иду на посадку.

Выруливаю на стоянку, с трудом стаскиваю промокший наск-

возь подплемник. О случившемся докладываю командиру эскадрильи Афанасьеву. Он выслушивает меня внимательно. Упрекает за то, что сразу в воздухе «не доложил обстановку». Но тут же, как бы между прочим, оговаривается:

— Вообще-то неплохо, что сам во всем разобрался.

Пришел домой, свалился на кровать, как подкошенный.

Утром к нам постучался комполка. Поинтересовался, как живем. Я сразу догадался, что о моем ночном происшествии ему уже доложил комэск. Полковник сказал, что случилось это, по всей вероятности, из-за моих домашних неурядиц.

Он успокоил нас с Мариной, взял на руки Наташку.

— Вот что, дочка, живи здесь и не переживай.

Пришел хозяйственник и вручил нам «на законном основании» ордер на комнату.

С командиром эскадрильи Афанасьевым мы ходили наперехват высотных скоростных целей, вели воздушные бои, поражали наземные цели, отрабатывали новые тактические приемы действий группой и в одиночку.

Трудностей было немало. В то время менялись взгляды на тактику истребительной авиации. В высших авиационных кругах горячо обсуждали проблемы воздушного боя.

На разборе полетов досталось нам от комполка.

— Помните, товарищи летчики, понятие «ас» меняется с реактивной скоростью. Лихие, частые атаки с головокружительным маневром «кто кого» — это уже старина. Истинное искусство летчика — уметь сразить неприятеля с одного захода, одной очередью. Для повторной атаки времени нет. Противник не допустит ее.

Вечером написал ребятам, рассказал о трудностях.

Вскоре получил ответ. Он заканчивался словами: «В Кодекс НВВ вносим следующее дополнение: «Как бы трудно ни было, в какой бы житейский переплет ни попал, никогда не плачь в жилетку».

ВЕЧЕРНИЙ РАЗГОВОР

Поздний вечер. Наташка уже спит. Мы с Мариной сегодня никуда не пошли — сумерничаем. Марина настроена на воспоминания.

...Девочка, похожая на мальчишку, организовала группу «храбрых» — тренировать и закалять волю. Поднялись на пожарную вышку. Слезать было сложнее, и потому пришлось «храбрецам» ждать, пока снимут их оттуда родители.

С пяти лет все свободное время было отдано музыке. Отец научил играть на цимбалах.

Первый концерт состоялся в колхозном клубе. Завклубом объявил, что «выступает отец и дочь Васильевы», что «будут исполнены русские и украинские песни» и что «другие песни могут быть исполнены по просьбе слушателей».

Девочка вышла на сцену. Отец подал смычком знак, палочки опустились, музыка медленно и тихо поплыла по залу. В паузах, когда можно было взглянуть в зал, девочка замечала, что все слушали очень внимательно.

Как-то вечером вернулся отец из райцентра. Привез баранок и пряников. Девочка обрадовалась и папе, и гостинцам. Только мама почему-то не радовалась, а плакала. Утром он поцеловал дочь и сказал, что едет на фронт.

Начались налеты. Когда громом докатывался гул бомбардировщиков, родители бросали все и уводили детей в погреба. Однажды, спустившись в погреб, Маринка вспомнила, что забыла в избе кошку. Ей, наверное, страшно там одной. Бросилась наверх так быстро, что мать, вокруг которой сидело четверо ребятшек, не успела задержать ее. Выбежала следом за ней: «Доченька, назад, убьют!» Но за воем бомб и снарядов ничего не было слышно. И дым вокруг. Снаряд упал у самого крыльца, но не разорвался. Уже после отбоя жители обнаружили в нем опилки. «Есть, наверное, и в Германии люди, которые не хотят, чтобы нас убивали», — сказал кто-то.

Бои длились бесконечно долго, с маленькими, как миг, перерывами.

Вскоре фашисты заняли село. Все наворованное они тащили к дороге, где стояли машины и мотоциклы.

Однажды немцы выстроили всех детей под окнами комендатуры.

— Пойте ваши песни! — велел переводчик. И дети, не договариваясь, запели.

Разлетались головы и туши,
Дрожь колотит немцев за рекой...

Звонко пели малыши, не думая, чем может кончиться эта самостоятельность, и радуясь тому, что предоставилась возможность спеть на любимый мотив «Катюши».

Это наша русская «катуша»
Немчуре поет заупокой...

К счастью, переводчик был не совсем точен.

Село несколько раз переходило из рук в руки. Когда наши снова начали отступать, все село двинулось на повозках в леса, а оттуда — в эвакуацию, в тыл.

В Сибирь ехали три месяца. Четверть года. В товарном вагоне все узнали друг друга, будто целую вечность провели вместе. Сообща получали продукты, готовили, доставали кипяток на станциях. Одежду меняли на хлеб. Эшелон передвигался только по ночам, останавливаясь на каждом полустанке. Днем фашистские самолеты бомбили вагоны. Погибших хоронили тут же, на остановках...

...Жили на конном дворе в маленькой избушке с крохотным окошком. С рассветом люди приходили за упряжью. Приносили детям гостинцы — теплый, мягкий хлеб. Коля и Валя немножко окрепли. Мать работала в поле. Маринка пасла телят и овец. Утром бо-

сиком бегала по росе. Если было холодно, залезала на дерево отогреть красные ступни. Да так и за стадом наблюдать лучше.

У переселенки появился свой огород. Это было большим подспорьем. Осенью Маринка пошла в школу — за пять километров от села. Зимой помогала матери на ферме.

Училась Маринка хорошо. Учителя помогали, лишь бы не бросила учебу. Через сельсовет доставали ей одежду, обувь. В школе писала на тетради из газет. Ручка — перо, ниткой привязанное к палочке.

Отец долго разыскивал семью. Отпуск ему дали, когда война уже шла на территории Чехословакии и Польши. Поехал он в свое родное село.

— Твоя семья, Лаврентий, в Сибирь подалась.

Тысячи семей были эвакуированы в Сибирь. Поди найди, солдат, там свою. И все же он нашел. Добрые люди помогли. Приехал в незнакомое сибирское село, увидел ватагу мальчишек на скотном дворе и заприметил среди них одного, уж очень похожего на старшую дочку. Подозвал, спросил, как фамилия. И тогда уронил вещмешок, тяжело присел на бревно. Прижал лохматую голову мальчика к груди:

— Сынок, я же твой отец...

А тут подбежала и младшая дочка — Валя. Взял детей на руки и понес в избу. А солдатка увидела своего Лаврентия — руками всплеснула.

Гостил отец неделю, но пролетела она, как минута.

Маринка стала подменять мать и в поле. Жала рожь, пшеницу. Тербила лен. Полола картофель. Но самая тяжелая работа — снопы вязать за машиной и убирать сено. Поля в колхозе неблизкие. Приходилось ночевать на лугу. Вечерами, после работы, собирались на сеновале и пели то тихие, протяжные, то громкие, задорные припевки. Особенно хорошо пела сельская красавица Ирина Сергеева. Ее звонкий, чистый голос с ума сводил кавалеров всей округи.

В субботу ехали домой на лошадях, и каждый парень старался попасть в компанию самых голосистых девчат, чтобы песен хватило на всю дорогу. При въезде в село усердно пели даже безголосые. Из домов выскакивали ребятишки, бежали за подводами.

Настало время теребления льна. Мать радовалась и волновалась. Маринку назначили звеньевой. Это почетно, но и ответственно. Нужно с первыми лучами солнца появляться в поле, измерять участки, расставлять людей.

Заволновалась, испугалась однажды звеньевая: на ее поля обрушился град. Да не только «своего» поля жаль. Град побьет урожай в огородах...

И вдруг в это тревожное, хмурое, тяжелое утро словно яркое солнце вспыхнуло. Радио сообщило: «Конец войне!» Все забыли про град, выскакивали на улицу, обнимались, женщины плакали.

Стали возвращаться демобилизованные. Только солдат Лаврентий Васильев не сразу приехал домой. После контузии перевели его

в батальон охраны. Восстанавливал разрушенные железнодорожные линии. Но настал и его черед постучаться в родную калитку.

...Прошли годы, и вот уже сданы экзамены в авиационный техникум. Марина считала, что в этом техникуме непременно учат летать: самолеты-то во дворе стоят. Но о полетах никто не говорил. Со временем все выяснилось — здесь готовят тех, кто будет строить самолеты, а не летать на них. На третьем курсе можно устроиться в аэроклуб.

И вот третьекурснице разрешили парашютные прыжки.

На старт поехали в кузове грузовой машины с парашютами за плечами, в шлемах. Со страхом и завистью смотрели на высокого красивого паренька, первым занявшего место в самолете. Сердца юных парашютистов были с ним, с Володей. Самолет набрал высоту и с маленьким креном стал кружиться над аэродромом. На мгновение он как бы завис. Проходит секунда, другая, пятая. Самолет теряет высоту... А Володя не прыгает. Что случилось? Вот уже высота совсем мала. Тут прыжка не жди. Значит, все-таки что-то произошло.

Самолет приземлился. Забыв о всякой осторожности, бегут к нему Володины друзья. Бледный, растерянный, он медленно спускается на землю, сбрасывает парашют и, никому ничего не говоря, уходит. «Струсил, — роняет инструктор. — Кто следующий?»

— Я, — раздается негромко.

— Кто — я?

— Васильева.

— То-то же, — буркнул подошедший к самолету командир звена Куропатников. — С вами полечу, садитесь.

Набор высоты. Сердце стучит громче мотора. Четкая команда: «Приготовиться!». Марина механически отвечает: «Есть приготовиться» и продолжает сидеть. Двигатель работает на малых оборотах, самолет снижается. Что же это такое, нет второй команды «Вылезай»? Нет и нет. И вдруг ее словно пружиной подбросило: надо прыгать. Она шагнула на плоскость, но, взглянув на инструктора, оторопела: его глаза выражали ужас, лицо одеревенело.

— Назад! — закричал он. — Нет высоты! Что же ты сидела?!

Но полступни уже в воздухе. Марина глянула вниз. Там шел поезд, очень маленький, игрушечный. Земля ясно и отчетливо проступала сквозь прозрачную дымку. Решение твердое: «В кабину не вернусь. Только прыжок».

И командир понял: назад — поздно. Крикнул:

— Пошел!

В этой команде было все — и страх (вдруг не раскроется главный купол, а на запасной не хватит времени и высоты), и злость на себя (зря связался с такой ученицей), и возмущение.

Резкий рывок. Мир преобразился в мгновение ока. Свободный полет длился всего несколько секунд, но она увидела и траву, и кусты, и большое, похожее на гонг, солнце.

Приземлилась мягко. Ее обнимали друзья. Кто-то из ребят протянул букет ромашек.

После выпускного вечера выяснилось, что почти все выпускники аэроклуба решили стать летчиками-профессионалами. Но представление о летной профессии они имели довольно смутное. Марина решила во что бы то ни стало поступить в училище. Хотя это сложно и почти невозможно! Везде говорят одно и то же: «Не женское дело».

Остается одно — ехать в Москву. Ей казалось, что вопрос, связанный с ее поступлением в летную школу, самый важный.

В приемной Президиума Верховного Совета СССР встретили приветливо, но принять обещали только через неделю. Семь дней — вечность. Что скажут на работе, как жить в городе, где нет ни одного знакомого человека? Все передумала. Пошла на телеграф — сообщила на работу, что задержится на неделю. А где ночевать? Поехала в гостиницу на ВДНХ.

Настал день приема. В пять утра она уже была на ногах.

Ровно в десять открылась дверь, улыбающийся Климент Ефремович в сопровождении двух мужчин появился на пороге. Поздоровался и без всяких вступлений стал беседовать с первым посетителем.

Наконец ее очередь. Смотрит Климент Ефремович и говорит:

— Летать, значит?

— Так точно, — рапортует юная посетительница.

— Ну хорошо. Летайте, прославляйте нашу Родину. Если, конечно, есть способности.

— Буду летать! — немного хвастливо заявила будущая авиаторша.

На ее заявлении, в уголке, появилась приписка:

«Председателю ЦК ДОСААФ генерал-майору авиации тов. Каманину.

Рассмотреть заявление и, если данные соответствуют, направить в школу летчиков ДОСААФ».

Генерал Каманин назначил проверку техники пилотирования на 11 ноября.

Садится девушка в переднюю кабину, тщательно притягивается привязными ремнями. Но как сказать генералу, что ноги не достают до педалей? Нужна подушка. Марина набирается смелости.

— Товарищ генерал, разрешите взять с собой подушку.

— Что, что? — переспрашивает удивленный генерал. Потом улыбается, подзывает техника, и тот подает свернутое стартовое полотно. Теперь все в порядке! Можно лететь!

В зоне на высоте 2000 метров видимость исключительная. Как на ладони видна Москва. Марина докладывает на землю о том, что зону заняла, приступила к выполнению задания. Штопор, разворот, виражи — все вроде бы хорошо. До боли в ладони сжата ручка управления, напряжение излишнее, но трудно себя взять в руки.

— Все нормально, — слышится в наушниках.

Подрулили к стоянке. Первым покинул самолет генерал. Ему навстречу шагнул инструктор и тут же спросил:

— Ну, как?

— Летать будет, — коротко ответил генерал.

«РОССОМАХА»

Мне дьявольски везло на адъютантскую должность. И я понял немудреную истину: главное — попасть в эту колею, а потом из нее не выберешься. Там само по себе пойдет. «Вам это дело уже знакомо, значит, и карты в руки. Приступайте к обязанностям».

Ну, а какие у эскадрильеского адъютанта обязанности? Вроде и нет их. Внештатная должность. В порядке дополнительной нагрузки к основной работе — пилотской. Но это не общественная нагрузка. Тут все приказом оформлено, и отвечаешь согласно приказу. Вот и тянешь.

Как шла служба у других летчиков — моих сверстников? Отлетал положенное — и «гуд бай»! А мне и летать надо, и планы составлять, и всякие эскадрильеские дела вести. Вечером обязан навеститься в казарму. Проследить за порядком. Снарядить людей в караул, если потребовался где-то срочный пост. Проинструктировать дежурную службу. Проверить оружие, обмундирование. Выяснить, как накормлен солдат.

В субботу мои дружки-пилоты, начищенные, наглаженные, отправлялись на танцы, а я оставался в казарме. Надо было выдать увольнительные, напомнить о дисциплине. В полпочь не забыть позвонить, все ли вовремя вернулись и нет ли каких ЧП. В воскресенье те же заботы. Забежишь в казарму, справишься у старшины, как прошел выходной.

Солдаты вели себя как в гарнизоне, так и в городе хорошо. Но случались и неприятности. Однажды механика Коновалова задержал патруль. Не отдал честь кому-то. А потом еще нагрубил патрулю. Я удивился: такой тихий, скромный, дисциплинированный солдат и вдруг набедокурил. Пошел в комендатуру, выслушал нотацию дежурного, а потом стоял навтыяжку перед командиром полка и отчитывался за «беспорядок в эскадрилье». Оправдываться было трудно. Соглашаюсь: виноват, недосмотрел. А стоящий рядом Коновалов только ресницами хлопает, такими невинными глазами смотрит на меня: дескать, воспитывайте, подтягивайте.

И тут взяло меня зло. В кабинете комполка я стал отчитывать солдата:

— Что же это такое получается, Коновалов? Вам двадцать второй год, а я за вас должен отвечать, как за младенца. Так не пойдет! Наказывать не буду ни старшину, ни кого другого. Только вас! Запомните раз и навсегда.

Вышел Коновалов из кабинета. Меня комполка задержал. Думал, распекать будет, а он вдруг рассмеялся:

— Здорово получилось с выводами. Решили сержантов не наказывать! Это камень и в мой огород — чтобы и вас амнистировал. Так понял?

Я молчал. Комполка сменил тон:

— Нет, не выйдем! Мы отвечаем за солдата. И с вас будет спрос, и с меня.— Помолчал, опять смягчился.— Требуйте, воспитывайте. Но всегда ищите главное — причину: почему солдат поступил так, а не иначе.

Я взялся было за фуражку, попросил разрешения выйти и вдруг у порога остановился: появилось желание сию же минуту снять с себя обязанности адъютанта.

— Товарищ полковник, разрешите...

И тут я запнулся. Комполка поторопил:

— Ну, что у вас там?

— Понимаете, товарищ командир, плохо у нас... с отоплением казармы. Батареи почти холодные.

— Хорошо. Разберусь.

Я вышел.

У штаба стояли летчики. Володя Соколов издевательски подмигнул:

— Паша, какая разница между картошкой и адъютантом? — И сам же ответил: — Картошку вначале чистят, а потом варят. Адъютант, наоборот, вначале варится в собственном соку, потом его чистят.

Ничего не оставалось делать, как свалить Соколова в сугроб и залепить ему снегом рот.

Все же меня не покидала мысль расстаться с адъютантскими делами. Думал так: до Нового года как-нибудь дотяну, проведу с механиками этот праздник, обеспечу торжества без ЧП и пишу рапорт командиру эскадрильи. Мотивов предостаточно, а главный из них: уже потрудился, пусть другие попробуют. Но мне помешали два события. Сменился старшина. Демобилизовался один из командиров отделения. А тут опять с механиком Коноваловым приключилась неприятность. Отпустили мы его по семейным делам домой, вернулся же он весь в ссадинах, синяках, царапинах. На вопрос: «Что случилось?» ответил: «Дрался с россомахой». Конечно, вся эскадрилья смеялась пуще запорожских казаков, писавших письмо турецкому султану.

Мне пришлось отчитываться перед командиром эскадрильи и комполка: ведь об отпуске ходатайствовал я. Комполка вспомнил наш прошлый разговор:

— Не пойму вас, Попович, то вы готовы были взвалить всю вину на одного солдата и наказать его самым строжайшим образом. А то предоставили ему отпуск.

— Но ведь у него отец заболел...

— Вот он и помог отцу. Самого хоть в госпиталь клади. Разберитесь и доложите. Завтра жду в это же время.

— А я уже разобрался, товарищ полковник. Могу доложить. Объяснения Коновалова смешны и наивны. Ясное дело: подрался с кем-нибудь.

Комполка посмотрел на меня с укоризной:

— Нельзя так. Человек ведь... Поговорите, выслушайте. Посоветуйтесь с врачом. Все взвесьте...

Я ушел с раздвоенным чувством. Решил сегодня же вечером побеседовать с Коноваловым. Пошел в казарму и узнал, что он болен. В госпитале.

В воскресенье я отправился туда.

Парепь обрадовался моему приходу. Вместе с тем, как мне показалось, насторожился. И я твердо решил ни слова не говорить о проклятой россомaxe.

Выглядел Коновалов неважно. Побледнел. Глаза ввалились. Рука, лежавшая сверху на одеяле, слегка дрожала.

Разговор явно не клеился. Я спросил о самочувствии. Он ответил уклончиво, мол, так себе, терпимо.

Что именно болит, не сказал. Только вздохнул и спросил:

— Который час?

— Скоро четыре.

— Как долго время тянется... Кажется, год тут лежу...

Приподнялся, поправил подушку и с какой-то виноватой улыбкой выдохнул:

— В казарме лучше спится... Кстати, Травкина, моего дружка, не видели?

— Вчера вечером — на полетах.

И вдруг Коновалов хрипло, с горечью бросил:

— Тоже смеялся?

— Нет, он не смеялся. И никто не смеется, — поспешил я заверить солдата: мне так не хотелось касаться неприятной темы. Не знаю почему, но сейчас я был убежден в том, что Коновалов не мог соврать. Солдат сам заговорил об этом:

— А почему вы не расспрашиваете меня, товарищ старший лейтенант?

— О чем?

— О россомaxe.

— Зачем?

— А зачем весь полк трубит?

— За полк — не скажу, а сам я все знаю.

— Что именно?

— Вы не могли сказать неправду.

— Спасибо.

— Это комполка благодарите...

— Ведь он приказал вам разобраться. И вам влетело за меня...

— И правильно, что влетело. Теперь все ясно.

Я посмотрел на механика — повеселел тот.

— А где ваше ружье, товарищ старший лейтенант? — поинтересовался он. — Ведь вы тоже охотник.

— Продал, Слава. Ни к чему оно мне. Плохой из меня охотник.

— Зря продали. Конечно, по здешним местам, может, и пистолета достаточно. Но у нас, в Сибири, ружье позарез нужно.— Глаза Коновалова погрустнели.— Эх, хорошо там сейчас! Зима настоящая... Снегом пахнет тайга. И тихо. Даже самого большого мороза не чувствуешь. Идешь по лыжне, пар от тебя, как в бане. И, заметьте, у нас люди меньше болеют. Крепкий народ. А все потому, что климат здоровый. Были в наших краях?

— Был. И жена там жила.

Необыкновенно разговорчивым оказался механик. Сибирь, охота, валка леса, ледоход на Енисее — все это, казалось, я видел собственными глазами. А потом и о семье рассказал, и про россомаху вспомнил. Только вскользь, мимоходом, видимо, не желал будоражить старое, неприятное.

Вернулось к сибиряку хорошее настроение, а там и выздоровел: через неделю выписался из госпиталя. Примерно в это время на мое имя (до сих пор не пойму, почему именно на мое) пришло письмо из Сибири, от односельчан Коновалова. Председатель колхоза и секретарь парторганизации на семи тетрадных страницах описывали операцию «Россомаха». Для вящей убедительности к письму приложили вырезку из районной газеты.

Все происходило именно так, как рассказывал Коновалов. Приехав на побывку, отправился на охоту. Вышел на опушку и услышал крик. В снегу лежал окровавленный человек, которого терзала россомаха. Как быть? Стрелять? Нельзя — вместе со зверем человека убьешь. Зверь в клочья изорвал парню полушубок, искусал руки, испарал лицо. И все же Коновалов задушил хищника.

А потом, истерзанный, обессиленный, четыре километра нес на себе раненого человека. После сам неделю отлеживался дома.

Выходит, механик совершил геройский поступок, а мы его чуть на гауптвахту не «упекли».

История с россомахой была для меня поучительной. Она вновь напомнила, как важно верить человеку, видеть в нем, как говорил мудрый Горький, прежде всего хорошее.

А что же с Коноваловым?

Нормально. Даже хорошо. Отслужил он последний год без замечаний. При увольнении вручили ему похвальную грамоту. И еще увез с собой именные часы, подаренные командиром полка.

НЕ МОЛОТ КУЕТ

Наш старшина был бойкий, веселый, неунывающий и даже чуточку беззаботный человек. Все уважительно величали его Федотычем. Поначалу я думал, что это просто дань возрасту, а не авторитету, заслугам. Порой даже сомнение брало, как такому беспечному балагуру доверяют подготовку самолетных пушек?

Со мной, как и со всеми летчиками, он здоровался вежливо, но с некоторой лукавинкой: ты, мол, хоть и пилот, но настоящей высоты не видал. Его хитровато-насмешливый взгляд выводил меня из равновесия, и я вот-вот готов был выложить ему: «Не думайте, что годы — большой капитал. Адмирал Макаров говорил, что сундук десять лет с ним плавал на корабле, но так сундуком и остался».

Однажды мы вместе поехали на склад за обмундированием. Сидим в кузове вдвоем. Может, заговорить? Нет, тут такой шум, что ничего не услышишь. Приедем — тогда...

Машина остановилась. Соскакиваем. Он хотя и немолодой, но так ловко спрыгнул, что даже не покачнулся. А у меня подвернулась нога, и я едва не упал. Поддержал меня старшина. Та же смешинка в глазах:

— Высоту не рассчитали.

— Да. не рассчитал...

Слышу, кто-то окликает моего попутчика:

— Федотыч!

Я оглянулся — полковник в каракулевой папахе с чемоданом в руке.

Старшина минуту стоял не шелохнувшись.

— Что же вы, Федотыч, своих не узнаете? — улыбнулся в седующие усы высокий худощавый полковник.

— Здравия желаю, Владимир Ива... товарищ полковник, — запнулся старшина.

Прохожие невольно останавливались, наблюдая за этой встречей. Бородач в парусиновом плаще протер кулаком покрасневшие глаза:

— Як братья зустрілись...

— Что же мы остановились посредине улицы? — заторопился полковник. — Пойдемте присядем на скамейку. Рассказывайте, как, где служите?

— В том же полку. А вы?

— На Балтике.

Старшина вдруг вспомнил обо мне:

— Товарищ полковник, это летчик из нашей части. Новичок.

— Ну, что ж, познакомимся. — Полковник протянул руку. —

Приятно видеть смену.

Я рад был знакомству, но в душе упрекал Федотыча: зачем он опять об этой молодости? «Новичок»! Да какой я новичок, если уже несколько месяцев в полку?

Уселся под тенью березы. Жмурясь от выглянувшего из-за серых облаков солнца, полковник задумчиво проговорил:

— Еду лечиться. Годы берут свое, да и война здоровья поубавила. Но мы еще поработаем, покажем, на что способны старики.

— Да какие мы старики? — горячо возразил старшина, и его смуглое подвижное лицо сморщилось в улыбке: — У нас еще столько дел впереди! Почему так получается, Владимир Иванович, война

закончилась давно, а по ночам все полевой аэродром видится? — Федотыч сощурился, и я впервые уловил в его глазах другой, не насмешливо-беспокойный блеск.

— Все потому, наверное, что слишком много нами оставлено на том аэродроме. И пота, и крови, и жизни.— Полковник достает портсигар.

Затягивается «Казбеком» Владимир Иванович. Дымя папироской, поворачивается к старшине:

— Помните, как мне «мессер» пушку разворотил?

— Как же, помню...

— Прилетел я тогда и сказал Федотычу,— продолжает Владимир Иванович, обращаясь ко мне,— к утру пушка должна быть как из пушки. Почесал он затылок: немислимое дело, нельзя зажечь даже карманного фонаря. Но тут же собрал оружейных мастеров и объявил: «Работать будем вслепую. Нельзя демаскировать аэродром».

На него посмотрели, как на шутника. Помню, какой-то солдатик с вологодским говорком поддел: «Конечно, вслепую и мину разряжать удобнее — не видишь опасности».

Я понял, что имел в виду солдатик. Частенько оружейникам приходилось из пушки извлекать перекошенный снаряд. Операция опаснейшая. Да еще ночью. А что там на моем самолете за штука приключилась — трудно сказать.

Слушал я полковника и, казалось, ощущал холод опасного металла.

Да, оружейники работали на ощупь. Правда, все они, как сказал Федотыч, умели с закрытыми глазами разобрать и собрать всю установку. Но сейчас требовалось не просто собрать, а отремонтировать. Что там гайтятся внутри развороченной пушки? Федотыч взял на себя самое трудное — замену ствола. Начал отсоединять — не получается. Применять силу рискованно. Стал снимать другое. И тут только все сообразил, прикоснувшись пальцами к перекошенному снаряду. Как опытный хирург, извлек опасную начинку пушки. Ну, а там замена ствола, монтаж, регулировка. Работать в рукавицах немисливо, шплинта не взять, без них же пальцы прилипают к ледяному металлу.

Утром полковник улетел на задание.

— Ну, а сейчас как дела? — интересуется Владимир Иванович.— Прямо скажу, часто вас вспоминаю. Хорошо работали. Умели работать. Половина мною сбитых «мессеров» и прочих «фоккеров» вам принадлежит, Федотыч.

— Да и сейчас вроде начальство не в обиде,— отвечает польщенный старшина.— Но теперь, товарищ полковник, побольше забот: надо не только самому уметь, но и других учить.

И Федотыч влюбленно рассказывает о своих ребятах-механиках.

С того дня я стал как-то по-иному смотреть не только на старшину-оружейника, а на всех механиков и техников. Теперь, принимая доклад техника о готовности машины к полету, я не раз сам

себя ловил на мысли, что с почтением выслушиваю этого немного-словного, в простенькой молескиновой куртке паренька.

— Спасибо, Корнейч,— благодарил я техника, подражая полковнику-фронтовику.

Возвращаясь из полета, по всем правилам докладывал Корнейчу, как вел себя истребитель в полете. Техник выслушивал как-то виновато-неловко: вроде бы стеснялся, что ему докладывают, будто самому высокому начальству.

Уходя со стоянки, я непременно благодарил его за хорошо подготовленную машину. И он опять виновато краснел, не знал, куда девать большие, красные от мороза руки.

Но больше всех запомнились уже немолодой, степенный старшина-фронтовик Федотыч, общепризнанный «дед полка», и молодой, по-мальчишески юркий техник самолета Юра Горностаев — Корнейч, у которого с уст не сходила любимая пословица:

— Не молот кует, а кузнец.

Это означало, что как ни совершенна машина, без техника она мертва. Силу тяги ей дают люди в «молескинках».

Под Юриными словами я готов подписаться обеими руками.

БОЛЬШИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ

Был у меня дружок Володя Сомов. Учился в Ленинградской консерватории и пел в ансамбле «Дружба». Его прозвали Карузо. Меня он учил «искусству не кричать, а покорять душу».

Поехали мы с ним однажды в далекий поселок лесорубов. Добирались туда и машиной, и лошадью, и лодкой, и трактором, и пешком. И все же застряли километрах в десяти от поселка: весеннее половодье так развезло дорогу, что ни проехать, ни пройти.

Заночевали в лесу, на участке. Бородатые промысловики вручили нам топоры, предложили нарубить хвойных веток, сделать из них «постель». После ужина Володя достал из рюкзака баян, и лесную тишину потревожила песня.

На следующий день мы не поехали в поселок.

До чего красив человек в работе! Мы с Володей прямо любовались лесорубами. Ловко, легко и с каким-то упоением эти крепкие, грубоватые люди валили могучие корабельные сосны, кедры, дубы.

Домой возвращались на тракторе.

Усталый, грязный ввалился я в комнату. Марина всплеснула руками:

— Где тебя носит? Командир эскадрильи искал!

— Да ведь он сам отпустил меня. Что случилось?

— Не знаю. Наверное, что-то срочное.

Я тут же побежал к комэску.

— Вот что, Павел, говори прямо, не нравится тебе в моей эскадрилье? — оgorшил меня комэск.

— Что вы, Иван Алексеевич... Наоборот, очень нравится.

— Ну, а если бы тебя перевели в другую эскадрилью или в другой полк?

— В другую эскадрилью — нет. А полк... Если новая техника и если жена сможет летать...

— Такая возможность есть. Насчет тебя запрашивают из подмосковного гарнизона. Согласен — говори сразу. Отказываешься — тоже сразу.

— Надо все взвесить.

— Иди, взвешивай.

Узнал я о полке, куда мне предложили перевод. Во-первых, машины новые, самые современные. Во-вторых, рядом есть аэродром, где Марина может устроиться летчиком-инструктором.

Вроде счастливый случай подвернулся, а чувствовал я себя так, будто провинился и пришел оправдываться.

— Вы только не обижайтесь, Иван Алексеевич, что так получилось. Вы приложили столько усилий... У вас я, можно сказать, вырос как летчик.

Комэск улыбнулся одними глазами.

— Вот что, Павел, приятного, конечно, мало, если летчики меняются, как часовые в почетном карауле. Но оправдываться тебе незачем. Решил, значит, решил. Возражать не буду. Пиши рапорт и жди приказа.

...И опять знакомство с новым гарнизоном. Я ожидал увидеть традиционный военный городок с простенькими сероватыми зданиями и чахленькой растительностью. Машина остановилась возле белой ограды, за которой стояла сплошная стена зелени.

— А до гарнизона еще далеко?

— Это и есть гарнизон.

Красивые многоэтажные дома, широкие асфальтированные улицы, универмаг, кинотеатр, аптека, почта, детсад, баня, книжный магазин. И везде — клумбы, высокие деревья.

Командир авиаполка Кудрявцев, плотный, чуточку сутуловатый блондин с длинными музыкальными пальцами, первым долгом осведомился:

— Искусство любите?

— Летное? — переспросил я.

— Летное — само собой разумеется. Иначе вы не были бы летчиком. Я не о том.— Комполка, будто по клавишам, пробежал пальцами по столу.— Ну, к примеру, музыку.

— Да, это мне по душе,— осторожно ответил я, все еще не понимая, к чему он клонит. Встречались мне разные начальники. Помню, один из командиров эскадрильи меня сразу предупредил: «Ежели за тобой водится слабость какая по линии писательской или артистической, то говорю прямо: нам не по пути. Нужен летчик, а не Гоголь».

Видимо, угадав мои сомнения, Кудрявцев пояснил:

— Нам очень пригодятся артистические силы. Вы что умеете?

— Немного пою. Руководил хором...

— Это нам и нужно,— подхватил полковник.— Смотр самодеятельности на носу! Да вы не стесняйтесь. Я сам играю на скрипке, аккордеон мучаю.

Я охотно принялся сколачивать хоровой коллектив. Но обратился к командиру полка с просьбой: прежде, чем меня увидят на сцене, пусть меня увидят в воздухе.

С утра до вечера сидел в классе за описаниями и чертежами, донимал расспросами инженеров и техников, без конца консультировался у более опытных летчиков.

Командиром эскадрильи был начитанный, высокообразованный офицер — Василий Иванович Дмитриев. «Нынешний летчик, — говорил он, — человек, не только научившийся «баранку» крутить, но и умеющий мыслить и работать на уровне инженера».

Здесь, в этом гарнизоне, я познакомился с настоящими новаторами летного дела. Это были летчики-испытатели. Среди них — Юрий Александрович Гарнаев. Кто видел кинофильм «Чистое небо», может представить себе его путь в испытатели. Говорят, Юрий Александрович — прототип героя этого фильма.

Навсегда запомнились слова известного аса Сергея Александровича Корзинщикова:

— Летчик-испытатель должен хорошо летать на всем, что может летать, и средне летать на том, что не совсем способно летать.

Я и сам не заметил, как «прописался» в полку. В гарнизоне существовала традиция: каждый новосел должен посадить дерево. Посадили и мы три саженца: мой клен, Маринину яблоню, Наташину вишню.

Появились у меня новые друзья.

Наш полк завоевал переходящее Красное знамя Московского военного округа. Это был настоящий праздник. Некоторые летчики ездили в Москву. Поехал и я. И надо же было такому случиться — в фойе театра имени Пушкина встретил своего старого друга Володю Сомова.

— «Карузо»!

Разговорились, вспомнили «лесные гастроли». Я стал рассказывать о себе, и вдруг он с обидой:

— Что ты все о новых друзьях? А старых забыл уже?

— Зря ревнуешь, Володя. Мы с Мариной часто вас вспоминаем.

Достаю из кармана блокнот, на ходу пишу ребятам. Коротко, о самом главном: «Устроился. Живем отлично. Ребята здесь — что надо! Попал в звено аса Швецова (того самого!). Марина летает в эскадрилье Бодрягиной. Дела идут!»

В тот вечер мы с Мариной долго не ложились спать, говорили о случившемся, о нелегкой профессии летчика. Не говорили лишь о главном — чтобы ни случилось, нам с летной работой никогда не расстаться.

Это — на всю жизнь.

ПОЭЗИЯ ПОЛЕТА

Впервые со своим новым командиром звена я познакомился... по телевизору.

Сидел у телевизора, ловил каждый кадр. А мелькали они, кадры, во много раз быстрее обычного. Капитан Швецов пилотировал сверхзвуковой истребитель. Молниеподобная машина пронеслась на огромной скорости, звук турбины далеко отставал от нее. Когда самолет уже исчез, комментатор спохватился:

— Вы видели, как военный летчик первого класса Швецов выполнил фигуру высшего пилотажа на большой скорости...

Взлет всегда вызывает во мне какое-то восторженное, чуточку щемящее чувство. Что ни говори, берешь разбег. Это как бы вступление к большой музыке. Ты живешь ее предчувствием. А сама музыка ждет тебя там, на высоте. Сегодня же она будет необычной. Конечно, мне далеко и до песни, и до истинной поэзии полета, но какую-то, пусть не совсем блестящую ноту я сегодня должен написать. Столько ждал этого!

Уже шарахнулись под истребитель бетонные плиты, уже двигатель завел свою высокую ноту. Мягкие, скользкие толчки на последних плитах, и самолет покидает полосу.

В зоне пилотажа мне надлежит набрать высоту 10 000 метров. На таком эшелоне буду достигать сверхзвуковой скорости.

Стрелка отсчитывает цифры 800... 900... 950... 1000... Еще немного... Я жду, с нетерпением ожидаю счастливейшего для меня мига — когда самолет рассекает звуковой кордон.

Жду... И все же это наступает неожиданно. Впереди, прямо по курсу, сверкнули два-три солнца, рожденные таранным напором воздуха. Сейчас где-то там, на земле, наверное, услышат спаренные «выстрелы». А я их не слышу — мой самолет уже обгоняет звук. Но что делается с приборами? Черные копыя стрелок вдруг зашевелились, оцетинились, будто солдатики, приготовившиеся к бою. Секунда-другая, и «солдатики» опустили копыя.

Только теперь я вспомнил, что так и должно быть. Швецов предупредил меня о странном поведении приборов при прохождении звукового барьера. Потом все станет на свои места.

Так оно и вышло. Смотрю на стрелки — они скрупулезно отсчитывают свои деленкица на циферблате. Но больше всего меня интересует скорость. Она давно перешагнула цифру 1300.

И что поразительно: машина летела свободно, мягко и, вспарывая воздушный слой, казалась, готова была еще ускорить свой лет, подвинь только чуть вперед рычаг газа. Управление легкое.

Но это пока я шел на средней высоте. Когда же поднялся выше, управлять стало сложнее. Чувствовалась разреженная среда. Самолет порой казался мне инертным. Так и хотелось поэнергичнее переложить ручку, подать педаль. Но понимал: это рискованно. Запросто можно свалиться с такой жидковатой выси, а потом уже поздно будет думать, как вывернуться там, внизу.

Возвращался я домой в радужном настроении. А на аэродроме меня и в самом деле встретила радуга. Она встала передо мной именно в тот момент, когда заходил на посадку. Казалось, так и лечу в эти распахнутые сказочные врата.

Но любоваться было некогда, да и не совсем кстати, как после выяснилось.

Уже прошмыгнул над дальней приводной радиостанцией. Сигнал сработал над ближним приводом. И вдруг перед самым самолетом взмыла стая птиц. Мелькнула мысль: «Глотнет турбина эту стаю, и поминай как звали». Но птицы шарахнулись в сторону, а я, чуть-чуть накренив самолет, тут же поспешил его выровнять. Опасности было две: и сами скворцы (теперь я их узнал, непутевых!) и переключение внимания на них. Так оно и получилось — я чуть отвлекся и допустил ошибку.

Но все исправлено. Прямо на меня летит исчерченная черными полосами — следами колес — бетонка. Двумя зелеными речками бежит по бокам трава.

Не скажу, что посадка была отличной. Может, бесовская стая все же помешала — сел с небольшим перелетом. Но комэск Дмитриев сегодня, как никогда, был снисходителен. Только спросил:

— Ну, как настроение после сверхзвука?

— Поэтическое.

— А-а... Вот вы о чем, — понимающе улыбается комэск. — На своего командира звена ориентируетесь? Что ж, это неплохо.

Мы идем в стартовый домик.

— Красоту я люблю. Но не легкую, а трудную. За которую сам расплачиваешься. Поймите меня правильно: просто хочу, чтобы заранее настроили себя на рабочий, прозаический лад. Тогда и поэзия придет.

— Понимаю, — роняю я.

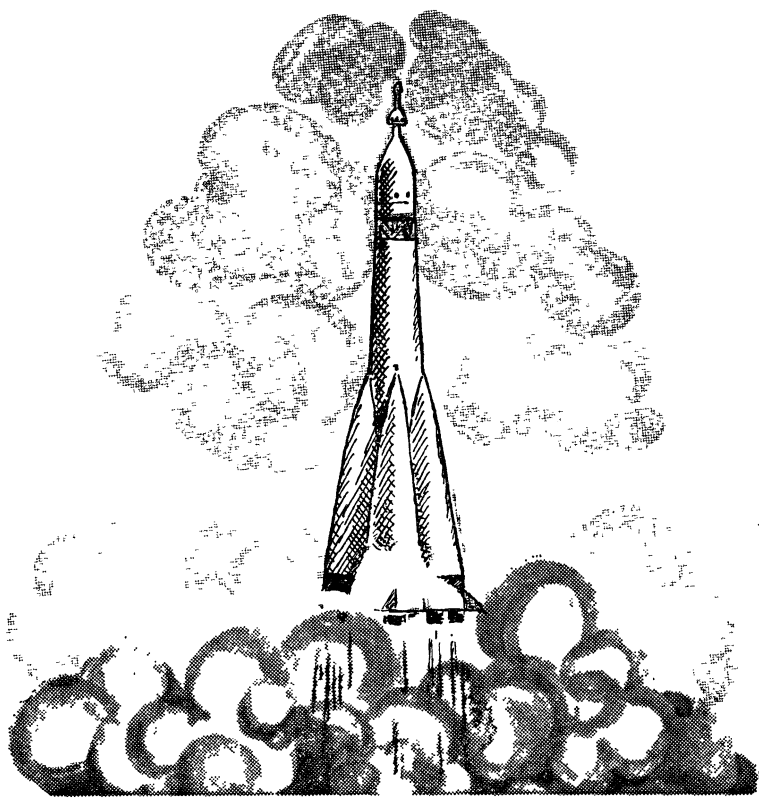
Комэск вдруг запрокидывает голову: там, на высоте, пролетел самолет.

Через минуту несколько ниже пронесится другой. Заложив глубокий вираж, он разворачивается, набирает огромную скорость и свечой уходит к солнцу.

— Вот она, поэзия! — кивает майор вслед исчезнувшему на высоте истребителю.

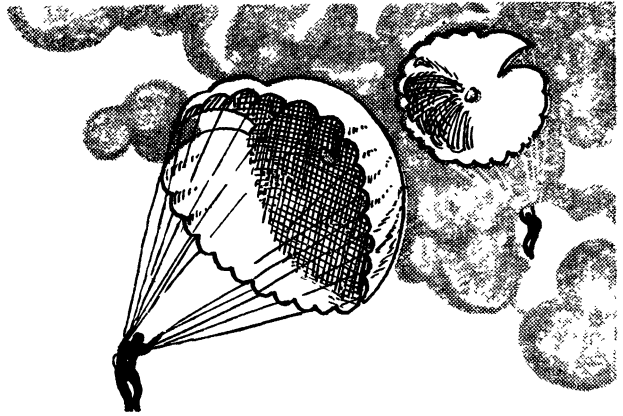
ЧТО ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ?

*Мы со своей мечтою дерзновенной
отныне — корабельщики
Вселенной.
Вселенная — открытый океан!*

Л. ВЫШЕСЛАВСКИЙ

ТОЧКА ОПОРЫ

Он никогда не отчитывал, даже не повышал голоса. Говорил так, словно советовался с тобой. Но от одних его вопросов ты, если виноват, готов был сквозь землю провалиться.

Вот сейчас комэск Анатолий Иванович Гаврилов спрашивает, как я сам оцениваю свой последний полет. Ответить трудно. Говорю что-то невразумительное, чувствую, что уши горят. С трудом выдавливаю из себя:

— Неважно получилось.

— Как неважно? — Густые, широкие брови комэска удивленно ползут вверх. — С машиной неважно получилось — это верно. А лично с вами?

...В стратосфере произошло самовыключение двигателя. Высота стала стремительно падать. Жутковато. Вспомнил лицо давнего моего знакомого по северному аэродрому Коли Костенко, который попал в такое же положение. Что делать?

Я до предела напряг нервы и заставил ожить заглохшую турбину.

Ожидал неприятного разговора, а может, и взыскания. Мне пока неизвестно, что случилось с двигателем. Возле него собрался целый консилиум инженеров. Возможно, я сам по неосторожности заставил турбину молчать, а потом «доблестно», как у нас говорят, возвращал ей дыхание.

Нет, оказывается, ко мне претензий не имеется.

Выхожу из душной штабной комнаты на улицу. Облегченно вздохнув, направляюсь на аэродром, к самолету. У стоянки обгоняет «газик». Из кабины высовывается начштаба полка:

— Попович, вас в штаб части вызывают.

— Меня? — Вновь до «нуля» падает настроение.

— Да, да, вас. Точнее — не в штаб, а в политотдел.

«Неужели там уже известно об остановке движка?» — думаю с досадой и поворачиваю назад.

В кабинете начальника политотдела застаю медицинского работника. «Видимо, случай в воздухе уже известен и врачам».

— Капитан Попович прибыл по вашему приказанию.

Начальник политотдела смеется:

— Мы не приказывали, а приглашали. Знакомьтесь, представитель института...

Врач называет себя просто:

— Николай Николаевич.

Приглашает сесть. Сажусь и сейчас только замечаю, что тут сидит еще один летчик нашего полка — Анатолий Петренко.

Разговор начинает медик. Он спрашивает о здоровье, о полетах, о настроении. Толя отвечает за обоих:

— Нормально.

После паузы Николай Николаевич спрашивает меня:

— На новой технике желаете летать?

— У нас и так техника не старая, — отвечаю я, видимо, не совсем вежливо.

— А на более новой? Ну, скажем, на космической?

— Кто же от такого откажется?! Готов хоть сейчас.

— Сейчас рановато, — охлаждает мой пыл доктор. — Выслушайте все до конца. Завтра скажете о своем решении.

Утром следующего дня я вновь был у Николая Николаевича и доложил ему о своем согласии. Он предупредил:

— Учтите: сейчас разговор идет лишь о согласии. Вопрос о приеме в отряд будет решать комиссия. Вас вызовут. А пока идите. Ждите.

И я ждал, не веря в неожиданное счастье.

Только поздней осенью пришел вызов.

В авиационном госпитале, куда я приехал на медицинскую комиссию, пациенты совсем не походили на больных. Выглядели они скорее спортсменами — молодые, крепкие, веселые. С утра до вечера врачи выслушивали нас, брали всевозможные анализы, устраивали медико-психологический контроль.

В нашей палате собрался веселый, пекующийся народ, как в северной «кают-компании». Тут были Юрий Гагарин, Андриян Николаев, Алексей Леонов, Валерий Быковский, Герман Титов, мой тезка в морской форме Беляев и другие. Познакомились. Узнали летные биографии друг друга. В основном, все летали на реактивных истребителях. На сверхзвуковых довелось пока только мне. Это малость льстило, но я помалкивал, чтобы не выглядеть хвастуном.

В армии в шутку говорят: если их трое — считай, рота; ежели пять — уже полк.

А раз у нас «полк», то должен быть полковой орган печати. Такую мысль высказал Алексей Леонов. Подошел он как-то ко мне

вечером и предложил организовать выпуск стенной газеты. Мне это понравилось. Нас горячо поддержал Герман Титов.

Так в палате появился первый номер нашей «космической» стенновки. Окрестили мы ее «Шприц». Уж больно крепко доставалось нам тогда от медицины. Проверка наших физиологических данных была бескомпромиссной. Из-за малейшего изъяна отчислили сразу.

Помню, у одного крепкого, здорового парня, приехавшего, кажется, с Дальнего Востока, врачи обнаружили какие-то следы былой травмы. Летчик давно уже забыл о ней (это случилось в детстве), но врачи вынесли приговор: в космонавты не годится.

А еще одного на месте, в округе, «забраковали». Пришел на комиссию богатырского телосложения здоровяк-капитан и объявил: — Хочу в мировое пространство.

Но когда стали дотошно проверять его «параметры», пришли к выводу: здоровье у капитана далеко не «космическое». Пилот бил себя в мощную грудь, доказывал:

— Да я же чемпион по штанге...

Ему ответили:

— Видимо, в том-то и беда, что увлеклись спортом однобоко.

Несколько недель длилась медицинская проверка. Тот, кто не прошел комиссию, уехал в подавленном состоянии. Остальным «счастливым» дали обнадеживающие напутствия:

— Езжайте в часть и ждите вызова.

Вызовут? Не вызовут? Каждый день терзала меня эта мысль. И наконец однажды начштаба сказал:

— Вас вызывают в Москву.

Признаться, в полку мало кто знал, куда я еду. Большинство полагало, что меня направляют в летчики-испытатели. И жена так считала, потому что о своем новом назначении я сказал довольно туманно:

— На новой технике буду работать.

Перед отъездом забежал к врачу Сане Осипову. Этот в курсе дела и потому произнес твердо:

— Мне ясно, что день грядущий тебе готовит...

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

Шумят сосны. Запрокидываю голову и не могу оторвать взгляда от стройных высоких красавиц: малахитовыми шапками царственно покачивают.

— Что там интересного заметили, молодой человек?

Оглядываюсь: передо мной стоит доктор — мой недавний знакомый, с которым встречался на медицинской комиссии в госпитале. Строго по-военному докладываю:

— Прибыл для дальнейшего прохождения службы.

— Ну что ж, будете старшим.

Так я стал командиром рождавшегося отряда.

Поначалу нас поселили в гостинице. Ее хозяйка — тетя Степанида — запричитала:

— Откуда же это вы, родненькие, так семейно нагрянули? Не с одних ли мест?

— Нет, из разных.

Весной на подоконнике гостиницы появились цветы. Тут были мальвы и гвоздики, ромашки и маки, глицинии и розы, ландыши и смолка.

Их привезли с собой ребята.

Отряд тоже оказался пестрым: сколько разных судеб, характеров! Еще плохо знали друг друга. Предстояло «слетаться».

«Слетанность» начиналась на первом партсобрании. Большинство прибывших в отряд были коммунистами. Но пригласили и беспартийных. Сидели смиренно, боясь сказать что-нибудь невпопад. Выступили начальник группы, врачи, инженеры, инструкторы. Мы только слушали. Потом наступила тишина, как в сурдокамере. Чувствуем, на нас поглядывают, ждут, а мы собственные руки рассматриваем.

И вдруг поднимается один товарищ, говорит:

— Как считать вас, дорогие товарищи, гостями или хозяевами?

— Конечно, хозяевами.

Слово взял Павел Беляев. За ним выступил Юрий Гагарин. Говорили о том, чего еще не хватает для начала занятий.

На этом собрании оформилась первая «космическая» парторганизация. Меня избрали секретарем.

Главной заботой было устройство людей на новом месте. Потом начали оборудовать учебные классы, лаборатории, спортивные площадки, монтировать тренировочную аппаратуру. Все понимали: время не ждет. В будничных, земных работах рождался коллектив будущих космонавтов.

Однажды возвращались с занятий, и кто-то из ребят запел. Мы сами не заметили, как стал петь весь автобус — дружно, задорно. Гагарин весело прокомментировал: «Отряд начинается с песни».

Будучи секретарем парторганизации и старшиной отряда, я не всегда четко разделял эти функции. Близилась пора плановых занятий и тренировок. Как старшина, я бегал по всяким учреждениям и организациям, добывая все необходимое для учебных классов. А потом за несколько дней до занятий состоялось партийное собрание. Пригласили медиков. Опять тихо, опять никто из космонавтов не решается выступить первым. Ждали, что скажут другие — постарше, поопытнее.

Выступили многие, в том числе: главный инженер и врач. Все озабоченно говорили о сколачивании группы, о взаимопомощи в учебе, об ответственности каждого за свой участок работы. Потом заговорили космонавты. Георгий Шонин высказался самокритично:

— Чтобы приступить к занятиям без раскочки, нужно прежде всего самим себя настроить на рабочий лад. Поменьше утрясок и раскочки.

Выступили Гагарин, Беляев, повели разговор о программе занятий и создании учебной базы. Все понимали: время не ждет, надо заранее все предусмотреть, не ожидая чужих рук, самим посмелее браться за новое дело.

Так, в будничных заботах, родилась наша первая «космическая» партиячка, которая потом по-хозяйски вторгалась в самые сложные проблемы; люди стали взыскательнее друг к другу, кое-кому указали на слабинку в дисциплине.

Однажды не любящий недомолвок Беляев сказал:

— Что же это такое получается? Люди мы военные, а ходим на занятия кто в чем захотел. Некоторые совсем мало следят за собой. Или вон на галерке: идет лекция, а они ведут «морской бой» на тетрадных клетках.

— Так там моряки собрались,— попытался кто-то шутить. Но Павел Иванович не принял шутку.

— Пора с этим кончать!

Получили по заслугам те, кто смотрел на тренировочный бег, как на лишнюю смысла затею, и потому относился к нему без особого энтузиазма. Как-то подал голос даже обычно молчаливый Николаев. Он заговорил о дисциплине при специальных тренировках.

Особенно нетерпимы были ребята к фальши, к черствости, к неуважению человека. И тут уж не ждали запланированных собраний. Это называлось «прочистить мозги». Ехали как-то мы на очередные тренировки, с нами был наш постоянный спутник — врач, член партбюро. Гагарин полушутя сказал ему:

— Не открыть ли нам партсобрание, Андрей Викторович?

— Какое такое собрание в дороге? — не понял тот.

— А зачем в дороге? Давайте после занятий останемся и всей группой обсудим,— поддержали другие.

— Да что обсуждать, не пойму? — недоумевал Андрей Викторович.

— А хотя бы то, почему у нас допущена беспринципность,— пошел напрямую Юрий и тут же раскрыл скобки. Оказывается, одного работника, скромного и трудолюбивого, обидели хозяйственники. Будет наказан тот, кто допустил несправедливость?

— Собрание, видимо, по этому поводу не стоит проводить, но обещаю во всем разобраться,— пообещал Андрей Викторович.

Слово свое врач сдержал. Справедливость восторжествовала.

Зима уже катилась под уклон, но дни выдавались на редкость морозные, звонкие.

— На лыжи надо нажимать,— пока не развезло,— тормозил Гагарин спортивных руководителей.

Один из них предложил:

— Недалеко от нас холмы. Там хорошие спуски. Двинем туда?

Предложение приняли. Времени вполне достаточно, чтобы произвести разведку местности и позаниматься вволю. Погода подходящая. Небольшой морозец. Солнце. Места великолепные. Крутые холмы, увенчанные соснами, длинный спуск к замерзшей реке. На одной из просек — небольшой снежный трамплин.

Начали с азоров — спуски в основной стойке, потом лыжными палками обозначили несколько фигур слалома: ворота открытые, ворота закрытые, змейку. С этими фигурами космонавты познакомились на предыдущих занятиях. Но тогда было не то — и горка маловата, и склон слишком пологий. Новичков в горнолыжном спорте это вполне устраивало. Скучновато липь докам, таким, как Гагарин и Титов. Сегодня, кажется, наоборот, опытные лыжники с упоением скатывались с горы, не сбив ни одной палки. Другие не торопились брать старт. Наконец решился один новичок, за ним другой. А там и остальные потянулись.

Палки сбивали. Поднимающиеся вверх то и дело их ставили, а новички снова сбивали.

Старт взял Герман. Набрав большую скорость, он проскочил первую фигуру, вторую, вошел в змейку и, не задев ни одной палки, резко затормозил у подножия склона.

Следующим спускался Комаров. Он расчетливо съехал с горы, не потревожив ни одной фигуры.

— Хорошо! Постарайся теперь увеличить скорость, — посоветовал преподаватель и объявил: — Переходим на трамплин!

Снежный трамплин был так себе, средний, но для многих оказался Эверестом, как выразился Леонов.

На лыжню, ведущую к трамплину, встал Гагарин. Несколько раз оттолкнувшись палками для набора скорости, он слегка пригнулся и решительно ринулся вниз.

«Упадет или не упадет?» — гадали мы, сгрудившись на холме. Удержался. Титов тоже ловко съехал. Подошла очередь Быковского. Он довольно уверенно оттолкнулся от трамплина, но в полете опустил носки лыж и согнул ноги. Трюк получился акробатический: лыжи воткнулись в снег, Валерий, сотворив сальто, распластался на снегу. У одной лыжи сломался носок.

Комаров пока не решался прыгать, присматривался к другим.

— Давай, твоя очередь! — подзадорил его Валерий. — Ну, что же ты?

Тот оттолкнулся, довольно неплохо пролетел несколько метров. Но вот неудача — он почти не наклонился. Его потянуло назад. Чтобы не упасть, пришлось сесть на лыжи.

За Комаровым пошли остальные. Все прыгнули благополучно, за исключением одного, который перед самым трамплином побоялся подать тело вперед.

Что произошло, нетрудно представить. Треск лыж, прыгун приземлился... на спицу.

— Есть две пары лыж, — прокомментировал Герман. — Как полагаем все, будем в хоккей играть.

С ВЕТРОМ В ОБНИМКУ...

Шумная ватага пилотов появилась в южной степи. Как забредшие в тропики полярники! В полный накал грело солнце, поле пропахло цветами, а мы шагали в меховых куртках с унтами за плечами. Сегодня у нас парашютные прыжки. Легкие «Яки» с веселым перезвоном поднимали нас ввысь, выбрасывали и вновь возвращались на аэродром.

Право первого прыжка хотя и почетно, но, честно сказать, оно не оспаривается даже такими смелыми людьми, как летчики. Наш инструктор Николай Константинович, занимая место в самолете рядом с нами, не то шутя, не то всерьез поинтересовался:

— Ну, кто перережет ленточку?

Перерезать ленточку — значит первым шагнуть за борт. Отозвался Быковский:

— Я бы «перерезал», да вы не доверите.

— Разрешите, Николай Константинович? — Это Волынов. У него больше всех прыжков.

— Давай,— соглашается Николай Константинович.

По команде Борис подходит к двери, легко и свободно отталкивается от борта.

Теперь мой черед.

Свободное падение... Впервые я его почувствовал еще в детстве, прыгнув с вербы. Старая, корявая, она стояла у самого пруда и, казалось, грустила об ушедшей молодости. С утра до вечера возле нее звенели голоса ребятни, превратившей самую длинную ветку в трамплин. Понятно, я не мог отстать от сверстников. Тоже решил сделать головокружительный прыжок с вербы. В полном смысле головокружительный. Потому что задумал прыгнуть не как все, а с сальто. Добрался до края ветки, раскачался и, пружинисто подброшенный вверх, пошел на переворот... Что случилось потом, сразу не мог сообразить. Ветка больно хлестнула по плечу и отбросила в прибрежный ил. Воткнулся головой в жидковатую муть и едва выкарабкался.

Но то были шалости, а тут профессиональная работа. В полку я совершил шесть прыжков.

— Это очень мало,— напомнил Николай Константинович.

По существу, все началось сызнова. Прыгали со средних высот и в стратосфере, на землю и на воду, с задержкой и автоматическим раскрытием купола. Занимались парашютом серьезно, понимали — нужное дело: при возвращении из космоса придется пользоваться и этим немудреным куполом, спасшим жизнь многим поколениям авиаторов.

Сегодня, в день очередных прыжков, поднялся ветер, доходивший до семи метров в секунду. Над степью закружились облака

пыли. Но прыжки не прекращались. Опять же из практических соображений: при возвращении из космоса может всякое случиться, погоду не закажешь.

Я прыгнул третьим. Все было хорошо. Отделение от самолета, свободное падение. В заданном кругу приземлился. Погасил купол. Расстегнул карабины, снял лямки, намотал одну из них на руку, ногой встал на стропы... Но купол, видимо, не совсем был погашен. Поддуваемый понизовым ветром, он вдруг снова «вспыхнул», наполнился, меня потащило по земле. Рука, захлестнутая ляжкой, вытянулась, и что-то в ней хрустнуло. По всему телу прошла острая боль. Я с трудом погасил парашют, свернул и отнес к машине.

Сгоряча боль казалась терпимой. Подумалось: «Стоит ли по каждому пустяку жаловаться медикам? Все пройдет». Но боль не проходила. Встал утром — одеться не могу, руки не поднять. Перекинулся фразами с Гагариным. Тот, истинно русская душа, посоветовал:

— Потерпи, Паша. Все пройдет. У меня в полку...

Что там было в полку, Юрий не договорил, но я понял: надо потерпеть. Да и кому охота пропускать очередные прыжки, которые назначены на завтра.

Вновь подошел я к распахнутому люку, выкрикнул стоявшему рядом Быковскому:

— Смотри, запоминай!

Но запомнить пришлось не Валерию, а мне.

Чтобы больная рука не попала под ветровой поток, я прижал ее другой ладонью, оттолкнулся, и острая боль резанула по предплечью. Это я по привычке отпустил «инвалидную» руку. Тут же вновь зажал ее. Но телом-то надо управлять. Опять выбросил здоровую руку вперед, попытался повернуться лицом к земле. И вдруг земля завертелась. Штопор! Как из него выйти «однорукому»? Собрал себя в комок, мгновенно вытянулся в «ласточку». Круговорот прекратился, но пришлось на пять секунд раньше раскрыть парашют, ибо высота уже была предельно малая.

Приземлился хорошо. Но от Николая Константиновича досталось на орехи. Остранил от последующих прыжков и приказал отдыхать до полного выздоровления.

Два дня группа продолжала прыжки, а я ходил по аэродрому, поглядывая на метавшиеся в небе белые чепцы парашютов и страдал. Ребята уже начали прыгать с небольшими задержками. Возвращались в гостиницу разгоряченные, довольные. Валерий не преминул пустить шпильку:

— Смотри и запоминай!

Мое настроение без труда понял инструктор. Через два дня подошел, поздоровался за больную руку.

— Больно?

— Терпимо.

— Тогда бери парашют — и к машине.

Поднялся я в воздух, встал у двери и сам себя не узнал:

по всему телу пошла какая-то мелкая дрожь. Инструктор, обычно нетерпеливый, горячий, на этот раз оказался очень сдержанным и даже посочувствовал — положил руку на плечо, прохрипел на ухо:

— Не дрейфь, Паша. Главное — прогиб.

Будто рукой сняло оторопь. Слегка оттолкнувшись, я словно лег на желто-бурую, в накрапах стогов степь.

После двух прыжков Николай Константинович сделал выразительный жест большим пальцем.

Это была высшая оценка инструктора.

Потом пошли прыжки посложнее.

Нелегко покинуть самолет, когда видишь далекую землю или воду. Но еще труднее шагнуть в неизвестность — в ночную темень. Стояла тихая звездная ночь. Взглянул я вниз и не увидел земли: там притаилась густая, загадочная чернота. Лишь кое-где смутно мерцали какие-то светлячки, наверное, работала ночная смена трактористов. Но основные огни, по которым надо было ориентироваться, уже подплыли под крыло.

Команда:

— Приготовиться!

— Поше-ел!

Шагаю в пропасть.

В ушах свистит рассекаемый воздух.

Проще всего, покинув кабину, дернуть кольцо. Но ведь прыжок затажной. Значит, надо помедлить, но так, чтобы не опоздать и не поспешить. Нужен расчет до секунды. Зрачки огней все ближе, они словно расширяются. Пора! Рывок! Ощущаю тугой захлест заплечных и ножных лямок, и тут же звучный вздох купола, хлебнувшего ветрового потока.

НЕ СУПЕРМЕНЫ И НЕ АНГЕЛЫ

Заря уже окрасила верхушки деревьев. Один за другим начали выбегать из домиков летчики.

Первым появился на тропинке Гагарин. За ним гуськом растянулся весь отряд. Некоторые вышли на зарядку целыми семьями.

После получасовой разминки шумные и разгоряченные ребята направилась в душ. Мылись ледяной водой. Кое-кому невольно вспомнилась теплокамера. Однажды врач приоткрыл дверь, и оттуда хлынула волна такого горячего воздуха, что он отшатнулся. А в теплокамере преспокойно сидел Быковский. Читал книгу. Сейчас Валерий с таким же спокойствием стоял под ледяными струями.

Во дворе просипел автобус. Он торопил отъезжающих в Звездный.

— Кого еще нет? — окинул взглядом сидящих Леонов.

— Твоего кореша, — ответил Валерий. — Пока переделует дочек.

...Автобус вез нас навстречу обычному трудовому дню. У Германа сегодня тренировка. Он непривычно молчалив. Лишь однажды спросил у Андрияна насчет какого-то учебника и умолк. Юрий, комически морщась, запел студенческую песенку:

К ногам привязали тройной интеграл,
Конспектами труп обернули,
Декал теорему ему прочитал,
И с первого курса спихнули...

— Это у нас в техникуме сочинили. Веселые ребята были. А вообще сколько смешного бывает в жизни! И в нашей, авиационной. Один известный летчик-испытатель проходил квалификационную комиссию. Случается такое — работает человек что надо, знает свое дело, а документом соответствующим не запасся. Начинают его теревить — давай на комиссию. Вот и этого привлекли. Он хорошо ответил на все вопросы, основные и дополнительные. Можно уходить. И тут один из членов комиссии полюбопытствовал: «Скажите, а как делается вираж?»

Задать такой вопрос летчику-испытателю! Это все равно, что спросить у математика таблицу умножения. Летчик оказался с чувством юмора. «Вот так, — говорит, развел руки и загудел прямо под нос экзаменатору: У-у-у-у!»

Автобус выехал на прямое гладкое шоссе, бегущее между стенами молодого сосняка. Еще несколько минут езды, и мы в своем городке.

Лесные тропинки переплетаются с асфальтированными дорожками. Дикие цветы — рядом с клумбами. Аромат разнотравья и хвои плещется в открытые окна.

Хорошо здесь осенью. Можно прямо на территории городка насобирать маслят, лисичек, опят, подберезовиков. А летом полно земляники.

После завтрака — занятия. Часть людей пошла в класс, мы с Андрияном и Германом — на тренировки.

В большом зале чашеобразной формы установлена кабина, которая, кстати сказать, уже получила небесное крещение: в ней совершила космическое путешествие собака Звездочка. Стрекоучит приборы, мигают лампы на пульте, возле него — руководитель полетов. На стенах звездные карты, маршруты космических кораблей. Тут же таблица с изображением физических упражнений, которые космонавт должен выполнить во время полета.

Первым команду получает Герман. С помощью товарищей он облачается в скафандр. Шутливо декламирует:

— Люблю тебя, моя комета...

Поднялся по трапу и ловко, насколько позволил костюм, юркнул в люк. Сегодня тренировка по управлению кораблем.

Прикрывшись шторой, смотрю в люк. Кабина освещена мягким светом. В кресле — Герман. Он проверяет работу приборов и агрега-

тов. Его цепкий взгляд ловит движение каждой стрелки, сигналы на световом табло.

— Земля! Я — Комета. Проверку закончил. К полету готов.

Через минуту-две начнется «полет». В трет метрах от земли.

Пока Герман будет на «орбите», мы с Андрияном займемся иной тренировкой. Идем в соседний зал, где установлен ротор — сооружение, будто сошедшее со страниц фантастического романа. Сейчас испытатели опробуют на нем новый режим вращения. Уже кое-кто вращался. Пора и мне познакомиться с этим «дьяволом», вращающим человека в трех направлениях.

Испытатель входит внутрь ротора, чтобы еще раз проверить, не таит ли новая установка замаскированных неприятностей.

Многочисленные датчики, облепившие тело испытателя, добросовестно шлют информацию о его самочувствии. Первыми эту информацию принимают приборы, которые преобразуют ее в замысловатые кривые, наносимые на широкую, медленно движущуюся ленту. Непосвященному эти кривые ни о чем не говорят. Но врачи читают их как букварь. Прочитанное дополняют зрительным контролем. Лицо испытателя видно на экране телевизора. Испытатель поддерживает радиосвязь с врачами, сообщая о ходе испытания и своем самочувствии. В случае необходимости он может остановить ротор.

Захлопывается тяжелая дверца ротора. Убирается трап. Закачивается последняя проверка приборов. Можно начинать.

— Готовы? — в последний раз спрашивает испытателя ведущий врач.

— Готов! — доносится бодрый голос из ротора.

— Внимание! Включаю первую плоскость вращения.

Спустя несколько секунд новый сигнал:

— Включаю вторую плоскость.

И финальное:

— Включаю третью... Как себя чувствуете?

— Нормально. Можно переходить к новому режиму вращения.

— Внимание. Устанавливаю новый режим...

Глядя на кабину, выделяющую акробатические трюки, невольно поеживаешься: что с тобой будет, если тебя возьмут и посадят в нее? Смотрю на лицо врача. Оно спокойно. Только стало еще сосредоточеннее. Судя по всему, в роторе порядок. Наконец оттуда доносится:

— Остановить вращение!

Словно устав, массивные стальные рамы и кабины замедляют ход и наконец останавливаются. Распахивается дверь кабины. Испытатель быстро освобождается от ременных пут и выходит к врачам. Выглядит он нормально, только лицо слегка побледнело. Врач удовлетворенно кивает головой:

— Крепкий хлопок.

Испытатель сел заполнять протокол исследований, а врач беседует со мной, проверяет пульс, давление.

Мне разрешают вращаться пока только в двух плоскостях и на малой скорости.

Небольшая подготовка. Инструктаж. И вот гулкие шаги по трапу. Захлопнулась дверь.

Честно говоря, когда я остался один, мне стало малость не по себе. Но переживать некогда. Последовали уже известные команды. Я почувствовал, что опора куда-то уходит. Привязные ремни натянулись. В голове тугим звоном отдалось нахлынувшее давление. Быстро пропало. Когда скорость вращения увеличилась, явилось вновь. Теперь оно стало постоянным, но все же терпимым. Да вот беда — терялась пространственная ориентировка. Сознание не успевало срабатывать. Визуально ориентироваться тоже невозможно — кругом стены. Правда, можно посмотреть в небольшой иллюминатор. Глянул. Это еще больше запутало меня. Мелькающие стены, потолок и пол слились в мутный поток. Кажется: кабина висит неподвижно, а зал вертится вокруг нее. Странное и неприятное чувство. Пожалуй, лучше не смотреть в иллюминатор.

Оператор предупредил, что включается вторая плоскость вращения. Мне почудилось, что какая-то неведомая сила не дает ротору спокойно вращаться, тянет в сторону. Однако и первая сила не хотела уступать. В результате их «единоборства» в конце концов пострадал лишь я. Силы помирились, нашли компромиссный выход в виде какой-то непонятной кривой вращения. Голова пошла кругом. Так хочется сообразить, что же с тобой происходит, что за пируэты выделяет твоё тело? Порой к горлу подкатывается комок.

Но вскоре тяжесть исчезает.

Может, еще раз посмотреть в иллюминатор: не станет ли все понятней и не исчезнут ли странные ощущения? Посмотрел. Не помогло. Впечатление — как и в первый раз: кабина вновь остановилась, а вокруг все поплыло и закрутилось. Пришлось отвести взгляд от иллюминатора. И тут только наступил перелом. Меня стало плавно раскачивать, переваливать вместе с кабиной с боку на бок. Совсем как в лодке, борта которой грозятся зачерпнуть воду.

«Вот сюрприз», — подумал я уже при выходе из кабины. Интересно, с чем бы встретился, если бы включили и третью плоскость вращения да еще увеличили бы скорость! Попытался представить, но как ни силился — не получилось.

Несколько шагов по трапу, еще немного до застекленной стены, за которой обособовался пульт управления, и попадаю в окружение лаборанток. Они бойко снимают датчики.

Откровенно говоря, первые шаги по земле были неуверенными. Стены медленно кренились и уходили куда-то вниз. Следовало бы переждать малость в кресле, пока вестибулярный аппарат успокоится. Но на меня смотрели представительницы прекрасного пола, и я бодро встал, зашагал. Заметил улыбки, скользнувшие по губам медиков. Наверное, я слишком старался.

Да, что ни говори — не супермены мы и не ангелы. Обычные люди, как говорит Алексей Леонов.

ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

Отряд, кажется, уже втянулся в ритм новой службы. Во всяком случае, так полагали сами космонавты. Но преподаватели и врачи были иного мнения. Они считали, что нас еще надо долго готовить к «высокому напряжению энергии».

Подготовка включала в себя занятия спортом, тренировки в термобарокамерах и на центрифугах. Врачи с тонким педагогическим тактом закаляли нашу волю, воспитывали выносливость.

Мы занимались многими видами спорта, но особенно популярным в городке стал волейбол. Вначале играли «подъезд на подъезд». Потом сборная команда летчиков выступила против сборной преподавателей и, увы, проиграла. Во второй встрече снова выиграли наставники. Хотя на душе скребли кошки, мы пытались шутить над победителями:

— Снимите таблицу, а то начальство увидит, что мы проиграли, и сделает соответствующие выводы. Вас же упрекнет за то, что плохо тренируете своих подопечных.

Но преподаватели таблицу не сняли. А через месяц приехал генерал Николай Петрович Каманин. Как истый любитель спорта, он, конечно, зашел в спортивный зал. Его внимание привлекла таблица с результатами проведенных игр. Удивился:

— Чего это вы космонавтов на второе место загнали?

— Товарищ генерал, волейбол они еще не освоили как следует. А вот в баскетболе уже сильны, — объяснили преподаватели.

— Надо поднажать на тренировки.

Врачи по-своему истолковали эти слова генерала и усилили нагрузки не только на спортивных, но и на специальных тренировках.

Особенно доставалось нам от центрифуги — гигантской карусели, имитирующей большие перегрузки.

Помню, как первый раз вошел в операторскую. Врач Григорий Федулович широким жестом пригласил в зал:

— Милости просим.

Снимаю верхнюю одежду, сажусь в кресло, и женщины в белых халатах бойко опутывают меня проводками датчиков. На лицо надевают маску для дыхания. Шутят:

— Приглашаем на маскарад.

Веселое настроение медиков передается и мне.

Хозяйка центрифуги Ада Радгаповна и ее помощницы устраивали меня в кресле с дотошной предосторожностью. Долго перемещали вверх-вниз — выискивали «зазоры» между телом и креслом, а найдя их, заполняли специальными губками. Словно стеклянную посуду к перевозке готовили. Но такая «упаковка» необходима.

Готово.

Перед глазами световое табло. В ладони зажат цилиндрок с кнопкой. Стоит только приподнять большой палец или отодвинуть его в сторону, как освобожденная кнопка поднимается, и центри-

фуга останавливается. Если ты станешь плохо различать цифры и знаки на табло, неправильно отвечать на вопросы, центрифугу остановят без твоего ведома.

Слышу, как тикают часы. До пуска центрифуги остаются считанные секунды. Но какие они длинные! Надо настроиться на ритм дыхания, рекомендованный врачами. Григорий Федулович интересуется:

— Как себя чувствуете?

— Нормально.

— Начинаем.

Чувствую плавное нарастание скорости. Тело плотно прижато к креслу. С трудом приподнял ногу. Через секунду-другую мышцы сдались. Перегрузка достигла шестикратной величины. Дышать трудно. Но пока терпимо.

— Как самочувствие? — вновь слышу в наушниках сипловатый голос Григория Федуловича.

— Нормально. Можно увеличить перегрузку.

— Увеличиваем. Следите за крестом.

Крест этот находится посредине светового табло. Он расположен прямо перед глазами. Смотреть на него удобно. Крайне важно следить за толстыми, пересекающимися линиями. Как только перекрестие начнет расплываться, следует немедленно сообщить об этом врачу. Центрифугу остановят.

Дело в том, что после появления указанных признаков, может наступить потеря зрения. На глаза наплывает темная пелена. А это — непосредственный предвестник возможности потери сознания, свидетельствующий о том, что надвигается предел компенсаторных возможностей организма. Чувствительные к недостатку кислорода нервные клетки головного мозга бьют сигнал тревоги. Будь готов вовремя среагировать!

Все это я вспомнил в следующие мгновения, когда чугунная тяжесть навалилась на грудь, на голову, на все тело. Сейчас уже не разумом, а всем своим существом понимал, почему так тщательно «подгоняли» тело к креслу. Если бы оказались «зазоры», вряд ли можно было бы противостоять чудовищным «объятиям» перегрузки.

Все внимание сосредоточилось на перекрестии двух линий. Пока оснований для тревоги нет. Крест четко очерчен и никуда не «плывет».

— Как самочувствие?

— В н... норме, — с трудом отвечаю, боясь сбиться с ритма дыхания.

— Что под цифрой «3» справа?

— Полукруг, вырез с правой стороны... Прошу увеличить...

Тут же подумалось: «И чего на рожон лезу?».

— Внимание, перегрузка... увеличиваю...

«Значит, кровь в сосудах уже сейчас действует физически так, как если бы по плотности она равнялась железу», — пришло на ум сравнение одного иностранного физиолога.

Но в эти мгновения не до рассуждений: тиски перегрузки еще сильнее сдавливают грудь. Дышать неизмеримо тяжело. Невозможно поднять руку. Трудно пошевелить пальцем. Кажется, еще немного, и грудная клетка не выдержит, затрещит. К черту всю эту карусель! Так и хотелось отпустить кнопку: мол, все, хватит с меня полученной дозы. По самое горло хлебнул космической романтики.

С трудом отбиваюсь от предательских мыслей. Терплю. Безошибочно отвечаю на очередную «вводную», хотя глаза слезятся от воздушной струи, проникающей под стекла очков. И вдруг как-то сразу становится легче. Еще легче. Обороты сбавлены. Вижу медленно плывущие стены. И наконец центрифуга останавливается. Но некоторое время чудится, что еще лечу по кругу. Неприятные каверзы вестибулярного аппарата.

Покидать кресло не спешу — врачи не разрешают. Пока пульс и прочее не придет в норму. Неведомо откуда у Радгаповны и ее помощниц появляется морковь. Они угощают меня. Вдруг слышу знакомый голос:

— Ну, хватит нежиться. Покатался и вылазь. Дай другим.

Это пришел Андриян Николаев. Сейчас он устремится по «адскому кругу».

ПОЕХАЛИ!

С тоял апрель. На редкость теплый, солнечный. В Звездном пронзительно пахло хвоей. От снега остались лишь небольшие заплатки. Бор наполнился птичьим гомоном.

Весна шумно шагала по нашей параллели. Беспокойнее стали сны даже у космонавтов. Их тоже волновала весна. Но не столько теплом, сколько приближением огромного и радостного события: нам уже назначили срок отлета на космодром. Знали мы и первых кандидатов в космопутешественники: Юрий Гагарин и его дублер Герман Титов.

Перед отлетом решили провести партийное собрание. Оно было открытым. Пришли на него и комсомольцы.

Слово взял Юрий. Он благодарил за доверие, пообещал сделать все для образцового выполнения задания партии и правительства.

А вечером самые близкие друзья Юрия нагрянули к нему в гости. Долго беседовали о самом сокровенном. Намекнули на то, что ему придется испытать две перегрузки — одну в полете, другую — на земле. Смотри, мол, чтобы вторая перегрузка — слава — не вывела из равновесия.

— Что вы, ребята! — разволновался Юрий.

И вот мы на Байконуре. Меня назначили «связным» Юрия. Его позывной — Кедр. Командного пункта — Заря.

Время московское.

7.10. Кедр (Гагарин): Как слышите меня?

- З а р я (Каманин): Слышу хорошо. Как слышите меня?
К е д р: Вас слышу хорошо.
- 7.12. З а р я (Каманин): Приступайте к проверке скафандра. Как поняли меня?
К е д р: Вас понял. Приступать к проверке скафандра. Через три минуты. Сейчас занят.
- З а р я (Каманин): Вас понял.
- 7.18. К е д р: Проверку скафандра закончил.
З а р я (Каманин): Вас понял. Проверить УКВ связь.
- 7.21. К е д р: Как меня слышите?
- 7.22. З а р я (Каманин): Слышу вас отлично. Как меня слышите?
К е д р: Вас слышу очень слабо, у меня горит светозвуковая передача на доске. Очевидно, происходит списывание с магнитофона. Как меня поняли?
З а р я (Каманин): Вас понял. Слышу вас отлично.
- 7.23. К е д р: Вас не понял. Выключите, пожалуйста, музыку, если можно.
З а р я (Каманин). Вас понял. Сейчас. Слышу вас отлично.
- 7.24. З а р я: Как меня слышите? Передача музыки идет через второй канал.
К е д р: Все сделано. Слышу вас хорошо.
З а р я: Я понял вас. По каналу два прием хороший, слышу вас хорошо.
- 7.25. К е д р: Работаю на ДЭМШ (ДЭМШ — динамический электромагнитный микрофон шлема).
Даю счет: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.
З а р я (Каманин): Вас понял отлично, продолжайте работать.
К е д р: Вас понял.
- 7.26. К е д р: Проверка связи. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Как слышите?
З а р я (Каманин): Понял вас отлично. Слышу хорошо. Как меня слышите?
К е д р: Работаю на ларингофонах. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.
З а р я (Каманин): Вас понял. Слышу хорошо.
- 7.27. К е д р: Вас слышу хорошо. Работаю на ДЭМШ. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Как поняли?
З а р я (Каманин). Вас слышу отлично. Вас понял. Продолжайте проверку.
К е д р: Работаю по микрофону. Один, два, три, четыре, пять. Как поняли?
З а р я (Каманин): Слышу отлично. Вас понял.
К е д р: Прием на телефон.
- 7.28 З а р я (Королев): Как чувствуете себя, Юрий Алексеевич?
К е д р: Чувствую себя превосходно. Проверка телефонов и динамиков прошла нормально, перехожу на телефон.

З а р я (Королев): Понял вас. Дела у нас идут нормально, машина готовится нормально, все хорошо.

К е д р: Понял. Я так и знал.

З а р я (Королев): Понял вас хорошо, все нормально.

7.29. **К е д р**: Проверку связи закончил. Как поняли? Исходное положение тумблеров на пульте управления заданное. Глобус на месте разделения, широта северная шестьдесят три градуса, долгота восточная девяносто семь градусов, коррекция — цифра семьсот десять, время разделения — девять часов восемнадцать минут ноль семь секунд; подвижный индекс ПКРС (ПКРС — прибор контроля режима спуска) находится в исходном положении, первые сутки, день. Давление в кабине — единица, влажность шестьдесят пять процентов, температура — девятнадцать градусов, давление в отсеке — один две десятых, давление в системе ручной ориентации — сто пятьдесят пять, первой автоматической ориентации — сто пятьдесят пять, второй автоматической ориентации — сто пятьдесят семь, давление в баллоне ТДУ (ТДУ — тормозная двигательная установка) — триста двадцать атмосфер. Самочувствие хорошее, к старту готов. Как поняли?

7.30. **З а р я** (Королев): Понял вас отлично. Данные ваши все принял, подтверждаю. Готовность к старту принял. У нас все идет нормально.

7.32. **З а р я** (Королев): Как слышите меня? Мне нужно вам передать.
К е д р: Вас слышу хорошо.

З а р я (Королев): Юрий Алексеевич, я хочу вам просто напомнить, что после минутной готовности пройдет минуток шесть, прежде чем начнется полет. Так что вы не волнуйтесь.

К е д р: Вас понял. Совершенно спокоен.

З а р я (Королев): Ну отлично, прекрасно. После минутной готовности шесть минуток будет, так сказать, всяких дел. Передаю трубку председателю.

7.33. **З а р я** (председатель): Юрий Алексеевич, как у вас самочувствие, что нового у вас, что вы видите через иллюминаторы?

К е д р: У меня все в порядке. Проверяю работу систем. Как поняли?

З а р я (Королев): Поняли вас хорошо. Председатель вас слышал. У нас все нормально идет.

7.34. **З а р я** (Попович): Юра, как дела?

К е д р: Как учили (смех).

З а р я (Попович). Ну добро, добро, давай. Ты понял, кто с тобой говорит?

К е д р: Понял. Ландыш (смех).

З а р я (Попович). Сейчас с тобой будут говорить.

З а р я: Я прошу, если у вас есть время, подключить передатчики два и поговорить, дать отчет примерно до двадцати. Если у вас есть время, если вы не заняты, сообщите.

7.35. **К е д р**: Вас понял. Сейчас ваше задание выполняю.

- 7.36. З а р я: При разделении тумблер возьмите на себя.
К е д р: Понял вас.
З а р я (Попович): Поняли тебя. Правильно, Юра.
- 7.37. З а р я (Попович): Как слышите?
К е д р: Слышу вас хорошо. Как меня?
З а р я (Попович): Слышу тебя отлично. Юра, ты сейчас занят?
К е д р: Я работой не очень занят.
З а р я (Попович): Нашел продолжение «Ландышей». Понял?
К е д р: Понял, понял, продолжай.
З а р я (Попович): Споем сегодня вечером.
- 7.44. З а р я (Королев): У нас все идет отлично. Как чувствуете?
К е д р: Вас понял. У меня тоже идет все хорошо, самочувствие хорошее, сейчас будут закрывать люк номер один.
- 7.47. З а р я: Как слышите? Проверяю связь из бункера.
К е д р: Вас слышу хорошо. Немножко потише говорите. Как поняли?
З а р я: Вас поняли.
- 7.50. З а р я: Передайте. Вы работали с одной или с обеими кнопками?
К е д р: Работал кнопкой на пульте. Сейчас работаю кнопкой на ручке управления. Работал с обеих кнопок. Вы слышите хорошо? Как поняли?
З а р я: Понял тебя. Хорошо слышу тебя. Обеими.
- 7.52. З а р я: Проверьте удобство пользования памяткой. Как поняли?
К е д р: Понял вас правильно, проверю.
К е д р: Пользование памяткой и возможность считывания сигналов проверил, все нормально.
З а р я: Понял вас. Ну отлично, молодец!
- 7.54. З а р я (Попович). Юра, тебе привет коллективный от всех ребят. Сейчас был у них. Как понял?
К е д р: Понял вас. Большое спасибо. Передайте им самый горячий от меня.
З а р я (Попович): Добро.
- 7.55. З а р я: Как меня слышите?
К е д р: Слышу вас хорошо. Как меня?
З а р я: Слышу вас хорошо. Подготовка изделия идет нормально. Все отлично, Юра.
К е д р: Понял. Подготовка изделия — нормально. У меня тоже. Самочувствие и настроение нормальное, к старту готов.
З а р я: Понял.
- 7.56. З а р я (Королев): Юрий Алексеевич, как слышите меня?
К е д р: Слышу вас хорошо, знаю, с кем разговариваю.
З а р я (Королев): Юрий Алексеевич, я хочу вам напомнить, что я не буду давать слово «секунды», а просто давать цифры примерно каждые полчаса, примерно пятьдесят, сто, сто пятьдесят и дальше. Понятно?
К е д р: Понял, так и думал.
З а р я (Королев): Хорошо.

- 7.57. К е д р: Прошу двадцатого на связь (20-й — Королев).
 З а р я (Королев): Двадцатый на связи.
 К е д р: Прошу при надежной связи на активном участке сообщить время позже или раньше до секунды старта, если такое будет.
 З а р я (Королев): Понял вас, понял. Ваша просьба будет выполнена, Юрий Алексеевич.
- 7.58. З а р я (Королев): Юрий Алексеевич, у нас так получилось: после закрытия люка вроде один контактик не показал, что он прижался, поэтому мы, наверное, сейчас будем снимать люк и потом его поставим снова. Как поняли меня?
 К е д р: Понял вас правильно. Люк открыт, проверяют сигнализаторы.
 З а р я (Королев): Ну отлично, хорошо.
- 8.05. З а р я (Каманин): Объявлена готовность часовая. Продолжайте осмотр оборудования. Как поняли?
 К е д р: Вас понял. Объявлена часовая готовность. Все нормально, самочувствие хорошее, настроение бодрое, к старту готов.
 З а р я (Попович): Понял отлично тебя, Юра.
- 8.06 З а р я (Попович): Ты сейчас работаешь на ларинге или ДЭМШ?
 К е д р: Работаю на ДЭМШ.
 З а р я (Попович): Понял тебя.
 З а р я (Каманин): Проверяю связь. Как слышите?
 К е д р: Вас слышу хорошо. Как меня?
 З а р я (Каманин): Вас слышу отлично.
- 8.08. З а р я (Каманин): Вот сейчас уходят железнодорожные вагоны. Интересно: вы слышите или нет?
 К е д р: Ухода этих вагонов не слышу, большой шум, слышу вас только.
 З а р я (Каманин): Ясно, вас понял.
- 8.10. З а р я (Каманин): Объявлена пятидесятиминутная готовность.
 К е д р: Вас понял. Объявлена пятидесятиминутная готовность.
- 8.13. З а р я (Королев): Как слышите меня? Крышку уже начали ставить, наверное?
 К е д р: Вас слышу хорошо. Крышку уже, очевидно, кончают заворачивать.
 З а р я (Королев): Понял вас, у нас все хорошо.
 К е д р: У меня тоже все хорошо. Самочувствие хорошее, настроение бодрое.
 З а р я (Королев): Ну очень хорошо. Только что справились из Москвы о вашем самочувствии. Мы туда передали, что все нормально.
 К е д р: Понял вас. Передали правильно.
- 8.14. З а р я (Попович): Юра, ну не скучаешь там?
 К е д р: Если есть музыка, можно немножко пустить.
 З а р я (Попович): Одну минутку.
- 8.15. З а р я (Королев): Вы, наверное, сейчас слышите шум. Это

опускают площадки обслуживания. На фермах работы все окончены. Как поняли?

К е д р: Вас понял. Опускают площадки обслуживания, но я шума не слышу. Некоторые колебания ощущаю.

З а р я (Королев): Понятно, понятно. Все нормально.

З а р я (Королев): Станция «Заря», выполните просьбу «Кедра». Дайте ему музычку, дайте ему музычку!

З а р я (Попович): Вы слышали? Отвечает «Заря», постараюсь выполнить вашу просьбу. Вот давайте музычку, а то скучно.

8.17. З а р я (Попович): Ну как? Музыка есть?

К е д р: Пока музыки нет, но, надеюсь, сейчас будет.

З а р я (Попович): Ну ты слышал, как пообещали?

З а р я (Королев): Ну как, музыку дали вам, нет?

К е д р: Пока не дали.

8.19. З а р я (Королев): Понятно, это же музыканты: пока туда, пока сюда, не так-то быстро дело делается, как сказка сказывается, Юрий Алексеевич.

К е д р: Дали про любовь.

З а р я (Королев): Дали музыку про любовь? Это толково, Юрий Алексеевич, я считаю.

З а р я (Попович): Юра, ну что, дали музыку?

К е д р: Музыку дали, все нормально.

З а р я (Попович): Ну добро, значит, тебе будет не так скучно.

8.20. З а р я (Попович): Юра, ребята все довольны очень тем, что у тебя все хорошо и все нормально. Понял?

К е д р: Понял. Сердечный привет им. Слушаю Утесова. От души — «Ландыши».

З а р я (Попович): Ну давай, давай слушай.

8.25. З а р я (Королев): Герметичность проверена — все в норме, в полном порядке. Как поняли?

К е д р: Вас понял: герметичность в порядке. Слышу и наблюдаю. Герметичность проверили. Они что-то там постукивают немножко.

З а р я: Ну вот и отлично. Все хорошо.

8.27. З а р я (Королев): Смотрели сейчас вас по телевидению — все нормально, вид ваш порадовал нас: бодрый. Как слышите меня?

К е д р: Вас слышу хорошо. Самочувствие хорошее, настроение бодрое, к старту готов.

З а р я (Королев): Ну отлично, хорошо. У нас идет все нормально.

8.30. З а р я (Попович): Юра, ну сейчас не скучно?

К е д р: Хорошо. Про любовь поют там.

З а р я (Попович): Ну как дела, Юра? У нас все нормально, идет подготовка. Здесь хорошо идет, без всяких запинок, без всего. Ребята сейчас едут на «Зарю».

К е д р: Вас понял. У меня тоже все хорошо: спокоен, самочувствие хорошее. Привет ребятам. Все время чувствую их хорошую дружескую поддержку. Они вместе со мной.

- З а р я (Попович): Ну добро, добро, Юра.
- 8.32. З а р я (Попович): Юра, тебе тут все желают, все подходят и говорят, чтобы передать тебе всего, счастливого пути и всего, всего. Все понял? Всего хорошего! Все желают тебе только добра.
- К е д р: Понял. Большое спасибо, сердечное спасибо.
- З а р я: Вашим здоровьем и самочувствием интересовались из Москвы. Передали, что вы себя хорошо чувствуете и, значит, готовы к дальнейшим делам.
- К е д р: Доложили правильно. Самочувствие хорошее, настроение бодрое, к дальнейшей работе готов.
- З а р я: Поняли тебя.
- 8.33. З а р я (Каманин): Займите исходное положение для регистрации физиологических функций.
- К е д р: Исходное положение для регистрации физиологических функций занял.
- З а р я (Каманин): Вас понял.
- 8.35. З а р я (Каманин): Сейчас будут отводить установщик. Как поняли?
- К е д р: Вас понял: будут отводить установщик.
- 8.37. З а р я (Каманин): Установщик отошел нормально. Как поняли?
- К е д р: Понял вас. Установщик отошел нормально.
- 8.40. З а р я (Королев): Юрий Алексеевич, мы сейчас вот эту переговорную точку переносим отсюда, со старта в бункер. Так что у вас будет пятиминутная пауза, а в бункер переходят Николай Петрович и Павел Романович. Я остаюсь пока здесь до пятиминутной готовности. Но они будут транслировать, что я им буду говорить. Поняли меня?
- К е д р: Понял вас. Сейчас со старта переходят в бункер, пятиминутный перерыв, затем передачу будете осуществлять через них.
- З а р я (Королев): Ну вот, все нормально. Сейчас отводим фермы, все идет по графику, на машине все идет хорошо.
- К е д р: Тоже все превосходно. Как по данным медицины — сердце бьется?
- 8.41. З а р я (Каманин): Как меня слышите?
- К е д р: Вас слышу хорошо, как меня?
- З а р я (Каманин): Все слышу отлично. Пульс у вас шестьдесят четыре, дыхание — двадцать четыре. Все идет нормально.
- К е д р: Понял. Значит, сердце бьется.
- 8.45. К е д р: Какая сейчас готовность?
- З а р я (Каманин): Пятнадцатиминутная готовность. Напоминаю: наденьте перчатки. Как поняли?
- К е д р: Вас понял: пятнадцатиминутная готовность, надеть перчатки. Выполняю.
- К е д р: Перчатки надел, все нормально.
- 8.46. З а р я (Каманин): Вас понял.

- 8.48. К е д р: Магнитофон на автоматическую и ручную запись не работает. Очевидно, кончилась пленка. Прошу перемотать.
З а р я (Каманин): Я вас понял, передам команду. Идет перемотка ленты. Горит ли у вас лампочка?
- 8.50. К е д р: Понял вас, идет перемотка. Пусть перемотают всю пленку.
З а р я (Каманин): Понял, все в порядке.
- 8.55. З а р я (Каманин): Объявлена десятиминутная готовность. Как у вас гермошлем, закрыт? Закройте гермошлем, доложите.
К е д р: Вас понял: объявлена десятиминутная готовность. Гермошлем закрыл. Все нормально, самочувствие хорошее, к старту готов.
З а р я (Каманин): Вас понял.
- 8.56. З а р я (Каманин): Готовность — пять минут. Поставьте громкость на полную, громкость на полную.
К е д р: Вас понял. Объявлена пятиминутная готовность, поставить громкость на полную. Полную громкость ввел.
- 8.58. З а р я (Каманин): Все идет нормально. Займите исходное положение для регистрации физиологических функций.
К е д р: Вас понял. Все идет нормально, занять исходное положение для регистрации физиологических функций. Положение занял.
- 9.00. З а р я (Королев): У нас все нормально. До начала наших операций — до минутной готовности еще пара минут. Как слышите меня?
К е д р: Я слышу вас хорошо. Вас понял: до начала операции осталась еще парочка минут. Самочувствие хорошее, настроение бодрое, к старту готов, все нормально.
З а р я (Королев): Понял вас, понял хорошо.
- 9.02. З а р я (Королев): Минутная готовность, как вы слышите?
К е д р: Вас понял: минутная готовность. Занимал исходное положение, занял, поэтому несколько задержался с ответом.
З а р я (Королев): Понял вас.
- 9.03. З а р я (Королев): Во время запуска можете мне не отвечать. Ответьте, как у вас появится возможность, потому что я буду транслировать подробности.
К е д р: Вас понял.
З а р я (Королев): Ключ на старт! Дается продувка.
К е д р: Понял вас.
- 9.04. З а р я (Королев): Ключ поставлен на дренаж.
К е д р: Понял вас.
- 9.05. З а р я (Королев): У нас все нормально. Дренажные клапаны закрылись.
К е д р: Понял вас. Настроение бодрое, самочувствие хорошее, к старту готов.
З а р я (Королев): Отлично.
- 9.06. З а р я (Королев): Идут наддувы, отошла кабель-мачта, все нормально.

К е д р: Понял вас, почувствовал: слышу работу клапанов.

З а р я (Королев): Понял вас хорошо.

9.07. З а р я (Королев): Дается зажигание, «Кедр».

К е д р: Понял: дается зажигание.

З а р я (Королев): Предварительная ступень... Промежуточная... Главная... Подъем!

К е д р: Поехали! Шум в кабине слабо слышен. Все проходит нормально, самочувствие хорошее, настроение бодрое, все нормально.

З а р я (Королев): Мы все желаем вам доброго полета, все нормально.

К е д р: До свидания, до скорой встречи, дорогие друзья!

З а р я (Королев): До свидания, до скорой встречи!

Это было потрясающе!

Человек в космосе!

10.24. К е д р: «Весна», я «Кедр». Полет проходит успешно. Самочувствие отличное. Все системы работают хорошо. В десять часов двадцать три минуты давление в кабине — единица. Влажность — шестьдесят пять. Температура — двадцать градусов. Давление в отсеке одна две десятых. В ручной системе — сто пятьдесят. В первой автоматической сто десять. Во второй автоматической — сто пятнадцать. В баллоне ТДУ — триста двадцать атмосфер. Самочувствие хорошее. Продолжаю полет. Как поняли?

Да...

Мы, космонавты, уже присутствовали при запуске других космических кораблей. Видели, как огнедышащая махина уносила в глубь неба живые существа. В марте 1961 года в космос взлетели собаки Чернушка и Звездочка. В кресле пилота сидел... манекен. Перед этим опыты проводились на Малышке, Альбине, Дамке, Белянке, Отважной... А еще раньше, в 1951 году, их предшественники — Дэзи и Цыган — поднялись в «академической» ракете на высоту 101 километр.

Но это были «живые существа» и только. А сейчас на трехсоткилометровой высоте летит человек! Наш соотечественник! Мой товарищ, друг, коллега!

В 10 часов 25 минут мы услышали доклад Юрия о том, что автоматическая ориентация корабля включена. Корабль начал снижаться и через тридцать минут коснулся земли.

Ликовал весь мир. О нас, космонавтах, и говорить не приходится. На митинге в Звездном мы от души приветствовали своего товарища, проложившего первую космическую трассу, восторженно слушали его рассказ о полете. Каждый понимал — это начало космической эры. Впереди новые старты.

— Нам лететь дальше, — сказал Владимир Комаров.

...К вибростенду, теплокамере, центрифуге и другим установкам добавилась сурдокамера.

Первым вошел в нее Валерий Быковский.

Потом — его будущий дублер. Настал и мой черед.

Тяжело распахнулся люк «камеры тишины». Она, казалось, охнула от неожиданности — так редко проникают сюда звуки и дневной свет. Мне предстояло несколько суток полного одиночества.

Люк закрылся. Я аукнул, словно в лесу. Звук метнулся, как птица в клетке, и стало необыкновенно тихо. Слышно было, как тикают часы на руке.

О чем я думал в первые минуты сурдокамерного «заточения»? На память пришла статья из «Флаинг ревью».

В 1961 году американский летчик 1-го класса Леональд Д. Ферель «совершил полет на Луну» — провел семь дней в герметической кабине. Когда он вышел из кабины, у него был вид усталого пассивно настроенного к окружающим человека. Трудно представить, что пришлось перенести Ферелю за время его одиночного пребывания в камере.

Испытания, недавно проведенные в лаборатории ВВС США по космическим полетам, дают возможность судить о страданиях, перенесенных Леональдом Ферелем. Несколько человек совершили «космический полет» продолжительностью 36 часов.

Их поместили — каждого отдельно — в «космические камеры», герметически закрывающиеся. Человек был в полном одиночестве, не имея никакого контакта с внешней средой. Камера находилась в состоянии покоя, в нее не проникали посторонние звуки.

Люди в этой камере могли слушать музыку, читать. Однако лишь некоторые из них проявили интерес к чтению.

Через каждые девять минут человек, совершающий «космический полет», передавал по радио сведения о температуре тела и воздуха в помещении, о его влажности и давлении. Все оставшееся время он следил за экраном телевизора, на котором появлялись схематические изображения, подобные тональным сигналам (черно-белое изображение), как на обычном телевизоре. Время от времени техник, наблюдавший за испытанием, нарушал изображение на экране с внешнего пульта управления. Человек в камере должен был исправить его, пользуясь своим пультом управления.

Поскольку летчик, проходящий испытание, следит за экраном телевизора, спать он не имеет возможности.

Эти испытания, казалось бы, совершенно безвредны для организма. Однако ученые постоянно должны связываться по радио с «космическим путешественником», чтобы узнать о его самочувствии. И в большинстве случаев испытания прерывались по требованию человека, находившегося в камере.

Автор статьи подробно описывал, как у оставшихся в одиночестве и тишине начинаются галлюцинации. Один почувствовал головокружение, хотя камера не сдвинулась с места. Другому привиделись среди приборов пульта управления какие-то странные лица.

Автор пророчествовал: когда первый американский самолет совершит полет в космос, работников медицины скорее всего будет интересовать физиологическое состояние человека, а не другие данные. Ни один, мол, ученый не может предсказать, как будет реагировать физиология человека на окружающее его космическое пространство.

Что ж, я провел не 36 часов и даже не 7 суток, а несколько больше, но ничего подобного не замечал. Трудно? Нелегко. Но терпимо. Вспомнил всех наших ребят, кто побывал в «отсидке». Ни с кем из них ничего плохого не случилось. Да, как мы потом увидим, и у американцев со временем все придет в норму.

СЕКРЕТАРСКИЕ ХЛОПОТЫ

Почти каждое утро, как только автобус останавливается у подъезда профилактория, я спешу туда, где всегда в этот ранний час на несколько минут собираются Николай Федорович, врачи, инженеры — все те, с кем надо мне непременно встретиться и поговорить по своим секретарским делам. Я уточняю расписание занятий, согласовываю свои партийные планы, узнаю новости, выясняю все, чем надлежит заниматься отряду сегодня, завтра, послезавтра...

Как секретарю партийной организации, мне нужно быть в курсе всех событий. У нас всегда интересуются настроением ребят, их учебой, тренировками, претензиями. А возвращаясь из штаба, ребята, в свою очередь, расспрашивают о новостях. Герман по этому поводу как-то заметил:

— Ты связной не только на космодроме, но и здесь. Вот и разворачивайся.

Мы часто встречались с работниками ЦК партии, учеными, рабочими, строившими космические корабли, с артистами, поэтами, композиторами. ЦК ВЛКСМ взял шефство над нашим отрядом.

Комсомольскими делами у нас занимались Герман Титов и Валерий Быковский, а позже и Валентина Терешкова. В отряде не было человека, который бы не выполнял партийного или комсомольского поручения. Но, пожалуй, самым активным был Алексей Леонов — наш бессменный редактор сатирической газеты «Нептун». Никто из нас не помнит, чтобы «Нептун» по какой-либо причине не вышел в положенный срок.

Все как-то привыкли к тому, что в начале месяца в вестибюле профилактория появлялся разрисованный лист ватмана со знакомым бородачом, воинственно вознесшим всеокушающий трезубец.

«Нептун» не расставался с отрядом в больших и малых дорогах. Он с нами и в спортзале, и на парашютных прыжках, и в классах, и в лаборатории, и на заводе, и в сурдокамере, и на прогулке в лесу. Словом, морской владыка давно сделался земным. Старик, как

и положено ему быть, колюч. От него достается всем. Бывает он и необычайно добрым, предупредительным.

Однажды мы увидели в газете телеграмму:

«Срочно. Нептун и все его соседи, а также прикомандированные от души поздравляют тебя, сын Земли, с днем рождения (в ангела мы не верим) и желают тебе прожить столько, чтобы ты смог слетать до Андромеды». Ниже — «космическая» печать, подписи всех космонавтов.

Прочитав это, именинник разволновался, признался Алексею: — Спасибо. А я и забыл, что сегодня родился.

Можно было только позавидовать неистощимому Лешкиному юмору.

Вот кадры, выхваченные из нашей жизни. Дождь. Ветер. Из водосточной трубы хлещет вода. Но энтузиастам спорта непогода — не помеха. Они продолжают заниматься физподготовкой. И только наиболее предусмотрительные сидят на крыльце под навесом. Те, кто спасовал перед дождем, сразу себя узнают в стенгазете: Леша умеет схватить характерные черты лица.

«Нептун» знал все перипетии нашей парашютной подготовки. Титов попал в штопор, а Николаев, ранее испытывший эту беду, на ходу передает ему свой опыт. Новичок не решается взглянуть за борт, а инструктор не признает никакой робости. «Нептун» оповещал о каждом происшествии на аэродроме.

Или рисунок «По этапу»: в открытом «газике» сидит заросший до глаз человек. Рядом с ним врач. У дороги застыла в удивлении женщина: «Не иначе арестованного везут». А это Герман, только что отсидевший в сурдокамере.

В дни больших и малых, общих и личных торжеств добрый владыка глубин шлет свои традиционные телеграммы: Николаевой-Терешковой В. В. Сердечно поздравляю днем рождения. Обнимаю (с разрешения Андрияна). Будь счастлива». «Гагарину Ю. А. Поздравляю твои 30. Будь сердцем юн и в 50! По поручению «Ландышей» Нептун».

В «стенновке» постоянно печатались стихи. Достоверно известно: написаны они были от души и не без участия Алеши. Только однажды, когда редактор был «в отъезде» — сам ушел на орбиту и впервые в мире шагнул в открытый космос,— очередной номер «Нептуна» выпускали другие. Газета была посвящена... редактору.

ШАГ ВТОРОЙ

М агнитофонная пленка пересказывает услышанное в сурдокамере. Тут и непонятный перестук (видимо, находящийся в «отсидке» Герман Титов что-то чинит), и грустноватая песня без слов, и негромкое покашливание, и лирический свист, и просто разговор с самим собой. Но вот раздается слегка рокочущий баритон. Герман обращается к Венере:

Ты не та, что в мифах и сказаньях
Затерялась в темной глубине,
И ко мне выходишь на свиданье
Только в час вечерний, при Луне.

Днем боишься, днем владенья прячешь,
Укрываясь сотней покрывал.
Иль не жил еще такой удачник,
Кто с тебя рукою их срывал?

Иль себя считаешь недоступной
И горда, что так и не дошли
Те, кто в дерзновенных неотступно
Помышлял к тебе шагнуть с Земли?

Или ты наслышана о старом,
Веришь, на Земле посеян страх,
Порожденный гибелью Икара
И судьбой сожженных на кострах?

Было все, далекая Венера.
Было время — гибли за мечту.
Но за то, что в них не гасла вера,
Люди их теперь особо чтут.

И, врываясь в космос на ракете,
В толщу тишины неся свой звон,
Люди знают, что в пути им светит
Правда тех, кто правды были лишены.

Вот и я стремлюсь к тебе, далекой.
И торопит сердце: «Поскорей!..
Может, оттого и одинока,
Что никто не смог назвать своей...»

Я спешу. Ты слышишь, недотрога?
В год сжимая прежних дряхлых сто,
Я к тебе стучусь уже с порога.
Я готов с тобой присесть за стол.

Я ведь в гости. Открывай, не бойся.
Голубой чадры снимай покров.
У друзей хорошее есть свойство —
Принимать хорошее без слов.

Посидим, попьем чай с вареньем.
Как там самовар у вас — в ходу?
Что подашь? Пирог или печенье?
Или мне подать свою еду?

Потолкуем о делах Вселенной.
Обозрим галактик красоту.
А когда покину — непременно
Я умчусь в другую высоту.

И, взмахнув голубеньким платочком
В направлении «Лебедей» и «Вега»,
Погрустишь: туда умчался летчик.
Сын Земли, советский человек.

Это лирика. Но за ней видится проза. Долгие тренировки, утомительные занятия в классе, поездки на завод, тревожно-щемящее ожидание старта. Мы понимали настроение Германа Титова.

С ним все быстро сдружились. Характер у него особый, не похожий на другие. Он добр, великодушен, но чуточку горяч, а порой вспыльчив. Однако в нужный момент умеет себя сдерживать. Герман прост и вместе с тем интеллектуален. Хорошо разбирается в математике, в других точных науках, любит поэзию, знает толк в астрономии и космической технике. Сергей Павлович Королев заслуженно похвалил его за «исследовательский ум». Как к более подготовленному, ребята обращались к нему за консультациями, и он охотно помогал. В канун полета Юрия мы единогласно приняли Германа кандидатом в члены партии.

После первого, столь тревожного и радостного полета в космос вся группа космонавтов во главе с генералом Каманиным отправилась на юг, к морю. Отдыхали и думали о втором рейсе. Мы уже предполагали, что в полет пойдет Герман Титов, дублер Гагарина. Но на сколько витков? Вроде остановились на трех. Здесь же, в санатории, вместе с нами отдыхал и Главный конструктор. Чаще всего видели его в сопровождении Каманина. Шагая вечерами вдоль шумевшего прибоем взморья, они о чем-то деловито рассуждали. «Наверняка о предстоящем полете Титова»,— догадывались мы. И не ошиблись.

Как-то утром Николай Петрович приказал мне собрать космонавтов в его номере. Через десять минут все были в сборе. Здесь уже сидел Сергей Павлович Королев, задумчиво глядевший в окно на море.

— Мы вот тут советовались,— негромко сказал Главный,— насчет предстоящего полета. Может быть, не три витка, а семнадцать? Совершить суточный полет. А? Как думаешь, Герман Степанович? — повернулся он к Титову.

Германа как катапульта подбросило:

— Я готов! Это здорово... Разрешите, Сергей Павлович, суточный...

— Не пойму, кто кого уговаривает, ты меня или я тебя? Чья, собственно, идея?

Королев помолчал, потер ладонью массивный сократов лоб:

— Я вот только о чем думаю. Медицина будет возражать. Но мы должны убедить физиологов не словами, а делом...

Да, медики отчаянно сопротивлялись, доказывая пагубность чрезмерных перегрузок. Заседала комиссия. Спорили, аргументировали. Со временем большинство встало на точку зрения Главного.

В начале августа мы вновь вылетели на Байконур. Палило белое степное солнце, по рыжей равнине металась столбы смерчей. Сергей Павлович Королев, какой-то помолодевший, в белой рубашке-аппаш, как бы успокаивал Германа:

— Погода для старта в самый раз.

6 августа мы провожали в полет второго космонавта. Как и его предшественник Юрий, Герман был спокоен, весел. В последние минуты перед стартом я поинтересовался его самочувствием. «Орел» (позывной Германа) ответил: «Все хорошо». Поблагодарил за внимание. Спросил я насчет музыки: транслировать ли ему и какую?

— По вашему усмотрению.

Решили транслировать «Я люблю тебя, жизнь».

В свое время я был связным на первом старте. Теперь — на втором.

Более суток находился в космосе Герман. Он пошел дальше Юрия — встретил в полете не одну, а семнадцать космических зорь.

Привез нам «Орел» много интересного. По пути домой, в самолете, мы с Андрияном расспрашивали его о подробностях полета. Нам, готовившимся к совместному длительному полету, важно было знать детали суточного рейса и прежде всего воздействие невесомости на состояние человека.

— Как она там, не подводит нашего брата? — интересуюсь напрямик.

Герман советует:

— Тренируйте, ребята, вестибулярный аппарат. Без этого нельзя...

Уже дома, в Звездном, космонавты внимательно изучили записи наблюдений Германа, а мы с Николаевым долго еще мучили его расспросами и уточнениями, готовясь к новому, третьему старту.

Припомнилась ранняя весна 61-го года. Из открытых окон учебного корпуса неслась веселая дробь морзянки и разноголосый треск в эфире.

Это шли занятия космонавтов по связи. За столами сидели еще не ведомые миру Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Беляев, Валерий Быковский, Алексей Леонов... Призвав к вискам раковины наушников, все сосредоточенно вели прием-передачу с дальними и ближними корреспондентами. Словно бойкие ключики дятлов, ключи выстукивали «морзянку» радиограмм. В наушниках звучали ответные тирешки и точки.

С профессиональной уверенностью работал Андриян. И на ключе, и у аппаратуры действовал с такой расчетливостью, что трудно было понять, изучает он передатчик или же проверяет его. Видать, еще в полку приобрел навыки. Два года служил стрелком, летал на бомбардировщике. Участвовал в полковых и других соревнованиях радистов. Когда прибыл в отряд, каждый день тренировался на ключе.

Его «радиоболезнь» передалась и мне.

Наверно, многие, даже далекие от космонавтики люди, задумывались: «Хорошо, если ты приземлился в Поволжье или в другой тихой степи. Тут вроде дома. У целого района, а то и области на виду. Да, кроме того, едва приземлишься, специально высланные партии к тебе спешат. А что, если случится не так, как хотелось бы, и опус-

тишься где-нибудь в тайге, в море или, скажем, в раскаленных песках пустыни? Что станешь делать наедине со стихией? Когда не часами, а сутками и неделями надо ждать, пока тебя отыщут?» Да, космонавт должен быть готовым к любым неожиданностям. Не ждать, пока его отыщут, а самому искать дорогу к людям. Но как?

Этому посвящались специальные тренировки. В том числе — пеленгация. Ею мы занимались с неподдельным увлечением. Специалисты оборудовали походные пеленгаторы. Впервые испытать их довелось нам с Юрием Гагариным.

Группа отправилась в лес. Повесив на грудь миниатюрные радиостанции, долго петляли по глубокому снегу. Расходились в стороны. Потом Юрий то властно, то просительно зывал:

— «Кремень!» «Кремень», как меня слышишь?

Первое «радиопешеходное», как шутили ребята, путешествие прошло не без приключений. Кое-кто поблуждал. Все же отряд был доволен тем, что провел первую радиотренировку, которая напоминала вынужденное приземление в лесу.

Незадолго до отлета на Байконур мы с Андряном обживали свои корабли. Там был полностью «проигран» предстоящий полет.

С первого же знакомства мне понравилась моя «ласточка», как я назвал «Восток-4». Заняв свое место в кабине, проверил все системы, аппаратуру и доложил о готовности. Сидящий у пульта управления «полетом» немногословный, но требовательный Евсеич приказал приготовиться к старту.

Шлем скафандра закрыт. Настороженно ловлю каждую новую команду. До старта осталось десять минут... пять... И наконец:

— Старт!

Нарастающий гул двигателей. Корабль дрожит, как живой. Часы отсчитывают минуты, секунды.

Ракетный гул медленно угасает, и вскоре в мое жилище врывается тишина. Еще сильнее обостряется представление о том, что корабль в полете. Гляжу во «Взор», иллюзия полета почти физически ощутима. Вот разве только невесомости не хватает. За бортом медленно плывут звезды. Земли не видно. Манипулируя ручкой управления, ориентирую корабль.

Загораются и гаснут лампы на световом табло. Пощелкивают часы. Медленно вращается «глобус», скрупулезно фиксируя пролет над точками земного шара. А во «Взоре» все бежит и бежит голубая планета.

Приступаю к физическим упражнениям. С напряжением выполняю серию быстрых движений руками и ногами. Потом продеваю кисти рук в петли резиновых амортизаторов и начинаю растягивать их. Чувствую, делать это нелегко. После нескольких упражнений для мышц рук, спины и туловища снимаю амортизатор. Насколько позволяет скафандр, сгибаю ноги, продеваю носки в петли на свободных концах амортизаторов. Имитирую езду на велосипеде.

Неловкие, трудные упражнения. Но они заменят мне в космосе и бег, и прыжки, и многое другое. Чтобы в какой-то мере восполнить

отсутствие силы тяжести и сделать упражнения более «нагрузочными», каждое движение я выполняю с таким волевым напряжением, будто преодолеваю невероятное сопротивление.

Подобных упражнений с отягощением в условиях действия силы тяжести может быть подобрано множество. Но в космосе их выбор ограничен. Гантели или гири брать туда бесполезно. Их могут заменить снаряды, не боящиеся невесомости. Это различные кистевые эспандеры, резиновые мячи, пружинные и резиновые эспандеры для мышц рук и туловища и, наконец, резиновый амортизатор с ремennыми петлями — самый удобный, универсальный снаряд в космосе. Он позволит подобрать множество упражнений, воздействующих почти на все группы мышц.

Наши предшественники Юрий Гагарин и Герман Титов обошлись одной разновидностью упражнений с отягощением. Их комплекс был основан на преодолении сопротивления, оказываемого привязными ремнями. Для нас с Андрияном упражнения были усложнены. Что ж, посмотрим, какой ответный сюрприз приготовит нам космос.

«ЗОРЕ МОЯ ВЕЧЕРНЯЯ...»

Стояли ясные майские дни. В полдень пригревало солнце, и распаренная хвоя источала густые сладковатые запахи. Но вечера выдавались прохладные, нередко ветреные. Из окна второго этажа профилактория мы с Андрияном любили наблюдать, как пронизанные закатом верхушки сосен розово дымились. Казалось, вот-вот они вспыхнут ярким пламенем. Я читал шевченковское:

Зоре моя вечірня,
Зійди над горою,
Поговорим тихесенько
В неволі з тобою.
Розкажи, як за горою
Сонечко сідає,
Як у Дніпра веселочка
Воду позичає.
Як широка сокорина
Віти розпусгила...
А над самою водою
Верба похилилась...

— Хорошо писал твой земляк. Без перевода понятно. Хоть на музыку перекладывай, — говорит Андриян. И повторяет по-своему, с легким акцентом и нараспев:

— Зоре моя вечерняя... Как там сказано: радуга у Днепра воду занимает... Так? Мне эти строки напоминают мою родину. Вот представляю сейчас вечер в Шоршелах. Стадо идет с пастбища. Пыль на дороге. Детвора горланит. Женщины звенят подоюниками. Мужики у калиток курят. Дымок над крышами. Пахнет рекой — Цивиль рядом. Где-то за околицей поют девчонки...

Нам уже сообщили о предстоящем совместном полете. Правда, принято пока предварительное, может, даже условное решение. Но так уж человек устроен: маленькая надежда воплощается в твердое убеждение — будет именно так, а не иначе. Конечно, оба обрадовались. Как-то по-иному стали мы воспринимать окружающее. Казавшееся ранее обычным, неприметным, сейчас трогало душу, наводило на воспоминания. Тихий вечер в сосновом бору... Бусины росы в паутине...

Беседовали с конструкторами, специалистами-расчетчиками. Нам были понятны их волнения и тревоги: предстояло рассчитать орбиты наших кораблей, момент старта, время сближения, посадки и многое другое.

Немало забот и у руководителя испытаний. Человек он большой энергии и таланта. Начинал свою ракетную карьеру с механика. Теперь — доктор наук, виднейший специалист по ракетной технике.

В середине июня нам сообщили, что старт намечается через два месяца. Нас ознакомили с кораблями, на которых полетим. Сравниваем их с первыми двумя «Востоками». Много новшеств в оборудовании. Они позволяют выполнить более обширную программу, в том числе «плавание» в кабине. Мы помним, что за этот эксперимент кое-кто сирометчиво ратовал уже в первом полете. Но рассудительные конструкторы отвели рискованные по тому времени рекомендации. Отвязываться и «парить» не разрешили ни Юрию, ни Герману. А вот теперь на кораблях сделано все, чтобы нам с Андрияном «поплавать». На каждый такой сеанс отводится около часа.

Понравилась нам радиосистема с ее оригинальными микрофонами и репродукторами: в каком бы положении мы ни находились, могли непрерывно поддерживать связь с Землей. В нашем распоряжении три канала приема: дальний коротковолновый, УКВ и вещательный. Четвертый — межкорабельный. Приятное впечатление произвели сшитые для нас новые скафандры — элегантные и удобные.

Словом, все было наготове. Отряд жил предстартовыми заботами. Мы с Андрияном Николаевым и своими дублерами — Валерием Быковским и Владимиром Комаровым — проходили последние проверки в Звездном.

В профилактории мы проводили последние предстартовые дни. И отдыхали, и готовились. По вечерам обсуждали жгучие космические проблемы. Они касались завтрашнего дня и более отдаленного будущего. Читали научную литературу, где речь шла о радиационных поясах вокруг Земли и плотности верхней атмосферы, происхождении полярных сияний и «солнечном ветре», космической навигации и надежности кораблей, возможностях человеческого организма и о многом другом.

Нам стало известно, какой огромный вклад в разрешение этих проблем вложен советскими учеными еще задолго до космических

полетов. Например, чтобы безошибочно выбрать орбиту спутника, потребовалось досконально выяснить плотность атмосферы на различных высотах. На космический корабль и его пилотов может пагубно воздействовать ультрафиолетовое и рентгеновское излучение Солнца. Как уберечь и людей, и технику?

Удалось установить природу, плотность, температуру и степень ионизации верхней атмосферы на различных высотах. Вырисовывалась жизненно важная деталь: в связи с уменьшением солнечной активности, которая началась в 1958 году, плотность атмосферы и ее протяженность значительно уменьшились. На среднем эшелоне плотность упала в несколько раз. И еще выяснилось, что плотность эта днем больше, нежели ночью.

В одном из журналов доктор технических наук В. П. Селезнев упоминает такую древнюю притчу: путник спросил у встречного, долго ли ему еще идти до города. «Иди», — лаконично ответил тот. Путник удивился ответу, но пошел вперед. И когда он прошел несколько десятков метров, встречный окликнул его: «Тебе идти до города полчаса». Встречный увидел, с какой скоростью движется путник, и, зная расстояние до города, вычислил время. И далее ученый пишет:

...Пространство, время, движение... Каждое путешествие — это движение во времени и пространстве. Наука о методах определения ускорения, скорости и координат местоположения какого-либо тела называется навигацией. Человек из притчи, в сущности, решал простенькую навигационную задачу.

За плечами земной или, точнее, наземной навигации тысячелетний опыт человечества. Первобытный человек учился ориентироваться в лесу, в окрестностях своей пещеры. Мореплаватели запоминали очертания берегов, чтобы найти дорогу на обратном пути к своему городу. Вожаки верблюжьих караванов из поколения в поколение передавали знания о рисунке звездного неба — единственном надежном ориентире в бескрайних и однообразных просторах пустыни. Со временем появились карты суши и моря, компасы, секстанты, лаги и другие приборы, помогающие человеку ориентироваться на Земле.

Но вот человек послал свои корабли в космос. И одна из первых проблем, которая встала перед ним, — это создание новой науки — космической навигации. Опыт земной навигации лег в основу молодой науки. Космическая навигация оказалась обладательницей богатого наследства. Но этого наследства было явно недостаточно. Перед человеком, задумавшим покорить космос, открылся новый мир — мир огромных расстояний и огромных скоростей. Теперь человеку надо было не только наблюдать за этим миром со стороны, как он делал тысячи лет, а вести через необозримые просторы свои космические корабли.

Сотни новых проблем возникли перед исследователями. Искусственный спутник вращается вокруг Земли с чудовищной, по нашим земным меркам, скоростью — 8 километров в секунду. Скорость в 11,2 километра в секунду необходима, чтобы тело преодолело земное

тяготение, и в 16 километров в секунду — чтобы оно покинуло пределы Солнечной системы.

А вот скорости, с которыми движутся по своим орбитам вокруг Солнца некоторые планеты: 35 километров в секунду — Венера, 29,8 — Земля, 24,1 — Марс.

Эти колоссальные скорости, не заметные для нас (они скрадываются огромными расстояниями, разделяющими небесные тела), должны учитываться теми, кто разрабатывает звездные маршруты.

А как в грядущих, многолетних межпланетных путешествиях будут себя «чувствовать» машины? Говорят, в Калифорнии строятся камеры для испытания моделей космических кораблей и их узлов. В одной из камер воспроизведут условия, близкие к космическим. Для создания вакуума предполагается использовать четыре насосные системы, а для охлаждения воздуха — жидкий гелий.

Телевизионные камеры помогут наблюдателям судить о том, как ведут себя модели в условиях, близких к космическим.

Трудно металлу. А людям? Способен ли человек выдержать невероятно высокие, может, даже фотонные скорости? Хватит ли ему жизни, чтобы одолеть межпланетные пространства? Об этом уже думает человечество. Прежде всего о хлебе насущном. Большого запаса продуктов в такую дорогу не возьмешь. Нужно сам корабль превратить в ниву жизни. Создать замкнутый «биологический круг» — как в природе.

И об увеличении продолжительности жизни астронавтов уже смело мечтают ученые. Кто его знает, может, в сверхдальних полетах придется прибегать к анабиозу. Врачи сами будут вводить астронавта в такое состояние, чтобы продлить его жизнь и вернуть к активной деятельности в самое нужное время. Фантастика? Пока да. Но она неотделима от реальных поисков.

В эти часы вечерних раздумий обо всем на свете думалось светло и легко. Именно они, вечерние зори, властно потянули меня к поэзии. Я взялся за перо. Мой заветный блокнот с цифрами и только мне понятными табличками пополнился еще и стихотворными строками.

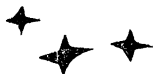
ШАГИ ЗА ОБЛАКАМИ

*Человек! Точно солнце рож-
дается в груди моей, и в ярком све-
те его медленно шествует — впе-
ред! и — выше! трагически пре-
красный Человек!..*

*Затерянный среди пустынь
вселенной, один на маленьком кус-
ке земли, несущемся с неуловимой
быстрою куда-то в глубь безмер-
ного пространства, терзаемый му-
чительным вопросом — «зачем он
существует?» — он мужественно
движется — вперед! и — выше! —
по пути к победам над всеми тай-
нами земли и неба.*

М. ГОРЬКИЙ

ВСТРЕТИМСЯ НА ОРБИТЕ

В ижу сон: лицо щекочет ветка сирени. Люблю сирень. Ее запах и цвет. Провожу ладонью по щеке. А в руке оказывается... маленькая ладошка. Это Наташка ни свет ни заря залезла ко мне в кровать. Тормошит, дышит в ухо:

— Куда собираешься, папа?

С трудом соображаю: откуда ей известно о моем отъезде? И тут замечаю у кровати свой «командировочный» чемоданчик — дочка приволокла его из коридора. Поняла, что приготовлен в дорогу. Как всегда перед отъездом, говорю:

— В гости к бабушке Командировке, дочка.

Ответ ее удовлетворяет.

Да, сегодня отъезд. На космодром. Позавчера состоялось традиционное партийное собрание. Выступили мы с Андрияном и наши дублиеры. Говорили о своей готовности с честью оправдать высокое доверие. Юрий Гагарин и Герман Титов дали свои деловые напутствия. Алеша Леонов выпустил очередной номер «Нептуна», благословлявшего нас «на высоту, скорость и сближение».

Скоро придет машина. Чемодан уложен. Там самое необходимое. Книжки, блокнот, подаренный моим тренером специально для космоса. А в блокноте — цветы. Засушенные ромашки. Это — давний подарок жены. Помнится, еще будучи курсантом, ехал я с Востока на Запад. В Новосибирске меня должна была встретить Марина. Она принесла огромный букет глазастых желто-белых цветов. Они еще пахли лугом и росой. В записке Марина написала: «Ромашки — это цветы аэродромов. Они первыми встречают нас после полетов. Люби их, как небо».

И еще в блокноте — сложенный вчетверо портрет Ленина на шелке. Подарила мне его художница, друг нашей семьи Анастасия

Петровна. Говорит, пусть в космосе побывает. Что же, символический подарок.

— Присядем перед дорогой,— предлагает Марина.

Садимся. Звонок. Входит журналист В. Песков. Он хочет взять интервью перед стартом. Ну, что ж, пожалуйста. Сразу оговариваюсь: ничего неожиданного, сенсационного не будет. Космонавты такие же люди, как и все. Едим, спим, работаем, любим... На нашу долю выпало проложить след. Это требует подготовки. Журналист говорит:

— Наступит день, о тебе будут думать, тревожиться, будут ждать твоего возвращения. И ты будешь думать о людях. Среди них живет самый дорогой для тебя человек. Кто этот человек?

— Я отвечаю: мать. Отвечая так, я не боюсь обидеть ни жену, ни дочь, ни учителей, ни друзей, которые много сделали для меня и которых я очень люблю...

— Скажут: «На старт!» Каждому человеку ясно: полет — не прогулка на мотоцикле. В ожидании старта бывают минуты страха?

— Нет. Каждый из космонавтов ответил бы точно так и ответил бы искренне. Мы знали, что выбирали. На этой дороге не место страху. Мы знаем: в разведке нельзя без риска. Но мы уверены: после полета увидим Землю и цветы на Земле. Напьемся после дороги горячего чая и споем не одну еще песню.

— Ученые, техники, рабочие, инженеры и астрономы. Поднимаясь в ракету, ты доверяешь им жизнь. Знаешь ли ты кого-нибудь из тех, кто делал ракету?

— Знаю. Этим людям мы, космонавты, должны до земли поклониться. С ними не один раз вот так же сидели и говорили. На заводе я познакомился с токарем, который вытачивал какой-то винт для ракеты. Ему сказали: «Вот он полетит». Парень долго жал мне руку. Прекрасные люди! Они сделали все, что надо сделать. Поэтому я спокоен.

— В «Комсомольской правде» была дискуссия «физиков и лириков». Кто-то сказал: «И в космосе нужна будет ветка сирени». В твоём космическом багаже будет «ветка сирени»?

— И меня в дискуссию, чего доброго, втянешь... Вон чертежная доска и рядом — томик Есенина. Я думаю, что на Земле и циркуль, и эта книжка всегда будут жить в добром соседстве. Что касается космоса... Все знают: Юрий и Герман в полете видели Землю и говорили: «Как хороша!» И пели песни. Я тоже люблю песни. Люблю петь. Люблю слушать, как поют птицы и свистит ветер, как кричат на болоте весною лягушки. Все эти земные звуки память возьмет в дорогу. Можно сказать, что «ветка сирени» будет со мною...

— Как-то во время ночного дежурства в редакции мы начали фантазировать: «Летим на Луну. Груз рассчитан до килограмма. Можно взять только пять книг. Какие пять книг взять на Луну?» Если бы тебе пришлось выбрать?

— Для твердости духа взял бы Джека Лондона и Маяковского.

Потом... взял бы и эту — Остапа Вишни. И стихи люблю. Взял бы Тарасов «Кобзарь» и Есенина...

— Каковы идеалы, за которые как человек ты мог бы пойти на смерть?

— Любовь к Родине. Верность партии коммунистов, в дело которой я свято верю. Мужская дружба.

— Будет, наверное, такой полет, когда на корабле полетит уже не один космонавт, а два, три... Если б пришлось выбирать, кого бы ты выбрал в товарищи?

— В нашей группе космонавтов на каждого можно положиться. Что же касается сугубо личных симпатий и дружбы — выбрал бы Андрияна.

Корреспондент просит написать пару строк для молодежи. Пишу: «Ребята! Ничто в жизни само не дается. И пашня, и космос требуют усилий, большой работы. Труд, труд и труд. Только он приносит победу».

8 августа мы были уже на космодроме. И сразу отправились в монтажный зал посмотреть на свои корабли. Мы уже были с ними знакомы, осмотрели, ощупали все детали. Но сейчас наши звездолеты, как и мы сами, обретают, так сказать, предстартовую форму.

Встречаем знакомого инженера-испытателя. Он смеется:

— Машины ваши готовы. Пожалуйста.

Как все было дальше, по дням и почти часам описал этот инженер, чьи записи я привожу с его разрешения:

...9 августа, 12 часов. Я снова в монтажном зале. Производится стыковка корабля с ракетой-носителем. Идет «прозванивание» линий. Монтажники обступили корабль и ракету.

Меня радует слаженная виртуозная работа бригадира и крановщика. Крановщик с удивительной точностью, медленно и осторожно подводит корабль к ракете. Бригадир, молодой, стройный, с открытым русским лицом, подает последнюю команду, и корабль впритык останавливается у ракеты, не отклонившись в сторону ни на один миллиметр. Это при такой машине! Поставлены крепежные болты. Стыковка закончена.

Уже 12 часов. Время обеда, но никто не расходится. Нужно закончить подготовку ракеты и надеть защитный колпак на корабль. Плавно подводится колпак и точно садится на свое место.

9 августа, 15 часов 40 минут. Все готово к выезду на стартовую площадку. Инженеры и монтажники сбились в кучу, оглядывают космический корабль.

Подается команда, раздвигаются ворота монтажного корпуса, и ракета с кораблем начинает свой последний путь по Земле.

Это всегда волнующий момент, словно расстаешься с кем-то дорогим и близким. Электровоз движется настолько медленно, что мы спокойно, не спеша идем рядом и не отрываем от ракеты глаз. Сколько ни смотри на это величественное сооружение — не налюбуйешься.

Наконец мы — на стартовой площадке, и очень скоро ракета стоит на своем «рабочем» месте, поблескивая серебром. Снова ее

облепили монтажники, а мы спешим обратно в монтажный корпус, где кончается сборка второго корабля.

10 августа, 9 часов 15 минут. Поднимаюсь на лифте к кораблю, на котором завтра полетит в космос Андриян Николаев. Мягкий электрический свет освещает кабину. Чистота — как в хирургическом кабинете. Приборы, масса приборов заполняет все стенки кабины. Небольшой глобус. Все под рукой у космонавта. Удобно. Уже не один раз я осматривал кабину и работал в ней; кажется, можно бы привыкнуть, но нет, непонятное волнение овладевает при последней генеральной проверке корабля.

Поражают замечания специалистов-испытателей по разным деталям. Ничто не ускользает от их глаз. То, что другой не заметит или пропустит, они заметят и не пропустят! На верхнем мостике корабля работают совершенно свободно несколько человек. Пробыв там около часа, спускаемся вниз.

10 августа, 11 часов 30 минут. Только что закончилась традиционная встреча и прощание Николаева со стартовой командой...

Все, кто принимал участие в подготовке ракеты и корабля к полету, образовали каре. Установили импровизированную трибуну. Сколько задушевных и теплых слов было сказано в адрес Андрияна! Запомнилось одно очень короткое выступление:

— Будь спокоен, дорогой наш Андрей. Твой корабль подготовлен отлично, потому что это делалось не только нашими руками, но и нашими сердцами!

11 августа, 10 часов. В 7 часов утра я уже в знаменитом одноэтажном домике, где обычно проходит последний медицинский осмотр и где летчиков одевают в космическую одежду.

Вскоре приехал Андриян, веселый, оживленный, чисто выбритый. Измерили пульс — 70 ударов в минуту. Последний тщательный медосмотр закончен. На Андрияна надевают все датчики и специальное белье. Затем переходим в другую комнату, где на него натягивают космическую одежду. Андриян садится в специальное широкое кресло, и опытные ребята (они одевали Юрия Гагарина и Германа Титова) приступают к делу.

На церемонии одевания космонавта перед полетом в космос я присутствовал впервые и потому с особым вниманием, неотрывно наблюдал за этим.

Вначале теплозащитная одежда, в которую вмонтирована система вентиляции, обеспечивающая равномерный теплосъем с тела. Затем в кармашках одежды устанавливаются усилители для медицинских датчиков. После этого силовая герметическая оболочка (основа скафандра) серо-голубого цвета. Она шита из очень крепкого и прочного материала, обеспечивает подвижность космонавта при избыточном давлении. Сверху — яркая оболочка оранжевого цвета. Затем зашнуровывается специальная обувь.

Несмотря на то, что работают два мощных вентилятора, в комнате душно. Андриян просит пить, и тут же из холодильника подается холодная, запотевшая бутылка боржоми.

В оранжевой оболочке несколько кармашков, туда вкладываются такие вещи, как блокнот с карандашом. На руке часы.

Затем шлем, перчатки, и Андриян готов к полету в космос.

Подшел голубой автобус. Космонавты садятся. Впереди на специальном кресле устраивается Андриян, на другом (сзади) — дублер Валерий Быковский. Еду с ними. Около автобуса сотни провожающих.

Только выехали на асфальтированное шоссе, запели «Я верю, друзья». Андриян покраснелся: то ли от жары, то ли от возбуждения, и тоже стал подпевать. Затем неожиданно поднял руку, стал дирижировать хором. Это еще больше воодушевило всех.

На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы...

Вдали показалась стартовая площадка. Все стали прощаться с Андрияном. Я переждал всех и тоже обнял его. Тут же вынул небольшую, прекрасную сделанную матрешку:

— Возьми с собой, Андрей. Если заскучаешь, будет чем поиграть.

У Андрияна заискрились глаза, и он воскликнул:

— Ребята, в космос со мной полетит матрешка! А ведь она хорошенькая, черт побери — смотрите!

Грянул такой оглушительный хохот, что водитель оторопел и затормозил. Все кинулись помогать Андрияну укладывать матрешку в кармашек.

В это время машина подходила к стартовой площадке, и я тихо сказал:

— Помни, Андрей, матрешку вернуть, обязательно вернуть, и только мне. Я буду встречать на месте посадки.

В ответ услышал:

— Вас понял. Будет выполнено!

11 августа. 10 часов 50 минут. Как знакома эта волнующая картина — прощание космонавта с провожающими. Последние объятия, и Николаев медленно поднимается по небольшой лесенке к лифту. Остановившись на площадке, он взволнованно обращается к провожающим. Его последние слова:

— До свидания, друзья! До скорой встречи на родной советской земле!

Он быстро вошел в лифт, и тот плавно поднял его к вершине космического корабля.

11 августа, 12 часов. В бункере прохладно. Сюда пришли члены государственной комиссии. В операторской — сотни приборов, которые постоянно сообщают о состоянии ракеты-носителя, о космическом корабле и о космонавте. За переговорным пультом сидит Юрий Гагарин. У перископа — один из конструкторов. Наблюдая за ракетой, он часто отрывается, чтобы взглянуть на огромный хронометр, лежащий справа. Рядом с хронометром — предписание о точном времени старта. Слово «внимание» подчеркнуто красной краской.

Время неумолимо бежит вперед. Вот объявлена пятиминутная готовность.

Раздается голос Юрия Гагарина:

— Андрюша, ни пуха, ни пера тебе!

— Спасибо, Юра!

Я наблюдаю за своим секундомером. Точно в назначенное время — гром работающих двигателей. Стены бункера задрожали. Донесся голос Андрияна:

— Поехали!

...Он улетел. Когда прощались, изрек свое любимое:

— Главное, Паша, спокойствие. До встречи. Не задерживайся.

— До побачення, Андрюха! Встретимся на орбите.

И вот огнедышащая стрела унесла моего друга ввысь. Честно сказать, как-то грустновато стало без него. Может, еще и оттого, что я впервые не был связным на космодроме. Сейчас мне самому предстоит лететь. Мои прежние функции выполняет Гагарин.

Жду первого доклада с орбиты. И наконец, через 15 минут после старта, слышится знакомый, чуть глуховатый голос:

— Я «Сокол». Чувствую себя хорошо. На борту все нормально. В иллюминаторе хорошо видна Земля.

— Добре, Андрюха, добре! — кричу ему так, словно он может услышать меня.

Вместе с инженерами и рабочими вновь спешу в монтажный зал: завтра мой черед лететь. Надо еще раз посмотреть на свою «ласточку».

Поздно вечером пригласили на последний предстартовый медицинский осмотр. Доктор скрупулезно выслушал сердце, легкие. Измерил артериальное давление, пульс. Попросил показать язык. В это время «попутно» меня инструктировал специалист по ориентации. Я ответил, что неудобно показывать язык в момент столь ответственного инструктажа. Обменялись репликами, посмеялись.

И вдруг в комнату влетает инженер. Во всю мощь голоса восклицает:

— Андриян сейчас будет пролетать над нами!

Все бросились на улицу. Я, наверное, первый выскочил. В трусах, без майки. Кто-то на ходу бросил мне белый халат врача. Закутался в него и жадно шарил глазами по темному небосводу. И нашел Андрияна! Его корабль красноватой звездочкой выплыл с левой стороны и в 21.10 прошел над нами. Я замахал неведомо откуда появившимся у меня в руках полотенцем, закричал:

— Анд-рю-ха, здо-ро-во! Не скучай! Завтра встретимся!

Подошел врач, полусхута заметил:

— Волноваться тебе нельзя.

Володя Комаров возразил:

— Волнуйся, Паша. Обязательно волнуйся!

Я посмотрел на дублера: он и сам был в большом волнении — темные глубокие глаза светились вдохновением и чем-то таким, что трудно передать словами.

ЗВЕЗДЫ И ДНЕМ НЕ ГАСНУТ

Последняя перед стартом ночь. В ней всегда есть что-то свое, неповторимо-трогательное и чуточку волшебное. По-моему, это настроение удачно передает песня, музыку для которой написали по нашей просьбе артисты ансамбля имени Александрова. Они потом ее сами нам пели. Вот она:

Малиновый вечер над степью
Два тихих крыла распростер.
Над нами пылает Венера,
А рядом — пылает костер.

Расстанемся с домом надолго:
Нам завтра в дорогу — «добро!»
Так спой же нам, Чайка, про Волгу,
Так спой нам, Павло, про Днепро!

И где б нас судьба не носила,
К каким не придем берегам,—
Мы будем скучать по России,
По синим ее вечерам.

Идем, как по палубе, степью,
Стожары горят серебром.
Так жди-ождай нас, Венера!
Нам завтра в дорогу — «добро!»

Так было всегда. Перед каждым полетом. Каждый из отлетающих, наверное, думал, как и я сегодня, о своем Днепре и своем Узине, о какой-нибудь самой неприметной тропе на лугу, пахнущей клевером, кашкой, росой...

Как ни растрогал меня отлет Андрияна и как ни волновал мой предстоящий старт, спал я спокойно. Без сновидений. Ни разу не проснулся.

Утром после физзарядки и завтрака вновь встретились с Главным. На его полноватом, с чуточку припухшими веками лице — тень озабоченности. Он-то, видать, спал неважно. Тетя Дуся, хозяйка гостиницы, шепнула: «Ночью приходил к вам в комнату. Постоял, посмотрел, как вы спите, и тихонько ушел». Прищурив свои внимательные, с лукавинкой глаза, Главный поздоровался:

— Здоровенькі були! Як спалось?

— Спасибі! Відмінно! — поспешил я ответить в тон ему.

И вот настал мой час занять место в космическом корабле. Те же традиционные проводы. То же волнующее прощание. Добрые напутствия. Кто-то, кажется Леонов, наказывает:

— Паша, пиши!

— Напишу. Обязательно. Только в бортжурнале.

Леша смеется:

— Будем читать.

Стартовал я утром. В 11 часов 02 минуты 17 секунд. Мысленно представил, как под титанической машиной вскипел шквал огня. По

корпусу живой волной прошла дрожь. Моя «ласточка» устремилась в зенит.

Первые секунды полета — легкие, радостные. А потом начали прижимать перегрузки. Легкость пропала. Но радость ничем нельзя было погасить. Я летел. Я набирал неиспытанную доселе высоту. Через несколько минут буду нестись со скоростью 30 000 километров в час! Меня ждет невесомость. И меня ждет на орбите мой друг!

Едва с иллюминаторов были сняты колпаки, я начал наблюдение. Доложил:

— Вижу Землю. Горы. Все нормально. Самочувствие отличное!

Перегрузки постепенно стали падать. И наконец меня объяла долгожданная невесомость. Необычная легкость пронизала все мое существо. Орбитальный полет начался! Невольно вместо официального, сдержанного доклада вырвались поэтические строки марша «Голубая планета»:

Умолк могучий гул ракетных камер,
И отошла последняя ступень.
Я в невесомости, и мир как будто замер,
Смешались в черном небе ночь и день...

Слышу знакомый голос Гагарина:

— Как настроение, Паша?

— Настроение отличное! Все идет хорошо. Вижу Землю. Какая она красивая!

— Вместе с тобой любимся этой красотой, — подтверждает Юрий.

Без промедления связываюсь по радио с Андрияном. В звонкой разноголосице эфира сразу узнаю негромкий голос:

— «Беркут», «Беркут», я «Сокол». Слышу тебя отлично. Как самочувствие? Прием.

Какой там «Беркут»!

— Андрияша! Слышу отлично, — отбрасываю все позывные. — Самочувствие прекрасное!

Он тоже не в силах выдержать официальный тон:

— У меня тоже все хорошо, Паша! С выходом на орбиту!

— Тебя тоже! Вот и встретились...

Да, мы встретились в полном смысле слова. Не только услышали, но и увидели друг друга. Я первый заметил Андрияна. Его корабль, выходящий из тени, вдруг осветило солнце, и он показался звездой. Мы сблизились. Расстояние между нами было всего около пяти километров. По космическим масштабам и тому времени — невероятно близко. Это первый эксперимент такого сближения. А если сказать еще точнее, тут много нового: и само выведение на орбиту двух кораблей, и двусторонняя связь между ними, и продолжительность полета, и «плавание» в кабине.

Вскоре послали первый совместный рапорт: «В соответствии с заданием идем на групповой полет на близком расстоянии. Между

кораблями установлена надежная связь. Системы кораблей работают отлично».

Началась космическая работа. Я следил за показаниями приборов, аппаратуры. Вел наблюдение за внешней средой. Обменивался информацией с Андрияном. Поддерживал связь с Землей. Проводил сеансы «плавания» в кабине. Занимался психологическими тестами. Брал управление кораблем на себя. Экспериментировал, сопоставлял данные, фотографировал Луну, Солнце. Если выдавалась свободная минута, занимался физикой, английским, благо прихватил с собой учебники. Ну и, конечно, вел записи в бортовом журнале. И еще — вел... репортаж. Да, первый в своей жизни репортаж. Писал его в маленьком блокноте, подаренном мне перед полетом моим добрым приятелем-земляком Иваном Петровичем Ващенко. Вот он, мой звездный репортаж:

«Московское время 7 ч. 45 мин. Корабль летит над Тихим океаном. В кабине свет выключен. За бортом — ночь. В правый иллюминатор видна Земля, покрытая несплошной облачностью... Появилась Луна. Вот она, красавица!

Земля, точнее облака, имеют серый цвет. Корабль летит и все время вращается... Поэтому картины меняются. Сейчас в правом иллюминаторе звездное небо. Оно черное-черное! Большие яркие звезды видны так же, как и с Земли, но только не мерцают. Малые кажутся светлыми точками.

Сейчас лечу вниз головой, ибо в задний иллюминатор вижу Землю. При невесомости это все равно... Луна уже в правом иллюминаторе.

По распорядку — второй завтрак. Меня ждет колбаса и вишневый сок.

Вот это да! Бросил завтрак, ибо корабль выходит из тени. Какой вид! Вам, земным жителям, этого не увидеть на Земле. Вот это космические зори! Смотрите!

Горизонт у Земли ярко-бордовый и сразу же темно-синяя полоса без всякого плавного перехода. Затем идет светло-голубая полоска, которая переходит в черное небо. Вот все ширится, растет, раздвигается, и появляется солнышко. Горизонт становится оранжевым, более голубым, нежным. Красиво!

Солнце вначале красное (у Земли) и довольно быстро светлеет. Светит ярко и жжет сильно. Смотреть на него почти нельзя, если взглянешь — слепнешь на некоторое время.

Все это проходит быстрее, чем я пишу. Сколько уже видел я таких зорь, и каждый раз есть что-то новое, какие-то другие оттенки.

8.45. Пролетаю над Родиной. Связь с Землей отличная.

На светлой стороне Земли горизонт более нежный, голубой. Я уверен, что наша родная Земля издали (с Луны, например) будет казаться голубым шаром.

Эх, и спешу я жить! За полтора часа проживаю земные сутки.

9.01. Корабль входит в тень. Земля принимает сначала светло-сильный цвет, а затем становится все темнее, темнее — ночь! А солнце еще светит минуты полторы-две и затем скрывается.

Темно. Лишь наш вечный спутник — Луна озаряет Землю слабым светом. Кстати, где облачности нет, Земля имеет черный цвет и отличается от неба тем, что нет звезд.

Думаю я, видимо, как и Андрей, сейчас об одном. Под нами — родная планета. До Родины далеко. Тысячи километров. Но она — рядом. Слышим ее голос. Волнуемся. Радуемся. Торжествуем».

Но это, так сказать, настроение, эмоции. А работа, дело? О них пусть расскажет бортовой журнал — мой верный и беспристрастный спутник космической жизни

Начну с 33-го витка.

9.55. Запросы Земли. Дорогие друзья! Спасибо за внимание. Чувствую себя отлично. Когда приземлюсь, расскажу вам много интересного. Ваш Беркут.

34-й виток.

12.00. Отвязался полностью. Горел свет телевидения. В отвязанном состоянии чувствовал себя хорошо. Войти в привязные ремни легче, чем выйти. Надо, чтобы ничего не цепляли на левый рукав. Лучше на правый.

35-й виток.

12.45. При входе в тень свет в корабле надо выключить. Ночью при корабельном свете ничего не видно ни на Земле, ни в космосе. Даже звезды пропадают. А вот днем они не гаснут. Парадокс? Ничего не попишешь — космос.

13.20. По широкополосному приемнику на средних волнах слышал иностранную речь. Иностранцы говорят о нашем полете и о нашей стране. Говорят с уважением. Ну, дай бог, чтобы то было от души. Спасибо на добром слове.

Вестибулярная проба.

13.30. Пообедал. Аппетит отличный. Взял даже ДП. Подразнил Андрея воблой. Оказывается, у него нет. Бедолага аж стонет, просит хоть кусочек.

37-й виток.

15.40. Контроль самочувствия. Пульс 56. Выпил воды. Похожа на нашу, днепровскую.

Давал сверку времени.

38-й виток.

17.05. Вестибулярная проба.

17.15. Физические упражнения. Хорошая штука! «Весна» просит сверку глобуса. Дал. Все идет отлично.

17.25. Земля аккуратненько «бежит» под меня.

39-й виток.

19.30. Установил будильник — сон до 45-го витка.

45-й виток.

3.20. Сработал будильник. Сделал физзарядку. Поговорил с «Зарей».

3.45. По широкоэвещательной радиостанции слышу песни, музыку, иностранную речь.

4.00. Получил указания от Главного.

46-й виток.

4.30. Психологические тесты. Работоспособность отличная.

5.30. Слышу песни Прибалтики. Спасибо, друзья! Москва передает последние известия.

Почему-то напало чихание. Сам над собой смеюсь: вот чихнул бы здесь Тарас Бульба. Наверняка корабль с орбиты сошел бы.

47-й виток.

6.15. Вестибулярные тесты. Не хуже, чем на Земле. Рука устойчивая.

6.20. При активной работе пульс 64—72 удара в минуту. Гигиенические условия корабля хорошие. Освещение отличное...»

Еще там, на космодроме, когда взлетел Андриян и настал мой черед, я узнал, что Советское правительство направило правительству США обращение, в котором говорилось, что заинтересованность всех стран в исследовании космического пространства в мирных целях накладывает определенные обязательства на все государства. Это значит: они должны воздержаться от проведения любых мероприятий, могущих в какой-либо мере затруднять исследования космического пространства в мирных целях или, тем более, создавать опасность для жизни космонавта. Тревога нашего правительства была понятна: в эти дни США планировали проведение новых ядерных взрывов на высоте. А советские ученые превосходно знали, что высотные ядерные взрывы, подобные взрыву, произведенному Америкой 9 июля, создают опасность для жизни и здоровья космонавтов. «Правительство Советского Союза, — говорилось в обращении, — ожидает, что правительство США проявит понимание лежащей на нем ответственности и воздержится от проведения ядерных взрывов».

Госдепартамент заверил, что Соединенные Штаты не намечают никаких действий, которые каким-либо образом помешали бы советским космонавтам.

Обо всем этом я вспомнил, когда пролетал над Америкой.

Ярко виднелись созвездия, особенно созвездие Ориона, рассыпанное в экваториальной части неба и граничащее с созвездием Тельца, Близнецов, Единорога, Зайца и Эридана. В Орионе выделялись звезды первой величины Ригель и Бетельгейзе.

Как ни странно, Земля «таилась» от нас больше, чем звезды. Целые материки и океаны скрывались под толщей облаков. Почти все время были открыты взору Африка, Южная Америка, Индонезия, Турция. Северную Америку то и дело заволакивали тучи. К сожалению, почти все время была закрыта облаками и наша страна. Очень огорчило, что, пролетая над Москвой и Киевом, я все же не смог увидеть эти близкие сердцу города.

Гляжу в один иллюминатор — светит солнце. Без светофильтра смотреть нельзя. В другом иллюминаторе темно — ничего не видно.

Одни звезды. Когда свет Луны попадает в иллюминатор, а в кабине света нет, она очень хорошо освещает приборы.

Работа выдалась горячая. В чем она заключалась? На это отвечает сама программа нашего полета. В нее входили медико-биологические и научно-технические исследования.

По заданию медиков я должен был из двух перекрытых трубочек переселить мух в одну, общую, и понаблюдать за их поведением. Смешно было глядеть, как эти столь бойкие на земле цокотухи становились какими-то непонятно медлительными, словно только проснулись после зимней спячки. Словом, невесомость и на них действовала. Но потом они приспособились, стали передвигаться бойчее, даже совершать в пробирке что-то, похожее на полет.

И еще запомнился один эксперимент с герметически закрытым сосудом. Взял я колбу, на две трети заполненную водой, и держал ее неподвижно, в спокойном состоянии. Воздух собрался в один большой пузырь в середине колбы. Вода вокруг. Но едва я взболтнул воду, как воздушный пузырь рассыпался на дробинки. Большие и маленькие. Так и плавали они в колбе несколько секунд, порой опускаясь на дно, и не верилось, как это воздух может оказаться внизу, а вода вверх. Потом все становилось на свое прежнее место: вода по краям, воздух в центре.

Пробовал я выпустить воду на «волю». Капли выплеснутой в кабину воды плавали по моему небесному жилищу, как маленькие слюдяные звездочки, зависали в разных местах, а затем двигались к периферии и оседали на стенках.

Собственно, в полет по кабине я отправлял и карандаш, и кинокамеру, и даже сам отправлялся в это приятное «плавание».

Групповой полет планировался на трое суток. Посадку кораблей намечалось произвести в Казахстане. Если все будет хорошо, корабли посадят с помощью автоматики по команде с Земли. Если же я почувствую себя неважно или что-нибудь случится с аппаратурой корабля, предусматривается досрочная посадка в любое время полета. С помощью автоматики или ручного управления — по желанию командира корабля.

Что ж, и работать, и приземляться пришлось именно так, как задано было в наилучшем варианте. Каждый раз, сверяя точность работы корабля, добрым словом вспоминал я тех, чьими руками и разумом сработан этот чудесный «звездный локомотив». Может, слишком часто повторяю эти слова, но не могу не произнести снова и снова: все системы корабля работали здорово! Безупречно. Связавшись по радио, мы с Андряном составили по этому поводу специальную телеграмму и адресовали ее советским ученым, конструкторам, инженерам, техникам и рабочим:

«Дорогие товарищи! Искренне благодарны вам за создание замечательных космических кораблей и отличную подготовку нас к полету. Желаем вам дальнейших успехов в труде на благо нашей любимой Родины».

Полет продолжался. Работал я спокойно. Отдыхал тоже. Лишь

однажды сердце чуть-чуть защемило, когда мой глобус показал, что пролетаю над Днепром. Припал к иллюминатору. Сквозь капрон тумана едва проглядывалась синеватая нить днепровских излучин. Но я, кажется, видел не только эту синь воды, а и глядящие в нее вербы.

ЧЕМ ПАХНЕТ ПОЛЫНЬ

Ил сорок восьмой виток. Финальный. Зеленовато-синим полем проплыл подо мной океан. Потом, будто из сказки, выплыли алые паруса, окрашенные ярким солнцем гор. За время полета я научился по одной только окраске определять материки и океаны. Будто по карте стал ориентироваться. Южная Америка — зеленая. Африка — желтая, Азия — темно-коричневая. Тихий океан светлее Атлантического. Наши Саяны — темновато-зеленые, в синеватых накрапах таежных лесов. Кордильеры — мрачноватые, темно-серые, ошетилившиеся высокими пиками скал. А древний Памир, эта легендарная «Крыша мира», и впрямь походит на припорошенную снегом крышу дома — красную с белыми шапками снеговых завалов. Моря выделяются четче, чем океаны.

И вот настал час прощаться с вами, материки, океаны, острова и моря! Со мной уже переговорил Главный. Поинтересовался самочувствием, спросил о готовности к спуску. Я ответил коротко, повоенному: «Готов!». Связался с «Востоком-3». Андриян пожелал счастливого приземления и, верный своей привычке, посоветовал:

— Главное — спокойствие, Паша.

— Спасибо, Андруха, за совет. До встречи на Земле.

Расчет на посадку шел точно по заранее намеченной программе. Место приземления — расчетное, у Караганды. Очень внимательно проверил правильность ориентации корабля, включил тормозную установку. Приятная небольшая перегрузка и — корабль идет на снижение.

Ура-а! Все позади, до Земли осталось всего лишь 8—10 километров! Это рядом!

Теперь уже никуда не денешься — только на Землю! Можно песни петь, что я и делаю...

Немного времени ушло на снижение с орбиты до высоты катапультирования. Легко сработал отстрел крышки катапультного люка, автоматика моментально включила парашютную систему. Рванулось ввысь белое пламя шелка и тут же распласталось облаком над головой. До свидания, небо! Ты было прекрасным. Встречусь ли вновь с тобой?

Внизу черные полосы пахоты, желтая стерня. А чуть в стороне сереет треугольник, вытканый диким разнотравьем. На него опускается мой парашют. Падаю наземь и, набрав полную пригоршню пыльной земли с сухими стеблями полыни, подношу ее к лицу. Чем

она пахнет? Сразу трудно сказать... Сеном, дождем, далеким детством. Родными узинскими полями повеяло от той дикой, терпкой травы. Радость и сладкая боль сдавили горло.

Поднимаюсь и вижу, как по стерне бежит человек. В спецовке тракториста, кепка козырьком назад. Я тоже шагаю ему навстречу. Обнимаемся и смотрим друг на друга, словно самые близкие люди, хотя увиделись впервые. А через несколько минут собралась целая толпа. В основном, хлеборобы, знакомый мне с мальчишеских лет народ. Кто-то уже протягивает бутылку с молоком. Другой — краюху черного хлеба. Яблоки, сало, огурцы, яйца и так рано созревший где-то арбуз — все лежит передо мной на траве, как на скатерти-самобранке... Спасибо, люди добрые! Спасибо...

С Андрияном мы встретились в Караганде, в аэропорту, куда нас доставили самолеты поисковой группы. Обнялись, расцеловались, как братья. Да, теперь, мы братья. Космос породил нас. Андриян выглядел совсем неплохо. Может, чуточку побледнел. Еще бы — четверо суток в полете! Он похлопал меня по щеке и, вспомнив, как я дразнил его вяленой рыбой, сказал:

— А ты на вобле отъелся...

Но то была шутка. Оба мы малость потеряли в весе.

Вначале остановились в гостинице аэропорта, где обычно отдыхают аэрофлотские экипажи.

Пока ели, к домику гостиницы стекался народ. Я, наверное, впервые подумал с тревогой, что придется встретиться с большой массой людей. Как вести себя, что сказать им? Андриян, видимо, был озадачен тем же. А гул человеческих голосов нарастал. Люди начали скандировать, вызывая нас. Я толкнул Андрияна:

— Пошли.

И, как были в майках, вышли на улицу. Кто-то крикнул:

— Выше поднимитесь! Не видно!

Пришлось взобраться на стоявший у крыльца стол. Мы не знали, куда девать руки. Когда наконец стих шквал аплодисментов, Андрей прошептал:

— Давай говори...

— Нет, ты первый...

Андрей начал тихо-тихо. Он рассказал о конструкторах и рабочих, о нашем полете. Потом говорил я.

После короткой передышки в Караганде летим на Волгу. Здесь наш традиционный послеполетный отдых. Первым нас встречает Гагарин:

— Ну, вот вы и дома, ребятки!

Первый душ после космоса. Медосмотр. Отдых. Доклад о полете членам Государственной комиссии. Первая пресс-конференция. Бегу к телефону. Слышу тихий, прерывистый мамин голос. Плачет. Успокаиваю ее:

— Ведь я уже дома, мама. Все хорошо.

— Ні, це не дома, Павлушо. Приїжджай скоріш. Ждемо.

Отец говорит более спокойно:

— Молодец, спикер!

Вечером долго бродили по берегу Волги. Андриян все время спрашивал:

— Красивая наша Волга?

— Очень. Примерно, как Днепр.

На следующий день отправляемся в Москву. Командир лайнера Е. Калиновский предложил мне сесть за штурвал. Что ж, тряхнем стариной! Машина хоть и тяжелая, но повинуется рулям легко.

Москва уже рядом. К нам пристраиваются истребители эскорта.

Самолет приземлился. Подан трап. Мы с Андрияном тщательно осматриваем друг друга, поправляем тужурки, фуражки. Герман шутя и всерьез напоминает:

— Проверьте шнурки, ребята. А то у Юры тогда один шнурок развязался...

Спускаемся по трапу. Идем размашистым строевым шагом. Докладываем руководителям партии и правительства о выполнении задания.

Митинг на Красной площади. О нем все известно. Пересказывать не буду. Хочется только упомянуть двух человек. Они стояли не на трибуне Мавзолея, а там, где бурлило человеческое море, у самого берега живой реки, и махали нам выцветшими летними шляпами. На митинге я увидел конструктора кораблей и седоусого рабочего, с которым встречался в сборочном цехе. Шепнул Андрияну, и мы выразили свою благодарность сплетенными над головой руками.

Вечером Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР устроили большой прием в Кремле. Трудно передать то волнение и радость, когда нам с Андрияном вручили ордена Ленина и Звезды Героя Советского Союза.

21 августа в актовом зале Московского государственного университета имени Ломоносова состоялась пресс-конференция. Академия наук и МИД СССР пригласили более 2000 человек. Первым слово взял президент Академии наук СССР М. В. Келдыш. Он вручил нам золотые медали имени К. Э. Циолковского. Затем выступили академик А. А. Благонравов и профессор В. И. Яздовский. Предоставили слово и нам с Андрияном. Мы рассказали о своем полете, затем ответили на самые разнообразные, порой неожиданные вопросы журналистов.

Первому пришлось отвечать мне.

В о п р о с : Чем вы питались во время полета, какие напитки употребляли? (Смех в зале).

О т в е т : Я должен сказать: ели самую настоящую земную пищу, употребляли только безалкогольные напитки. (Смех).

В о п р о с : Вы занимались в космосе гимнастикой. Достаточно ли было места и выполняли ли вы прыжки?

О т в е т : Места было достаточно. Мы с удовольствием выполняли физические упражнения. А прыжки в невесомости в космосе я предоставляю возможность делать корреспонденту.

В о п р о с: Многие органы американской печати с крайним раздражением отрицают связь между полетом наших кораблей и тем, что они запущены социалистическим государством, а их пилотами были коммунисты. Утверждают, что социалистическая система тут ни при чем.

О т в е т: До Великой Октябрьской социалистической революции в России было очень много талантливых ученых: Циолковский, Кибальчич и многие другие, но они не могли свои идеи и мысли воплотить в дела. Только Великая Октябрьская социалистическая революция дала возможность полностью раскрыться нашим народным талантам. Могу привести такой пример: я сейчас летчик-космонавт, а отец у меня простой рабочий, кочегар. Так что социалистическая система очень при чем! Именно социалистическая система как раз и является той стартовой площадкой, откуда мы запускаем свои чудесные космические корабли.

После этой пресс-конференции у нас, в Звездном, состоялась своя, неофициальная. Мы с Андрияном не просто докладывали о полете, а делились опытом со своими коллегами. Валерий Быковский, который, наверное, шестым чувством угадал, что следующим полетит в космос он, спросил:

— Скажите, ребята, что больше всего вам запомнилось при возвращении на Землю?

Я ответил искренне:

— Мне больше всего запомнился запах полыни.

Все засмеялись. Валерий кивнул головой:

— Понимаю, Паша.

Я очень соскучился по родным местам и во сне не раз видел свой Узин, Днепр, Киев, Васильков... А тут еще письма, письма, телеграммы: «Приезжай. Ждем». Как только выдалось свободное время, полетел на Украину.

Под крылом полуденного марева выплывают золотые купола Софийского собора. Здравствуй, Киев! Здравствуй, седой, многострадальный и славный град моих пращуров!

А вскоре показалась ниточка Васильковского шляха. Бегут, бегут по сторонам вербы и клены, тополя и молодые яблоневые сады. Где-то там добрый старый ясень! Снимаю фуражку! Добрый день, мое незабвенное детство!

А вот и Белая Церковь. Стадион до отказа забит народом. Беру себя в руки, как можно спокойнее шагаю навстречу собравшимся. Обнимаюсь, трижды, по-русскому обычаю целуюсь. Наклоняюсь к микрофону и, кажется, не своим голосом начинаю:

— Дорогие друзья! Дорогие земляки мои! Велике вам спасибі! Дякую!

Теперь дорога в Узин.

Вечером в родительском доме звучали песни. Пели все — и гостивший у нас Иван Семенович Козловский, и голосистые узинские девчата, и бабка мой, и пожилые женщины, и я... Перепели, наверное, все наши народные песни, потом перешли на современные. Лишь

поздно ночью утихли голоса над Узином. Но я долго не мог уснуть. Вышел на улицу. До первых петухов бродил по тихому отцовскому саду.

На второй день побывал в школе. Посидел за своей партой, поговорил со своей первой учительницей, рассказал ребятам о космосе. Пионеры приняли меня в свою дружину и повязали красный галстук, с которым я расстался почти двадцать лет назад, но который навсегда для меня — символ незапятнанной чести.

Во второй половине дня едем в колхоз имени Шевченко. Прямо у околицы нас встречают по-праздничному одетые девчата. Они поют величальные припевки и надевают мне на шею огромный венок из луговых цветов. Угощают краснобокими яблоками, сочными грушами.

Идем в клуб. Свинарка Вера Гринжевская объявляет, что ее бригада коммунистического труда зачислила меня в свой состав. От души благодарю девушек и заверяю, что если не на ферме, то в своем деле постараюсь быть достойным членом бригады.

С Николаем Ивановичем Кушнareвым — председателем артели — отправляемся в поле. Он с гордостью показывает хозяйство.

Девчата из «моей» коммунистической бригады просят рассказать про Андрияна. Какой он? Не думает ли жениться? Смех, шутки. На все лады расхваливаю друга. Насчет жениться умалчиваю. Отсюда же, из колхоза, посылаю ему поздравительную телеграмму (у него сегодня день рождения) с «поклоном от тысячи невест». Мои земляки тоже поздравили Андрияна.

Быстро пролетели дни пребывания в родном селе. Сердечно прощаюсь с земляками. Спешу на встречу с трудящимися Киева.

...Кортеж движется дальше, по шумным и нарядным улицам Киева. Возле памятника В. И. Ленину шофер притормаживает. Я отдаю честь великому Ильичу...

Торжества на Украине, как и в Москве, запомнились мне на всю жизнь. И где бы я ни был — у арсенальцев или на фабрике Карла Маркса, у писателей или ученых, в Дарнице или Каневе, — всегда думал об одном и том же: до конца дней своих останусь в неоплатном долгу перед моим народом, давшим мне крылья.

ЗДРАВСТВУЙ, МАГНИТКА!

Давно пришло приглашение из Магнитогорска, но никак не беру времени — срочные командировки. Наконец, 13 сентября 1965 года, генерал Н. П. Каманин сказал:

— Собирайтесь в Магнитогорск.

15-го я был в дороге. Когда наш самолет развернулся над магнитогорским аэродромом, я попросил летчика разрешить мне самому посадить машину: поле-то знакомое.

Вот под крылом он, многотрубный город-корабль, плывущий по красным увалам холмов.

Мягко катятся колеса. Вон и «шахматный домик». Ангар. Тополя у черты поля. Все, как было когда-то. Только не видно наших стареньких УТ-1...

Подан трап. Ветер чуть не срывает фуражку. Спускаюсь, а сердце стучит, наверное, перед стартом на Байконуре так не волновался.

Здравствуй, суровая и добрая земля моей юности!

А людей! Ищу знакомых. Вижу многих. Здравуемся с первым секретарем горкома партии Дмитриевым, с металлургами, с преподавателями моего индустриального техникума и моего аэроклуба. Подбегают школьники, рядом стоит улыбающаяся женщина с малышками, и два карапуза оказываются у меня на руках.

Митинг. Столько сердечных слов о тружениках космоса и создателях кораблей звездных! Приглашают меня к микрофону. В горл пересохло.

— Счастлив, что приехал к вам... Здесь я четыре года учился! Собирался приехать сразу после полета, но смог выбраться только сейчас... Очень хочется горячо поприветствовать вас от имени всех космонавтов, пожелать вам счастья, успехов и самого главного — хорошего здоровья...

Вижу знакомое сухощавое лицо с выгоревшими бровями. Мой первый инструктор. Он, кажется, мало изменился, только в глазах какая-то истоминка. Здравуемся. Тут уже не речь на митинге, а просто воспоминания.

— Я впервые поднялся в небо с этой земли. Спасибо моему первому наставнику — Николаю Константиновичу Матюшину. Это он дал мне дорогу в воздух, а потом и в космос. У меня в Магнитогорске много друзей. Семья Лепихиных, Клавдия Ефимовна и Галя Грязновы, Миша Юдин. Буду рад вновь свидеться.

От Комсомольской площади рукой подать до Дома культуры профтехобразования. Дорога знакома: туда мы ходили на спевки. Что там сейчас? Может, тоже спевки?

Переступаю порог. Так и есть. В той же длинной комнате с низковатым потолком, где когда-то звучали голоса моих сверстников, поют парни и девушки, а перед ними с «волшебной палочкой» все та же Таисия Федоровна. И за пианино та же Наталья Ивановна. Словно и не минуло пятнадцать лет. Даже какая-то белокурая девчушка, запевавшая в хоре, показалась удивительно похожей на нашу звонкоголосую Олю Доронину.

Шумная, веселая встреча. Я с гордостью напоминаю ребятам, какая была сильная самодеятельность трудрезервов Магнитки в 50-е годы. На всю Челябинскую область гремела. Кто-то весело парирует:

— Сейчас не хуже!

— Докажем? — спрашивает у ребят Таисия Федоровна, и в ответ раздается дружное.

— Докажем!

Пальцы Натальи Ивановны пробегают по клавишам. Под своды взметается традиционная «Звездная»:

Долетайте до самого солнца
И домой возвращайтесь скорей...

Песня обрывается, я вспоминаю любимую фразу Таисии Федоровны:

— Что там, у вас, на галерке, будто гречневая каша во рту?

Все смеются, угадывая, кому принадлежат эти слова. И Таисия Федоровна тихо улыбается.

Репетировали ученики профтехучилища. Алима, невысокая черноглазая монголка, пела «Санта Лючию», ее земляк Сандан-Цоодол пел на русском языке «Россию», а Тулл арию из оперы «Запорожец за Дунаем». Потом и меня пригласили на сцену.

На второй день встречи в техническом училище № 47 останавливаюсь на пороге директорской:

— Володя! Ты?

Преподаватель училища — мой одноклассник Владимир Осадчий. В другом классе опять объятия. Встречаю другого соученика — старшего мастера Алексея Крылова.

А в техническом училище № 41 долго говорили с заместителем директора Дмитрием Алексеевичем Домрачевым. В авиаспортклубе мы учились и дружили с его сыном Володей.

Дмитрий Алексеевич с гордостью сообщил, что сейчас Владимир летчик-испытатель.

В техникуме профтехобразования, где старых одноклассников-преподавателей собралась целая группа, состоялась переключка: Люба Оглоблина, Николай Шкуропат, Михаил Синицкий, Валентина Таркина, Анна Прокофьевна Гордылева, Василий Григорьевич Шенцев, Василий Иванович Кузнецов, Ибрагим Хакимович Даутов... Все здесь.

На вечере в Доме культуры профтехобразования секретарь обкома КПСС Е. М. Тяжелыников преподнес мне именные часы. Я взглянул на свои «серебряные». Они мне особенно дороги тем, что дважды побывали в космосе — с ними летал Юрий Гагарин и я. Не раз меня осаждали работники музея с просьбой передать их как реликвию. Я отказывался. Теперь передаю друзьям-магнитогорцам.

Спешу на комбинат. Уже у проходной вдыхаю знакомые пресные запахи раскаленного металла и горького коксового дымка.

Девятая домна. Огненная река дышит могуче и торжествующе. Это новая печь-гигант. У ее раскаленного жерла хозяйничают начальник цеха Юрий Павлович Волков, обер-мастер Алексей Леонтьевич Шатилин, газозвщик Владимир Федорович Дюкин. Потом я еще не раз прилечу в свою Магнитку, буду присутствовать на плавке 200-миллионной тонны магнитогорского металла, и уже там, в Звездном, мне будет сниться это рукотворное солнце.

А вот и мой аэроклуб. Беседуем с его начальником, с замполитом Виктором Ивановым. Говорим, конечно, о нынешней смене аэроклубовцев. Уже около двадцати новых наборов поднялось в небо Магнитки. Замечательная, дерзающая молодежь. А где же они, мои сверстники, погодки первых летных дней? Здесь, в аэроклубе, все

знают о них. Нарсултан Бекенов летает в Киргизии. Садчихин — капитан ракетных войск. Володя Домрачев водит сверхзвуковой ракетоносец. Веселкин тоже в небе.

— Стараемся равняться на ветеранов, — говорит Иванов и рассказывает о нынешней поросли авиаторов.

Знаменитостью аэроклуба является инструктор парашютного спорта Виктор Саутин. Прыгать начал в 1965 году. Работал он тогда в мартеповском цехе. Пришло время служить в армии, и его направили в десантные войска. Участвовал в научно-спортивном эксперименте на Памире. Десять парашютистов совершили там невиданный доселе групповой прыжок. Покинув самолет на высоте 8000 метров, они приземлились на одну из высочайших вершин — пик Ленина. Другая группа покорила с воздуха высоту 6100 метров. Ту высоту штурмовал и Виктор Саутин. Высадиться десанту на скалы, на крутизну у пропасти — это высшее искусство, тончайший расчет и необыкновенное мужество.

— Строгим был отбор, — вспоминает Саутин. — Подбирали самых тренированных, физически выносливых. Кроме знакомых нам тренировок, была введена альпинистская подготовка по трудным, изнуряющим маршрутам. Ну, а потом сам прыжок на Памир... Помню, глянул за борт, увидел белый клык вершины — и холод внутри почувствовал. Набираем высоту. Шесть тысяч метров. Подключено бортовое питание кислородом. Натягиваем маски. Самолет ползет вверх. Восемь тысяч метров. Руководитель группы приказывает открыть люки. Вспыхивает желтый свет. Я сижу в первом ряду у самого люка. Смотрю вниз. Белого клыка не видно. Вроде дымка, что ли. Подхожу к комингсу люка. Отталкиваюсь и лечу навстречу пропасти. Чем ближе горы, тем грознее Памир — пики острых скал, трещины, обрывы. Ветер в горах неустойчивый. На каждой высоте свое направление. Но, чувствую, купол меня слушается. Иду к заданной цели. Альпинисты нас уже ждут, вижу маленькие фигурки на снегу. Дрожат в руках стропы — ветровой поток, как водопад. Вижу, чуть свосит на северный склон. Подтягиваю стропы. Еще немножко... Приземляюсь у самого обрыва. С трудом гашу купол. Скрипит под ногами снег. Из рашелин бьет морозный сквозняк.

— Ну, а на вершине как? Удобно?

— Не совсем. Начались головные боли. Надо скорее вниз...

В общем, когда закончился тот поистине мужественный эксперимент на Памире, Саутин вернулся домой с медалью «За отвагу».

Всяк по-своему переживает трудные минуты. Случается, что после трудных испытаний иной совершенно отказывается от прежнего увлечения. Виктора Саутина оно еще больше заставило поверить в свои силы. В родном городе он перешел работать в аэроклуб. Сейчас на его счету уже около семисот прыжков.

Более двухсот раз опускалась на парашюте Валентина Борисихина. Она перворазрядница, дважды участвовала в зональных соревнованиях, среди сильных соперниц заняла по одному из упражнений третье место и привезла из Свердловска первые спортивные трофеи.

Начинала с парашюта и швее Надя Щербинина. У нее первый разряд и более шестидесяти прыжков. Со временем приохотилась к планерному спорту, налетала более трехсот часов.

— Много ли в день налетаю? При хорошей погоде, случается, летаю целый день. Ближайшая цель? Мастер спорта.

Надя уверенно движется к цели. В Уральской зоне она была первой. Затем достойно представляла Магнитку на чемпионате Российской Федерации: на 100-километровом маршруте показала лучшее время, а в общем зачете заняла третье место, сделав многообещающую заявку на будущее.

— На самолете не летала?

— Начала. Это мне, как говорится, по долгу службы нужно — заочно учусь в Центральной объединенной летно-технической школе.

Мне понравилось особое пристрастие к авиаспорту рабочей молодежи. Рабочий человек, стремящийся познать высоту, — это же символично!

Авиационный спорт закаляет молодых парней как будущих воинов. Мартеновцы проводили в армию подручного сталевара, парашютиста Анатолия Васючкова. Парень пришел в воздушнодесантную часть не робким новичком. У него первый спортивный разряд, двести восемьдесят два прыжка.

Мужественным десантником показал себя аэроклубовец Петр Калугин. Он служил заместителем командира взвода, был одним из участников кинофильма «Прыжок на заре». Вернувшись на комбинат, защищал спортивную честь Магнитки на больших соревнованиях. В Свердловской зоне по упражнению на точность приземления он занял третье место. Прыгал с разных высот, приводнялся, а в день открытия нового стадиона в составе семерки опустился на футбольное поле.

Знает вся Магнитка авиатора Бориса Богославцева. Сын литейщика, окончил десятилетку, служил в армии. После службы опять работал, летал и учился в горно-металлургическом институте. Стал инженером, начальником смены цеха рудообогатительной фабрики. И с небом не расстался.

В тот день, когда я улетаю из Магнитогорска, в аэроклубе был обычный летный день. Уходили в воздух легкокрылые «яки», набирали высоту буксируемые планеры. Они парили легко и невесомо.

Наш самолет лег курсом на запад. Над лиловой полоской леса я увидел раскрывшийся белый парашют. То осваивала высоты рабочая Магнитка.

Говорят, невозможно в юность вернуться. Неправда. Если видишь, что твоей дорогой идут такие мужественные и увлеченные ребята, если в тебе самом бьется настоящая летная душа и ты готов все повторить сызнова — от первого прыжка до взлета на сверхзвуковике, — ты никогда не расстанешься с молодостью. И тебя никогда не покинет восторженное чувство познания высоты.

ДЫХАНИЕ МИЛЛИОНОВ

Из Голосеевского леса я привез в «космические Пенаты» несколько стебельков густо-розовой смолки. Тетя Степанида втиснула их в огромный сноп цветов — столько повывезли их с собой ребята. Отпуска закончились. Расспрашиваем друг друга о по-
востях. Андриян показывает на гору писем и телеграмм:

— Наши с тобой.

Целые вечера просиживали над этим «листопадом».

«Мысленно прижимаю к груди своего мужественного собрата-летчика, крепко пожимаю его руку. Счастливого тебе пути, посланец мирной советской науки.»

А. Покрышкин,
трижды Герой Советского Союза.

«Известие о запуске космических кораблей «Восток-3» и «Восток-4» наполнило наши сердца гордостью за любимую Родину. Праздничный день — 299-й день нашего дрейфа.»

Полярники СП-10».

«Мы, четыреста кубинцев, с фестиваля молодежи прибыли в Москву. Мы полны волнения: советский народ, Красная площадь, Кремль, Ленин... Мы, четыреста кубинцев, полны счастья. Наши возгласы «Да здравствует СССР!», «Да здравствует мир!» взрывают воздух. Мы, кубинцы, знаем, что это еще один шаг на пути к миру, к дружбе между всеми народами.»

Аделанте — вперед, советские товарищи!

Даура Олема Гарсия,
кубинская писательница».

«Дорогой Павел!

Меня зовут Вайн Ларсен, и я гражданин Соединенных Штатов. Я думаю, Вас удивляет, что я пишу Вам. Дело в том, что мне хотелось бы узнать настоящую Россию, не такую, какой она мне представляется по нашим газетам, а именно настоящую. Уже несколько лет я слышу много плохого о России. Но плохая и отсталая страна не могла бы сделать того, что сделала Ваша страна, первой освоившая космос. Всю жизнь я слышала только злонамеренную ложь о Советском Союзе и его народе, а теперь я знаю, что это был сплошной вымысел. И я знаю также, что придет время и каждый американец узнает правду о Вашей стране.»

Всегда друг Ваш и Вашей страны
Вайн Ларсен».

Были письма и иного толка. Совершенно незнакомые, чужие люди вдруг просят у наших космонавтов совета, поддержки, ясного и прямого ответа на мучительные сомнения. Вот одна из таких исповедей:

«Дорогой господин Гагарин!

Я очень надеюсь, что при всей занятости Вы найдете время дать ответ юноше, который хочет воспользоваться Вашим советом.»

Что бы Вы посоветовали пятнадцатилетнему человеку, находящемуся

на перекрестке жизни и готовящемуся принять важное для себя решение? В такое время очень хотелось бы получить Ваш совет, совет опытного человека, живущего в новой стране.

Вот мой первый вопрос:

— Если личные интересы требуют солгать (предположим, возникла такая обстановка), нужно ли лгать вопреки принципам или нужно говорить правду?

Далее. Выходит так, что способных людей больше, чем мест, на которых они могут проявить свои способности. Отсюда напрашивается вывод, что для того, чтобы добиться успеха, нужно «перерезать другому горло». Считаете ли Вы, что это правильно, и если да, то справедливо ли это?

И, наконец, как Вы считаете: если поставить перед собой цель и упорно работать, можно добиться успеха или тут должна сопутствовать удача?

Мне неудобно долго занимать Ваше время, но хотелось бы еще узнать, что, по Вашему мнению, означает успех?

Я надеюсь, что Вы окажете мне честь и ответите на эти вопросы в любом удобном для Вас виде. В мои 15 лет будет очень полезно получить Ваш совет.

С уважением Ирвинг Лазар,
Монреаль, Канада.

Ответ мы составляли все вместе.

«Мой молодой канадский друг,— писал Гагарин.— Я немало думал над твоим письмом. Мне нравится, что ты ставишь перед собой такие серьезные вопросы. От того, как ты сам на них ответишь, мне кажется, во многом будет зависеть дальнейшая твоя судьба.

Ты, может быть, знаешь, что в моей стране мы обращаемся друг к другу со словом «товарищ». И с детства я привык к тому, что меня окружали товарищи, друзья. Когда мне было восемь лет, я вступил в организацию юных пионеров. В этой организации мы занимались спортом, ходили в первые походы, спали в палатках в лесу, учились зажигать костер одной спичкой. И главная заповедь, которую я на всю жизнь усвоил в те годы,— это товарищество. Прошли годы, я вступил в молодежную организацию — комсомол, а затем и в Коммунистическую партию. И в этих организациях заповедь товарищества является основным принципом.

Это вступление я написал, Ирвинг, чтобы ты лучше мог понять мои ответы.

Ты спрашиваешь, нужно ли лгать, когда этого требуют личные интересы? Нет, Ирвинг, я думаю, нужно быть честным и всегда говорить то, что ты действительно думаешь. Тогда ты будешь уважать себя сам и заслужишь уважение других. Я думаю, что смелым и сильным человеком, настоящим мужчиной может быть лишь правдивый человек. Тот, кто лжет, не станет настоящим другом, ему никогда нельзя будет довериться. И если мне суждено когда-нибудь стартовать на ракете в космос вдвоем, то тот товарищ будет человеком, который никогда не солжет ради личной выгоды.

И на второй вопрос я отвечу отрицательно, Ирвинг. Неправда, что мест, на которых человек может проявить свои способности, меньше, чем способных людей. По крайней мере, в моей стране это не так. Мы ценим человека по тому, насколько он инициативен, насколько энергично он трудится. Главное, по-моему, в каждом труде — это творчество, умение внести в него новое, свое. И тогда тебе обеспечен успех, ты добьешься того места, которого ты достоин, на котором лучше всего сможешь проявить свои способности.

А если «перерезать другому горло», то в таком случае победителем всегда будет тот, у кого тяжелее кулак или больше денег. Но тогда, как ты сам понимаешь, хорошее место займут люди, которые вовсе не достойны его. «Принцип» резать другому горло бесчеловечен.

Я верю в удачу, Ирвинг, так же, как верю и в разумный риск. Удача обязательно будет сопутствовать тому, кто упорно трудится, добиваясь своей цели.

Но мне хотелось бы подчеркнуть две вещи. Цель, которую ты ставишь себе, должна быть достойной того, чтобы ее добиваться. И второе — вокруг обязательно должны быть товарищи. Они помогут тебе, если у тебя вдруг спустятся руки и ты будешь готов отказаться от своей цели. Они разделят с тобой и радость победы, ибо если ты один, то никакой успех не сделает тебя счастливым.

В этом году тебе, Ирвинг, исполнится 16 лет. И я хочу, чтобы в твоей будущей, уже нететской жизни тебе всегда сопутствовала удача и никогда не пришлось лгать».

«ПОДМОСКОВНЫЕ ВЕЧЕРА» У ЭКВАТОРА

В канун Нового, 1963 года меня вызвал Николай Петрович Каманин.

— Готовьтесь, поедете на Кубу.

Я очень обрадовался, что первой зарубежной страной, которую мне предстоит посетить, будет легендарный остров Свободы.

Куба — иссиня-зеленоватый остров, окаймленный белым океанским прибоем, показался мне с высоты сказочно красивым.

Но это было в космосе. А теперь я увижу Кубу с глазу на глаз.

Я должен ехать в составе советской делегации на празднование четвертой годовщины кубинской революции. По пути к нам примкнут делегации других стран.

Все они встретились в Праге. Тут были англичане, итальянцы, болгары, чехи, канадцы и многие другие. Быстро перезнакомились, и наш самолет взял курс на Кубу. Всю дорогу в салоне звучала многоязыкая речь. Удивительная вещь: хотя собрались здесь не полиглоты, изъяснялись мы без переводчика.

Где-то на полпути ко мне подседа пожилая женщина с большими печальными глазами и на чистом украинском языке спросила:

— Чи вы давно були у Києві?

— Ні, зовсім недавно. А що?

— Та це ж моя батьківщина. Я народилася там... Як хочеться подивитись на свій рідний Київ...

Вступила в разговор еще одна украинка. Оказывается, это представительницы канадской делегации, летящей на Кубу. Мои землячки. Да, они когда-то жили на Украине — одна в Киеве, другая — на Волыни. Обе страстно мечтают побывать на родине. Без конца расспрашивают о местах, с которыми расстались полвека назад.

Что я мог им сказать? Конечно, они теперь не узнали бы ни Киева, ни Днепра, ни Волыни... Столько замечательных перемен произошло за это время на украинской земле. Женщины вздыхают, трут глаза скомканными платочками.

Но чего я не ожидал, так это встретить на борту самолета своего односельчанина — узинца. Им оказался сам командир корабля А. Витковский.

— Подлетаем к Гаване, — объявляет стюардесса.

Неописуемая красота открылась взору. Залитые солнцем долины, холмы, яркие крыши городских зданий казались припорошенными золотистой россыпью.

Доброе утро, Куба!

Предпраздничная Гавана ликовала. Она встретила нас цветами, улыбками, песнями.

В канун Нового года знакомились с Гаваной. Побывали в различных районах города, встретились с рабочими, студентами, бойцами, крестьянами, приехавшими на праздник прямо с плантаций.

Когда мы осматривали президентский дворец, президент Освальдо Дортикос пригласил нас в кабинет, где в это время проходило рабочее совещание с участием нескольких членов кубинского правительства.

— Я очень рад, — сказал нам президент, — что могу вас приветствовать здесь по-дружески, без всякого протокола.

Мы говорили о том, что советский народ никогда не оставит в беде братский кубинский народ. Советский Союз готов поддержать Кубу, оказать ей помощь и защиту всеми возможными средствами.

— Мы в этом не сомневаемся, — сказал Освальдо Дортикос. — Мы глубоко уверены в том, что Советский Союз всегда окажет нам братскую поддержку. И это вселяет в нас уверенность, силу духа.

Необыкновенно прекрасна Гавана вечером. Многоголосая, ярко освещенная огнями, с бархатным куполом теплого неба... Слившись с толпой, мы допоздна бродили по шумным улицам. Только в одном месте было тихо — у памятника Хосе Марти. Я остановился, снял фуражку. Вдруг меня окликнул глуховатый голос:

— Товарищ!

Поворачиваюсь. Передо мной седой мужчина. Протягивает руку.

— Я коммунист, — сбивчиво говорит старый гаванец. — Долго боролся за счастье Кубы. И счастлив, что до такого дня дожил, когда мой народ стал сам себе хозяин. Вот и он о том мечтал, — собеседник кивнул на памятник Хосе Марти. После паузы добавил: — Большое спасибо советским братьям, что поддержали нас...

Праздничное утро Кубы я встретил на трибуне у памятника Хосе Марти. Мне не раз доводилось бывать на парадах. Но то, что увидел на площади в Гаване, превзошло все ожидания. Началось с обычного: артиллерийский салют, рапорт командующего парадом председателю правительства Фиделю Кастро Рус...

Раздалась команда, и стройные шеренги пехотинцев, курсантов, моряков торжественно открыли парад.

Воздух над площадью рассек свистящий гул: пронеслись реактивные истребители. На площадь хлынул поток боевых машин. Вслед за танками, орудиями пошли ракеты класса «земля — воздух».

Парад закончился. Живой человеческий вал подкатился к самым трибунам. Тысячи голосов скандировали:

— Фи-дель! Свобода! Родина или смерть!

— Уважаемые гости, трудящиеся, крестьяне, студенты, все граждане! Президент США говорил, что я управляю поработощенным

народом Кубы.— Площадь потрясают голоса возмущения.— Безответственные действия этого господина поставили мир на грань войны. На кого они должны возложить вину за это? На нас? На Советский Союз? (Крики: «Нет!») Кто затеял агрессию? (Крики: «Они!») Кто постоянно преследовал нашу страну с самого начала? (Крики: «Они!»).— Свою большую, полную накала и ораторской страсти речь Фидель заканчивает словами: — Родина или смерть! Мы победим!

И, кажется, вся Гавана отвечает громовым эхо:

— Победим!

Когда мы беседовали с Фиделем Кастро, он поинтересовался моими профессиональными делами, поддержал идею относительно популяризации космической науки и техники среди студентов.

Затем направились в Лагуну Сокровищ. Нам показали питомник крокодилов. Самого крупного хищника хозяева нарекли Айком.

Неподалеку раскинулось живописное озеро. В нем водится редчайшая в мире рыба. Ни днем, ни ночью не смолкает над озером птичий гам — тысячи пернатых обитают здесь.

...Юркий «джип» въезжает в народное имение. Оно славится исключительно высокими урожаями овощей.

Угощая нас, крестьяне рассказывают, что когда-то у них отнял землю сын диктатора Батисты. Жителей выгоняли в лес, на болота, и они поселялись в наспах сколоченных хижинах.

Землю крестьянам вернула революция. За короткое время в народном имении вырос целый поселок двухэтажных коттеджей. В них живут теперь семьи труженников земли.

Смотришь на преобразенную землю и думаешь: не только эту плодородную долину можно назвать Лагуной Сокровищ. Весь остров Свободы — теперь подлинная сокровищница народного счастья.

Едем местами боев. Вот два взорванных дома. Обнаженные балки перекрытий. Пустые глазницы окон. Пепел.

— Эти дома — реликвии, — поясняет бойкий курчавый паренек. — Сохранили их как память о Плайя-Хирон. Здесь был дан решительный отпор врагам кубинской революции.

А рядом с этими домами-реликвиями поднялось новое здание. Тут хозяйничает сама юность — ученики школы рыбаков. Веселыми голосами звенят классы. Навстречу нам выбегает шумная ватага ребят. Рукопожатия, расспросы, обмен сувенирами.

Много друзей приобрел я на героическом острове. Это малыши с красными галстуками, принявшие меня в почетные пионеры, студенты, вручившие мне в честь визита государственный флаг Республики Куба и памятную настольную медаль; ученые Кубинской академии наук и, наконец, рабочие сахарного завода, пригласившие меня к себе в гости.

Министр революционных вооруженных сил Рауль Кастро познакомил с двумя кубинскими летчиками — лейтенантом Дугласом и майором Прэндисом. Дуглас отличился в боях на Плайя-Хирон. Лейтенант подарил мне трофейный автомат американского производства, брошенный наемниками на поле боя. Прэндис — ас кубинской

авиации. Летает смело, мастерски. Коллеги интересовались моей летной биографией — налетом, пилотажем сверхзвуковых истребителей.

С летчиками поднялись в горы. Отсюда видна оккупированная американцами база. Я слышал гул чужих самолетов и настороженные голоса моих спутников:

— Янки взлетают.

Куба начеку!

Мое пребывание на Кубе закончилось прощальным ужином на том же сахарном заводе. После торжественных тостов кто-то запел популярную кубинскую песню. Ее подхватил весь зал. Только она стихла, как под сводами поплыли чарующие звуки «Подмосковных вечеров». И не было среди присутствовавших ни одного человека, кто бы не знал этой песни. Мой сосед — летчик Прэндис — заметил:

— Здорово! «Подмосковные вечера» в Гаване!

Я согласился:

— Здорово!

Лейтенант Дуглас добавил:

— И мысли, и песни у нас одни.

Кубинские, русские, украинские мелодии сменяли друг друга... А закончился вечер «Интернационалом». Исполняя его, кубинские друзья делали особое ударение на словах:

Мы наш, мы новый мир построим...

В субботу простились с Кубой. Домой возвращались на новом отечественном лайнере. Нам посчастливилось первыми открывать регулярный воздушный рейс Гавана — Москва. Маршрут простирался почти на 11 000 километров. Но пройден он был без промежуточной посадки.

Это — в январе. А в марте мы с Андряном готовились к новой заграничной поездке.

...Бразилия встретила щедрым солнцем и радушным гостеприимством. Аэродром и дорога от него в столицу были украшены цветами и флагами.

— Вам здесь будет жарко. Придется встречаться со многими людьми, — предупредил один из журналистов. И оказался прав.

Мы получили множество приглашений от самых различных организаций. Были приняты президентом страны. Добрый час беседовали в национальном конгрессе с представителями обеих палат.

Самое яркое впечатление произвели на нас встречи с простым рабочим людом. На одной из улиц к нам подошел пожилой мужчина в ветхом сомбреро и протянул обе руки:

— Привет, братья!

Тронуло нас обращение руководителей тридцати крупнейших профсоюзов Сан-Пауло, объединяющих сотни тысяч трудящихся. Приветствуя гостей, профсоюзные деятели сказали много добрых слов о нашей стране, призвали крепить дружбу между нашими народами.

Своеобразным продолжением разговора с рабочими была наша встреча с семьей шофера такси Антонио Сантоса. Его жена Мария пришла с грудным ребенком на руках.

— Познакомьтесь,— обратилась она к Андрияну.— Это ваш тезка, ваш крестник. Мы назвали своего малыша, как принято у нас в Бразилии, двойным именем. И имя это — Андриян Николаев.

Андриян взял ребенка на руки. Мы долго беседовали с супругами Сантос, подарили им на память сувениры.

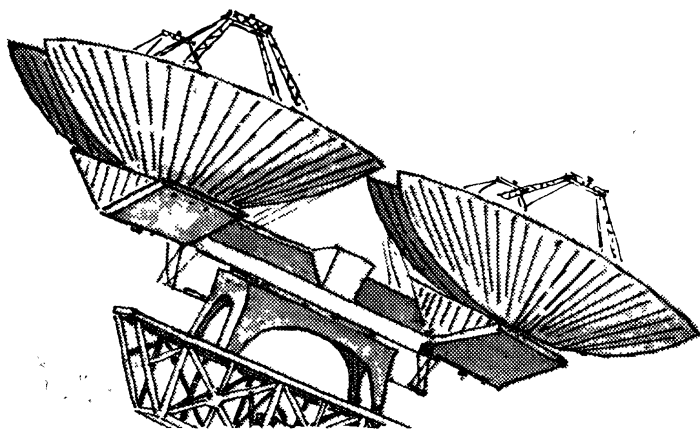
— Желаем вашему сыну стать смелым исследователем космоса.

Много интересных встреч было с рабочими и инженерами, студентами и деятелями кино, моряками и летчиками.

Последний вечер перед отъездом провели на шумных улицах бразильской столицы. Тут до нашего слуха донеслись русские слова, и родной, до последней ноты знакомый мотив. Мы пошли на звуки, как на свет. Вскоре увидели поющих. Это, наверное, были студенты. Они сидели на подоконнике открытого окна и выводили под аккомпанемент гитары:

Е-если б зна-а-ли вы, ка-ак мне до-о-ро-ги-и
Под-мос-ко-ов-ные ве-е-че-ра-а...

КОМУ ИДТИ ДАЛЬШЕ

*Никогда не удовлетворяйтесь
победой нынешнего дня! И особен-
но не почивайте на достигнутых
успехах! Нельзя победить один
раз навсегда, надо побеждать каж-
дый день. Надо каждое утро начи-
нать сначала или продолжать бит-
ву, начатую накануне. Жизнь че-
ловеческая никогда не останавли-
вается. Тот, кто останавливается,
скоро остается позади. Надо идти
вперед, всегда идти вперед, надо
всегда одерживать все большие и
большие победы над заблужде-
нием, над несправедливостью, над
смертью.*

Р. РОЛЛАН

НАС ДВАДЦАТЬ СЕМЬ

Как-то жарким, суховатым летом позапрошлого года командировка завела меня в оренбургские степи. Сразу вспомнил, что здесь был последний причал Володи Комарова. Поехал к месту приземления. И вот в открытой, подернутой струйчатым маревом степи выплывает обелиск. Подхожу ближе. С грани обелиска смотрит Володя — в летной форме. Внимательные, чуть прищуренные глаза. Надпись: «Здесь 24.04.1967 года погиб дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт В. М. Комаров». У цоколя — сноп колосьев. Рядом — синяя ученическая тетрадь. Листаю. Вся исписана.

«Мы не летаем в космос. Наше задание проще — убрать в срок весь тот хлеб, что вырастили на целине. Для этого мы и приехали сюда из Ставропольского края.

Мы уже второй год приезжаем на целину. И перед уборкой приходим сюда, чтобы поклясться, что задание свое выполним. Август, 1969 год.

Карпов, Сафроненко, Остапов, Ягодка,
комбайнеры из Ставрополья.

*«Я старый солдат. Был на войне. Знаю, что такое смерть, что такое потерять друга. Космонавт Комаров погиб, как солдат в бою. Никто его не заменит, никто не повторит его. Но придут другие, кто продолжит его дело. Я верю в это, потому что прошел всю войну. Как ни горьки были первые дни потерь и поражений, мы знали — впереди Победа. И она будет за нами!
9 мая 1969 года.*

В. Климов,
Герой Советского Союза,
бывший военный летчик,
ныне начальник школы
юных космонавтов в городе Оренбурге».

«Мы, учащиеся ГПТУ-2, посетили это священное для всех место в памятный для нас день — нам, комсомольцам, участникам Ленинского зачета в честь

XXIV съезда КПСС, были сегодня вручены значки «Ленинский зачет». Мы поклялись быть достойными памяти героя-космонавта В. М. Комарова в учебе, труде, жизни».

«Ты — русский, но подвигом твоим гордится каждый башкир. Тебя любят и помнят в нашей республике.

Ф. Гафуров, Р. Ягофаров, И. Гареев,
г. Стерлитамак, БАСР».

«Мы многое бы отдали за то, чтобы вновь стало биться сердце героя. Таким людям природа должна отпускать столетия.

Группа врачей
города Орска Оренбургской области
Ширяев, Языванова, Л. Холин».

«Я в третий раз здесь. Первый раз приезжал сюда один, холостяком. Второй раз с женой, Светланой. А теперь приехали вгрозь, вместе с сынишкой, которого мы назвали Володей.

Военный летчик
первого класса капитан
Карпов, 6.5.71 год».

«Сначала я удивился тому, что здесь, в голой степи, растут березки, посаженные в память о нашем космонавте. Потом заметил, что некоторые деревца присушил ветер. Поэтому съездил и привез для них воды. Пусть никогда не вянут эти березки, как и наша память о нем.

Шофер совхоза имени В. М. Комарова
Адамовского района Оренбургской области
Лукьянец».

«Здесь были ребята из совхоза «Орский». У нас сейчас сев. Работаем даже ночью при фарах. Наш агрегат прозвали «космическим». Третий год мы первыми по совхозу кончаем сев. В кабине трактора нас всегда трое. Я или мой сменщик и два космонавта, Комаров и Гагарин. Их портреты все время рядом с нами. Сегодня бригадир отпустил нас съездить сюда. Завтра будем помогать сеять соседней бригаде».

Подписи неразборчивы.

«Мой сын был летчиком и погиб на войне. Его тоже звали Володей. Я не знаю могилу сына и поэтому приехала сюда.

Степанида Васильевна Смирнова
город Сызрань Куйбышевской области».

«Владимир Михайлович Комаров часто приходил в наш институт клиники имени А. В. Вишневского, где лежали мы, тяжело больные ребята со всей страны. Мы не знаем, просили ли его профессора приходите к нам для поддержания нашего духа или он приходил к нам сам, по своей воле. Но всегда были рады, когда он бывал у нас, садился на угол чьей-нибудь кровати и спрашивал о жизни, уверял, что мы будем не только ходить, но и бегать, прыгать. А то, что мы лежим — это не страшно, потому что и космонавт во время полета корабля тоже лежит.

Мы верили Комарову, быть может, поэтому многие из нас выздоровели. Когда я начал дружить с Комаровым, то решил, как и он, стать летчиком или космонавтом. В прошлом году я поступал в летное училище, но не прошел медкомиссию.

Вначале я подумал, что крах всему, о чем мечтал все эти шесть лет, но потом решил, что не все потеряно. И поступил в авиационный институт на факультет самолетостроения. Буду строить самолеты, а может быть, и космические корабли. И буду всегда помнить дружбу с Владимиром Михайловичем.

Виктор Попомарев».

«Вчера нам, курсантам Оренбургского высшего военного авиационного училища летчиков, вручили офицерские погоны. Перед отъездом из училища мы приехали, чтобы сказать: любой из нас готов продолжить то, что не успели закончить Вы.

Иванов, Ильин, Паршин.
Всего 50 подписей.

«Сегодня нам вручили здесь удостоверения и значки ударников коммунистического труда. Клянемся быть достойными твоей светлой памяти. Клянемся быть настоящими строителями коммунизма.

Работники швейной фабрики
города Орска Гвозденко,
Коновалова, Туктолумова, Канишовец.
Всего 30 человек

«Мы хотели привезти Вам цветы, но в степи сейчас ничего нет — выгорело все. Мы привезли вам колосья с поля, где сейчас косим пшеницу. Дождей не было все лето, и хлеб нынче трудный. По нашему Светлинскому району вышло по шесть центнеров с гектара, а мы в своем совхозе — самом жарком и пыльном — берем на два центнера больше. Работаем мы по науке и не ленимся.

Комбайнеры совхоза имени XIX партсъезда,
Светлинский район,
Оренбургская область.
16 сентября 1971 года».

Оставляю и я свою запись:

«Володя! Ты всегда с нами...»

Каждое утро, направляясь на работу, мы проходим мимо памятника Гагарину. И Юра, запечатленный в мраморе, кажется, тоже шагает на работу. Он лицом к корпусам, в которых работал. Нас, «стариков» из его, гагаринской, группы, первой пришедшей в Звездный, по-прежнему тянет друг к другу, держимся, как говорил Юра, кучно. Но ряды наши поредели. Нет самого Юры, нет Володи Комарова, моего бывшего дублера, нет Павла Беляева... Но вместе с нами уже шагают другие — капитаны, майоры, старшие лейтенанты, по-юношески худощавые, по-спортивному подтянутые, бойкие, неутомимые, словом, такие, какими мы были в начале нашего пути.

После нас уже слетали многие. Я был четвертым, а теперь на орбите побывало двадцать семь человек. Некоторые летали дважды, а Владимир Шаталов и Алексей Елисеев — трижды.

Как-то в разгар шумного рабочего дня в Звездном появился широкобровый полковник со Звездой Героя Советского Союза и почетным знаком заслуженного летчика-испытателя. Кое-кто подумал, что это просто гость или же командированный по делам службы представитель одной войсковой части. Но на второй день космонавтам представили нового их коллегу.

Это был Георгий Тимофеевич Береговой. Честно сказать, некоторые недоумевали: немолодой человек, прошедший войну, отдавший

много лет испытаниям самолетов, познавший цену нелегкого пилотского труда, и вдруг решается на новое, незнакомое дело. Зачем?

Собственно, я знал Берегового и раньше — не раз встречались с ним на аэродромах, слышал рассказы о нем полковых летчиков, а однажды довелось наблюдать его полет. Ас. В самом высшем смысле слова.

И вот в сорок четыре года человек обретает новую профессию. Перед ним поставили нелегкую задачу: привести себя в «космическую» форму. Что это значит? Вес, артериальное давление, пульс, выносливость, физическая сила — все должно быть на уровне тех, кто моложе его на десять — пятнадцать лет. Иными словами, ему предлагали вернуться в молодость. Ничего не скажешь — заманчиво. Но осуществимо ли?

Он решил доказать: да, осуществимо. И тут мы впервые по-настоящему узнали Берегового. Необычайная работоспособность, энергия, упорство и та глубокая, истинно профессиональная преданность делу, которая присуща сильным и талантливым людям, — все это просто изумляло. Только тогда мы поняли, что привело этого человека в наш Центр. Он просто не мыслил себя вне нового, неизведанного, вне поиска.

Каждое утро Берегового видели на беговой дорожке, в спортзале, на снарядах, на батуте. Согласитесь, при девяностокилограммовом весе все это выглядит не так просто. Плюс еще специальные тренировки — центрифуга, барокамера, сурдокамера. Правда, с перегрузками он был знаком и раньше — современные истребители, которые он испытывал, давали возможность почувствовать, что значит, когда твой вес увеличивается во много раз.

Через полгода он вернул себе молодость — согнал почти десять килограммов, обрел артериальное давление юноши, как сказал врач, мастерски работал на спортивных снарядах. А о знании техники говорить не приходится — он ее изучил досконально. В общем, он был готов к космическому полету. И комиссия подтвердила: можно назначать старт.

26 октября 1968 года он стартовал на «Союзе-3». Первый полет после гибели Владимира Комарова. И корабль той же системы. Он должен был его испытать.

В соответствии с программой полета на первом витке сблизился с беспилотным кораблем «Союз-2» до двухсот метров. Вначале при помощи автоматики, затем с использованием системы ручного управления.

На пятом витке переходил в отсек корабля, смежный с кабиной космонавта, предназначенный для выполнения научных исследований и отдыха.

Служба медико-биологического контроля подтвердила, что состояние здоровья Берегового хорошее. Во время сна пульс 56—60 ударов в минуту, частота дыхания 16 в минуту. Во время работы частота пульса 64—66 ударов в минуту. По данным телеметрии, из-

менений в кардиограмме нет. Организм хорошо приспособился к условиям космического полета.

Давление в кабине корабля нормальное и составляет 780 миллиметров ртутного столба, температура 21 градус Цельсия.

Дальневосточные измерительные пункты принимали с борта «Союза-3» четкое телевизионное изображение космонавта. Он проводил наблюдение светящихся частиц, фотографировал облачный и снежный покров Земли, дневной и сумеречной горизонты Земли.

В ходе полета осуществлялось широкое маневрирование с помощью автоматической системы и ручного управления при сближении с беспилотным кораблем «Союз-2». С целью изменения орбиты корабля «Союз-3» Береговой производил самостоятельно ориентацию корабля в пространстве и включение бортовой двигательной установки, выполнял множество исследовательских операций.

28 октября «Союз-2» совершил посадку. В 10 часов 25 минут по команде с Земли на корабле была включена тормозная двигательная установка, в 10 часов 51 минуту он вошел в плотные слои атмосферы и совершил управляемый спуск. Корабль спустился на парашюте с использованием на последнем участке системы мягкой посадки. В процессе полета «Союза-2» была полностью выполнена намеченная программа по отработке систем, а также по совместному маневрированию и сближению двух кораблей.

«Союз-3» продолжал полет. Береговой вел визуальное наблюдение облачного покрова земной поверхности и звездного неба. На 33-м витке обнаружил три очага лесных пожаров, в районе экватора отчетливо видел грозовые явления. В тот же день, на 34-м обороте вокруг Земли, провел телевизионный репортаж. Миллионы телезрителей были свидетелями обстоятельного рассказа космонавта об устройстве кабины корабля и смежного отсека. Было показано внутреннее устройство кабины, пульта управления, с помощью которых космонавт осуществляет управление кораблем, расположение ручек управления, приборов и иллюминаторов. Наличие большого количества иллюминаторов создает хорошие условия для наблюдений космонавта.

Продемонстрировал невесомость, выпуская из рук переносную телевизионную камеру, которая свободно плавала в кабине.

С помощью этой телевизионной камеры телезрители могли наблюдать картину, которую видит космонавт во время полета через иллюминаторы: Землю с очертаниями берегов и морей, облачный покров.

На 36-м витке осуществил с помощью ручного управления ориентацию корабля в пространстве. После этого сориентировал корабль солнечными батареями на Солнце и произвел стабилизацию его в этом положении.

Астрофизические обсерватории и геофизические станции страны зарегистрировали увеличение солнечной активности. Однако уровни солнечной радиации, измеренные в отсеках корабля «Союз-3», соот-

ветствовали расчетным и не превышали безопасных для космонавта величин.

Утром 30 октября «Союз-3» пошел на посадку. Спуск с орбиты был управляемым. Для его осуществления была проведена ориентация корабля в пространстве в нужном направлении. Тормозной двигатель проработал 145 секунд, сообщив кораблю нужный импульс торможения, после чего корабль начал снижаться. Затем было произведено отделение спускаемого аппарата от корабля и разворот его с помощью двигателей управления спуском для ориентированного входа в плотные слои атмосферы. При полете спускаемого аппарата в атмосфере система управления выдавала команды для соответствующей ориентации аппарата и обеспечила точную посадку. На последнем участке была введена в действие парашютная система, а в непосредственной близости от Земли включены двигатели мягкой посадки.

Береговой чувствовал себя хорошо. На месте посадки его встретили друзья. Полет продолжался четверо суток. Программа была успешно завершена.

Признаться, я очень волновался, когда к повторному полету готовился мой бывший напарник Андриян Николаев. Знал, что полет предстоит длительный, с целым рядом новых экспериментов. Вместе с Андрияном ушел на задание и мой давний приятель Виталий Севастьянов. Мы с ним познакомились в те дни, когда готовился первый космический полет. Виталий Севастьянов, молодой энергичный ученый, читал нам курс лекций по космической технике. Нам нравился этот эрудированный, общительного характера человек, с таким восторгом и вдохновением рассказывавший о первых и будущих ракетно-космических комплексах. Потом он пришел к нам, в группу космонавтов, прошел все тренировки и теперь был представителем научного мира там, на околоземной орбите.

Я в Центре управления полетов жадно ловил каждую новую весть с борта «Союза-9». Хорошо помню, как экипаж «девятки» охотился за Вегой. Смотрю на экран — вроде светящиеся хлопья снега мельтешат. И тут, из этой метели, выплывают два силуэта — Николаев и Севастьянов, оказываются рядом. Горит большой экран. У обоих в руках бортжурналы: приготовились отчитываться. Этот рапорт в некотором смысле примечательный — завершён эксперимент по «захвату» звезды Вега. А ведь начало его доставило и космонавтам и Центру немало хлопот... Но прежде несколько слов о смысле этого опыта.

Попробуем взять обычную житейскую ситуацию. На улице встречный просит вас объяснить, как пройти в нужное ему место. Вы мысленно выбираете приметные здания на его пути и объясняете: «Держитесь правой стороны, когда дойдете до магазина тканей на углу — поверните направо...». На языке навигаторов ваш «магазин тканей» — это ориентир, то есть знак, помогающий определить свое место в пространстве. В астронавигации лучшие ориентиры — яркие звезды — Сириус, Вега, планета Юпитер.

В данном случае шла речь о Веге, о том, чтобы сориентировать корабль на эту звезду, затем «закрепить» его положение в пространстве (то есть заставить летать по орбите, будучи все время нацеленным на одну точку) с помощью гироскопов и через виток посмотреть, как сохранилась заданная ориентация.

Вечером 9 июня Андриян доложил:

— Захват звезды был! Все сделали!

Уясним себе для начала, что и в идеальных условиях такой опыт — дело далеко не простое. Прежде всего космонавт должен найти Вегу собственными глазами через иллюминатор корабля. Это трудно: в поле зрения не вся небесная сфера, а кусочек ее, вырезанный «окном» корабля. Можете сами убедиться в трудностях: найдите какой-либо предмет в своей комнате, глядя в трубку длиной сантиметров в двадцать, диаметром в четыре-пять. Космонавты перевернулись «вниз головой». Солнечные батареи заслонили Солнце, и звезда была найдена.

Затем корабль был сориентирован на звезду, включены гироскопы.

На сеансе связи Андриян говорил, что после целого витка корабль лишь немного «разориентировался».

«Союз-9» пробыл на орбите 424 часа. Невиданный рекорд пребывания человека в космосе: пока никто из космонавтов не испытывал такой физической и психологической нагрузки. Андриян Николаев и Виталий Севастьянов полностью выполнили необычайно сложную программу научно-технических и медико-биологических исследований. Они получили большой объем информации об атмосфере Земли и происходящих в ней процессах, о материковой и водной поверхности в различных районах земного шара и характерных геолого-географических объектах, выполнили фотосъемку и спектрометрирование сумеречного и дневного горизонтов Земли. Результаты этих наблюдений помогут лучше понять, как изменяется яркость атмосферного слоя по высоте и его структура, что важно для точного определения линии горизонта, используемой как опорный ориентир при навигации космических кораблей.

Большой интерес представляет совместный метеорологический эксперимент, в котором участвовали спутник «Метеор», экипаж корабля «Союз-9» и научно-исследовательское судно «Академик Ширшов». Такие эксперименты имеют важное значение для более точного прогнозирования погоды, поскольку позволяют комплексно изучать состояние атмосферы, поверхность суши и Мирового океана, структуру облачного покрова. Комплексный эксперимент проводился над западной частью акватории Индийского океана. С борта судна были запущены радиозонды для измерений температуры и скорости ветра в разных слоях атмосферы. Спутник «Метеор», пролетавший в то же время над этой территорией, передал с высоты около 630 километров серию телевизионных снимков, а Николаев и Севастьянов наблюдали этот район с более низкой орбиты. Аналогичный эксперимент с

участием экипажа корабля «Союз-7», самолетов и наземных экспедиций проводился в прошлом.

Основной целью медико-биологических исследований являлось дальнейшее изучение влияния условий длительного космического полета на функциональное состояние человека и его работоспособность. Для этого проводилось изучение функций сердечно-сосудистой системы, дыхания, энергозатрат, состояния центральной нервной системы и анализаторов. Исследовалась динамика работоспособности по выполнению соответствующих рабочих операций и на основе оценки качества выполнения специальных проб.

В соответствии с программой биологических исследований были проведены некоторые эксперименты при активном участии космонавтов. Общая цель этих исследований заключалась в изучении влияния невесомости на рост, развитие и наследственность у различных животных.

Андрей и Виталий чувствовали себя в полете хорошо. Несмотря на большую насыщенность программы, их работоспособность сохранялась на высоком уровне. Однако после выполнения сложных экспериментов и насыщенного трудового дня они иногда отмечали некоторую усталость, которая исчезала после сна.

В начале полета потребовалось время для выработки новых навыков перемещения в корабле. Уже к трем-четырем суткам полета передвигались по кораблю уверенно. Частота пульса на протяжении первых трех-шести витков достигла предполетных величин, затем удерживалась на более низком уровне. Тогда же частота пульса, частота дыхания и показатели электрокардиограммы стабилизировались. При этом частота сердечных сокращений Николаева колебалась в пределах 68—80, а у Севастьянова — 60—70 ударов в минуту, естественно возрастая во время выполнения физических упражнений, а также некоторых сложных экспериментов. Во время сна частота пульса несколько снижалась. У Андрияна по сравнению с его первым полетом на корабле «Восток-3» она была несколько ниже. Артериальное давление в покое практически оставалось обычным. Реакция сердца на стандартную физическую нагрузку почти не изменялась. В начале полета при резких наклонах туловища или головы он испытывал ощущение, напоминающее то, которое имело место на Земле при вестибулярных нагрузках.

И только в день посадки, на Земле, многое изменилось. Голова, руки, ноги стали необычно тяжелыми. Космонавты ощущали их вес.

Такое состояние продолжалось некоторое время после приземления. Словом, привыкание к матушке-Земле проходит тяжело: планета-колыбель не прощает невесомой жизни.

В соответствии с программой полета на «Союзе-9» были сделаны некоторые изменения, связанные с улучшением условий работы и отдыха космонавтов. Проведены испытания новых приборов, которые используются в системах ориентации и управления. Опробовано управление кораблем при ориентации его на Солнце с различным заданным углом с помощью оптического индикатора. Это оказалось

очень удобным. В дальнейшем экипаж разработал методику оптимального управления кораблем с помощью такого индикатора и пользовался ею при выполнении так называемых «косых» закруток.

Работа в космосе проходила в достаточно комфортных условиях: на корабле имелось все необходимое для работы и отдыха. Appetit у ребят был хорошим на протяжении всего полета, съедали все, что предусмотрено нормой. Большое удовольствие доставляла горячая пища: борщ, суп харчо, кофе. Воду пили без ограничения, хотя жажды не испытывали. Спали в специальных спальных мешках. Засыпали быстро. Однажды сонным Андриян выплыл из спального мешка, а когда проснулся, то оказался под потолком орбитального отсека. Два раза в сутки выполняли комплекс физических упражнений. Физзарядкой занимались с большим удовольствием.

На восемнадцатые сутки корабль сориентировали для выдачи тормозного импульса. В заданное время включили программу спуска. Тормозной двигатель сбил орбитальную скорость, и корабль перешел на траекторию полета к Земле. После отделения орбитального и приборно-агрегатного отсеков от спускаемого аппарата включилась система спуска, которая обеспечивала управляемый вход аппарата в атмосферу Земли с использованием аэродинамического качества. При вхождении в плотные слои атмосферы слышен буревой шум встречного потока воздуха. Плавно нарастали перегрузки. Однако они не превышали трех-четырёх единиц. Корабль совершил мягкую посадку в заданном районе.

— Полет перенесли хорошо,— вспоминал Андриян,— и, откровенно говоря, не ожидали, что после приземления появятся некоторые трудности обратного привыкания к условиям жизни на Земле, или, как говорят медики, реадaptации. Трудно было подняться с кресла. После открытия люка выбраться из спускаемого аппарата нам помогли товарищи из поисковой группы. После восемнадцати дней невесомости все тело, руки, ноги, голова вдруг стали тяжелыми. Ощущение такое, словно сидишь на центрифуге под воздействием небольшой перегрузки. В первый день казалось, что эта перегрузка была примерно две единицы или, может быть, немного больше. В последующие дни она постепенно убывала, а вскоре и вовсе исчезла полностью.

Интересным, я бы сказал, философски осмысленным был доклад Севастьянова (кстати, Виталий Иванович увлекается философией, написал даже ряд работ этого плана).

Вот отрывок из одной такой работы:

«Да, человек — сын Земли! И он остро ощущает отсутствие земных связей, он постоянно вспоминает о них. Чем длительнее полет, тем более остро испытываешь потребность их воспроизведения. Хотя бы в памяти. Нужна в космосе хорошая книга, повествующая о жизни на Земле, о людях, об их общении между собой, о природе Земли. Поэтому в редкие свободные минуты хочется почитать земные книги, видеть земные картины. У нас на борту космического корабля «Союз-9» было несколько цветных фотографий живописных уголков

природы Байкала. Помню, с каким удовольствием мы пересматривали их уже в который раз где-то на десятые сутки полета. Испытываешь радость, словно встретился с близким другом, когда услышишь в эфире знакомую русскую песню, особенно пролетая над далекими континентами, например над Австралией.

Очень часто вспоминаешь своих близких. Строишь на фотографии, думаешь, как волнуются за тебя. Часто вспоминаешь друзей, незавершенные земные дела.

Строишь планы, которые предстоит осуществить по возвращении на Землю.

Да, духовно человек в космосе живет Землей, в этом ему помогают устойчивые связи, которые не только не исчезают, но даже обостряются. Обостряются в памяти, в мечтах. И когда возвращаешься на Землю, остро и ненасытно воспринимаешь эти связи.

Я на всю жизнь запомнил запах, который ворвался к нам в корабль, как только мы открыли люк после посадки. Это был запах земли, травы, всех цветов и лесов — запах земных связей.

Земные связи космонавта становятся наиболее ощутимо ценными для него, когда на протяжении многих суток полета в космосе, постоянно наблюдая Землю, он вдруг осознает ее малость.

Наша голубая планета из космоса имеет удивительно красивый вид. Она прекрасна, но и поразительно мала.

Общезвестны геометрические размеры Земли: 12 742 километра — средний диаметр, около 40 000 километров — путь вдоль экватора. В последнее время мы привыкли к новому понятию: полтора часа — и облетели на космическом корабле вокруг Земли. За это время космический корабль совершает виток вокруг Земли.

Но в условиях длительного космического полета возникают у космонавта два новых критерия, подчеркивающие малость нашей Земли.

Первый критерий: через 7—10 дней полета в космосе на память знаешь всю сушу Земли. Да, 71 процент поверхности Земли покрыт водой и только 29 процентов — суша. Но эти цифры сами по себе мало что говорят. В полете ощущаешь, что очень много на Земле воды и мало суши, которую, как правило, встречаешь с радостью, при этом у космонавтов, как и у моряков, вырывается возглас: «Земля!».

Вглядываешься в нее, будь то берег континента или маленький остров в океане, строишь на навигационный прибор или карту и знакомишься: вот как выглядит Гаити?!

Через несколько дней полета все реже и реже прибегаешь к помощи карт. А через 7—10 суток знакомство состоялось окончательно. Сушу знаешь всю. На континентах — горы, реки, долины, озера, города, гавани.

Привыкаешь и очень легко опознаешь города даже на ночной стороне Земли.

Неоднократно любовались мы ночным видом Парижа и никогда не путали его с Берлином, Римом или Варшавой.

В океане знаешь каждый островок и с радостью, как со старым

знакомым, встречаешься с островом Пасхи, затерявшимся среди безбрежной глади океана.

После сна, открыв шторку иллюминатора, посмотрев за борт корабля, незамедлительно сообщаем: «Подходим к Мадагаскару, через пять минут Индия!»

Да, действительно, мала наша планета, если за 5—7 минут пересекешь Южную Америку или Африку и если через 10 суток полета в космосе всю сушу Земли знаешь на память.

Другой критерий — это микровзгляд. То, что видишь сразу. Я провел в полете эксперимент. Пролетая над Варшавой, посмотрел, что же видно в Европе одновременно. Наш корабль шел с запада на восток. И вот с левой стороны виден был весь Скандинавский полуостров, северные берега Норвегии, Балтийское море, Ленинград, Рижский залив, Рига, сзади — Англия, Ирландия, также Лондон, Париж, Пиренеи. Справа Адриатика, Черное море, Север Италии, Крым, а впереди по курсу — Москва.

Видишь всю Европу сразу. Европу, в которой столько государств, народов и которая только за наш век пережила дважды такое несовместимое с понятием «человечность» явление, как война. Сколько погибло людей, которые могли бы жить, радоваться жизни и служить человечеству!

Как много истрачено земных ресурсов! Истрачено бессмысленно и невозвратно. Как заторможен был прогресс человечества и как продвинулся бы он, не будь этих войн!

Остро ощущаешь ограниченность земных ресурсов, потому что видишь наступление цивилизации на природу. Ведь не на всей суше удобно жить. Много пустынь и труднодоступных горных районов.

И вдруг понимаешь, что сама Земля — это космический корабль, который несется в космосе. Он имеет ограниченные ресурсы и экипаж — человечество, которое должно беречь свою планету, ее ресурсы, беречь себя».

Да, наблюдения Земли из космоса толкают на эти размышления. Будущее человека зависит от человека. И его достижения в области культуры, науки и техники, в том числе и в освоении космоса, должны служить миру. Этого требуют разум и все наши земные связи, ощущение которых так обостряется в космическом полете.

ОСТАВАЯСЬ НА РАБОЧИХ МЕСТАХ...

С. П. Так мы называли меж собой Сергея Павловича Королева. Плотный, немного сутуловатый, он по сей день видится мне деловито шагающим по бетонке к стартовой позиции. Вот приближается к остановившемуся автобусу, из которого выходят отлетающий сегодня космонавт и его традиционный дублер, здороваются, кладет тяжелую ладонь на плечо одного из них:

— Как настроение?

Те непременно ответят: «В норме», а он тихо, как бы про себя улыбнется — другого ответа не ожидал. И только мы по закону субординации никогда не спрашивали о его настроении, самочувствии. Не спрашивали, но знали, как он переживал за каждого из нас, как в предстартовые ночи приходил в гостиницу и шепотом спрашивал у дежурной: «Спят?» Тихо уходил и допоздна не спал, вышагивал, тревожась о скором старте.

Познакомились космонавты с Главным конструктором еще в те дни, когда строился «Восток-1». Он, его создатель, сам объяснял конструкцию, рассказывал, какие корабли ждут нас в будущем. Потом, когда уже слетал Гагарин, когда готовились другие, вдруг нагрянул в Звездный. Все знали, что он в отпуске, отдыхает где-то в Крыму. И вдруг видим его шагающим по широкой аллее. Через десять минут мы все были в сборе. Кто-то спросил насчет прерванного отпуска; он недовольно двинул широченными бровями и, не ответив, сам спросил:

— Как тренировки?

Мы высыпали короб жалоб: этого не хватает, того вовсе нет. Многое упиралось в учебную базу. Трудно достать специальное оборудование, недостает тренажной аппаратуры...

— Что-нибудь придумаем, — сухо пообещал Главный и уехал.

Через неделю к проходной городка подкатили два грузовика с долговязым оборудованием.

У каждого, кто с ним встречался, сложились далеко не идентичные мнения. Одни восторгались простотой и искренностью; других шокировали суровость и педантичность; третьи, видя его только на работе, недоумевали: есть ли у такого человека личная жизнь? Кажется, он никогда не покидал рабочего места. Противоречий тут нет. Это была колоритная, яркая и сильная личность. Да, он был трогательно душевным, простым и доступным, но мог быть и беспощадно суровым, даже жестким, если видел халатность, лень, легкомыслие. Не любил равнодушных и расправлялся с ними бескомпромиссно. Всегда и во всем требовал точности, порядка, ценил трудолюбие, ненавидел тщеславие. Помню, когда мы первый раз собрались на беседу у Главного, он с присущей ему прямолинейностью предостерег:

— Если вы пришли с намерением подвиги совершать, то нам не по пути. Предстоит работа. Тяжелая, но крайне необходимая работа. На нее и надо ориентироваться.

Это был не призыв ради эффекта и не рисовка. Он сам умел работать до невероятного много. Рядом с его рабочим кабинетом помещалась небольшая комната с тахтой. В те долгие напряженные дни подготовки к полетам, когда был очень занят, он отдыхал тут же, рядом с кабинетом.

Сердце уже шалило, и нервы были напряжены до предела, но при первой необходимости он был на рабочем месте.

Несмотря на свою внешнюю суровость, людей любил. Рассказывали мне об одном молодом ученом, женившемся в самое горячее для

космонавтов время — готовился очередной старт. Счастливый жених пригласил Сергея Павловича на свадьбу. Как ни занят был тот, а пообещал:

— Постараюсь.

Но дела задержали Главного до полуночи. И все же, помня обещанное, поехал в неблизкий, затерянный в густых-густых лесах поселок, поздравил молодых, вручил цветы. А утром был на космодроме.

Он хорошо знал не только своих подопечных, нас, космонавтов, но и наши семьи. Почти каждый раз при нашей встрече спрашивал меня, как летается Марине, как учится музыке дочь Наташа. Шутил:

— Буду счастлив попасть на ее концерт.

...В семьдесят первом году мы отмечали десятилетие космического полета Юрия Гагарина. Юбилей космонавты встретили на Байконуре — готовился старт орбитальной станции «Салют» и пилотируемого корабля «Союз-10». Весна тогда выдалась холодной и дождливой. Вечера коротали в гостинице, а днем работали на космодроме, вновь и вновь проверяли системы. Готовилась техника, готовились люди. И как-то неволью вспоминался давний день — 12 апреля шестьдесят первого, живо вставала картина гагаринского старта. Не сговариваясь, ребята поехали к домикам Гагарина и Королева.

Два маленьких коттеджа стоят рядом — в первом провел предстартовую ночь Юра, во втором жил и работал Сергей Павлович. Сейчас здесь музей — все сохранено, как было когда-то: снимки, картины, книги, столы, тумбочки, вазы с цветами. С портретов смотрят они, хозяева жилищ. А на стенах гранитные мемориальные доски... И теперь память листала всю десятилетнюю историю космоса.

Да, многое свершилось после того первого рейса. Теперь уже готовился к старту десятый «Союз».

Но вначале стартовала автоматическая станция, а 23 апреля на орбиту вышел «Союз-10» с тремя членами экипажа на борту. Владимир Шаталов, Алексей Елисеев и Николай Рукавишников в двухсуточном полете с орбитальной станцией провели комплекс исследовательских работоспособности усовершенствованных систем взаимного поиска, дальнего сближения, причаливания, стыковки и расстыковки «Союза-10» и «Салюта». Стыковка проводилась в два этапа: первый — сближение до 180 метров в автоматическом режиме, второй — сближение и причаливание экипажем корабля. Пять с половиной часов летали состыкованно, как единая система: корабль — станция.

Через сорок суток мы проводили на орбиту «Союз-11». Вновь с тремя космонавтами на борту: командир корабля Георгий Добровольский, бортиженер Владислав Волков, инженер-испытатель Виктор Пацаев. Вновь стыковка. Экипаж переселяется в «Салют», и начинается невиданная доселе космическая эпопея: более двадцати двух суток продолжался полет слитых воедино систем. Экипаж проработал на орбите свыше 570 часов, проведя множество ценнейших исследований. Никто из людей еще не бывал столько времени оторванным от своей колыбели — Земли.

Близился финиш. Экипаж перенес в свой корабль материалы научных исследований, заполненные ценнейшими данными бортовые журналы. Расстыковались, приготовились к возвращению на Землю.

Мы их ждали...

Но глубокой ночью стряслось непоправимое. Вначале об этом узнала поисковая партия, врачи, космонавты...

Потом трагическая весть потрясла весь мир: они вернулись на Землю с остановившимися сердцами, оставаясь на рабочих местах...

Я их хорошо знал не только как космонавтов, но прежде всего как людей, коммунистов, единомышленников. Наверное, трудно было найти в отряде более веселого, заряженного неистощимым юмором человека, чем Жора Добровольский. Истинный, коренной одессит, он обладал той притягательной силой характера, которая присуща людям высочайшего оптимизма. Владислав Волков — друг нашей семьи, тоже жизнелюб и немного лирик, умеющий ценить дружбу. Виктор Пацаев — сколько в этом скромном, немногословном, сдержанном в своих чувствах человеке было истинно русского: благородство души, трудолюбие, острый ум...

Улетая на космодром, Владислав Волков мне говорил, что постарается привезти из космоса побольше записей, мол, так все не запомнишь. И вот передо мной его записная книжка — своеобразный космический дневник:

«13 июня 1971 г. Начались восьмые сутки полета. 887-й виток. Сейчас за бортом ночь, и в кабине темно. Проводил наблюдении звездного неба.

В верхнем светлом слое ночного горизонта совершенно отчетливо видна звезда Б. Медведицы.

В иллюминаторе ярко засветилась антенна. Значит, наступает очередной восход. Интересная картина. Земля еще черная и небо тоже, а антенна и солнечная батарея ослепительно белого цвета. С восходом звезды пропадают, но не все.

19 июня. Завтра ожидаем передачу «С добрым утром». Должны исполнять для нас по заказу. Я заступил на вахту.

Наблюдаю Землю. Аравийский полуостров. Красного цвета безжизненная пустыня с заметными следами песчаных дюн. Порой видны какие-то темные точки, от которых тянется черный шлейф.

Европейская часть материка узнается сразу же по следам (инверсионным) самолетов — словно белые полосы вдоль колеи железной дороги, а также по количеству рек и густой населенности. Практически весь материк испещрен разного цвета квадратами.

Крупные реки — темно-синего цвета. Очень любопытно наблюдать солнечный «зайчик», скользящий по рекам и озерам. «Зайчик», как выяснилось, идет от корабля. Пробегая по рекам и озерам, он дает яркую вспышку, сразу же меняет оттенок водоема, придавая ему как-то яркое свечение.

Америка живописна ночными городами, которых очень много разбросано на материке. В наиболее крупных различимы даже ма-

гистралы проспектов в виде световых полосок, пересекающихся в центре.

Сегодня у Виктора (Пацаева) день рождения. Накрыли праздничный стол. Деликатесом был репчатый лук. Виктора поздравил «Сокол», а «Заря» попросила провести репортаж. После обеда читали стихи и «шутки», которые оставили нам земляне в столе.

Приступили к дежурству. Наверное, я буду первым, кому повезет увидеть на счетчике витков цифру 1000. Просто непостижимо!

Пролетели Африку. Внизу громадное количество цветных огней, в основном красных. Выглядят, как непогашенные, светящиеся в темноте головешки. Картина на фоне черного неба очень красивая.

Счетчик начал отсчитывать 1000-й виток. Земля передала поздравление, а я репортаж «Красной звезде». Трогательные стихи написали в группе управления. Очень приятно. Особенно, если находишься так далеко от дома.

20 июня. Выходной пролетел быстро. Много времени заняло фотграфирование звездного неба.

Решил позавтракать. Для этого надо все записи убрать, «сплавить» к холодильнику, открыть его, достать металлическую коробку, повынимать все пять туб. Затем достать мешок с рационом и выловить таблетки (витамины), пакеты хлеба. На все это требуется 10—15 мин. Теперь остается вернуться на место. Куда-то поставить банки и все хозяйство, открыть подогреватель, затем включить нагрев на 1 или 2 минуты. Сиди и смотри, когда лампочка погаснет, а то, если забудешь, все придется повторить сначала. Надо достать вилку и ножик, который, кстати, затупился. После еды банку убрать. Остатки пленки от хлеба тоже убрать. Хорошо еще, если что-нибудь у тебя не уплывет.

Передал телерепортаж о биологических экспериментах. Виток не особенно загружен. Удалось наблюдать большой циклон в Тихом океане.

Подходят к концу еще одни сутки полета. Жора, когда мы сидели за обедом, точнее, висели, сказал: «А вы можете себе представить, что всего три человека сейчас над всей планетой? И вот так висят».

Даже не верится.

23 июня. Свободного времени почти не получилось. Были интересные работы по ориентации. Мне везет: все «юбилейные» моменты на борту выпадают на мое дежурство.

24 июня. Дело близится к завершению. А работы еще много. Главное — записать впечатления, а то они забудутся.

Облака... Метеорологи имеют классификацию их всех. Я бы за это дело не взялся. Уж слишком их много. Начиная от самых маленьких белых точек до громадных массивов, тянущихся, подобно вечным снегам, на многие сотни километров.

То они стелются легкой дымкой, то собираются в мощный спиральный виток. Это уже циклон. Есть обычные скопления, похожие на соты, такие же плотные и удивительно ровные.

Тени, которые оставляют облака в океане, темного цвета и смотрятся как продолжение своих белых оснований.

Когда наступает заход солнца, поверхность облаков приобретает розовый цвет, но не сплошной, а полосами. Чем ближе к ночи, тем синее и синее становится цвет облаков, а затем они резко чернеют. Лишь где-то далеко продолжает светиться красновато-голубоватый горизонт.

В северных широтах облака особенно плотно покрывают поверхность, а если где и пробивается голубой след океана, то он выглядит, как след ледокола при прокладке пути.

А вот сейчас облака растянуло. Мы в широтах, близких к экватору. Здесь преимущественно мелкие облака, тянущиеся над водной поверхностью длинными цепочками, как грядки овощей.

26 июня. Пошли 21-е сутки полета. Так долго еще не летали в космосе. «Земля» поздравила нас с успешной работой. Растрогался до слез. Ребята спали, когда я получил эти поздравления. Не хотелось их будить. Но они, как чувствовали, не сговариваясь, вылезли из своих мешков.

Любопытное явление. Пролетали над территорией Китая. Шли в ориентировочном положении, на гироскопах. Внизу — горный район с ровным обширным плато. Вдруг на какой-то момент мне показалось, что летим мы очень низко, будто на самолете, и заходим на посадку. И до того явственно, что я даже не удержался и сказал ребятам: «Смотрите, как низко летим!»

Они, правда, не успели отреагировать на мою реплику: появилась голубая полоска горизонта Земли, черное небо, и ощущение снижения сразу пропало.

Сегодня удалось обнаружить скопление нескольких циклонов, шесть или семь. Я еще ни разу не слышал, чтобы кто-то видел такое. Сделал снимок и сообщил на Землю.

Все же как бы долго ни летал человек, он останется земным существом. Хотя бы потому, что, несмотря на невесомость, где телу можно придать любое положение, человек все же стремится занять такую позу, чтобы потолок был над ним. А иначе — трудно работать. Теряешь привычную ориентировку. Так особенно часто бывает, когда ведешь наблюдение или фотографирование через иллюминатор: стараешься занять удобное положение, а корабль «уходит» из-под тебя. Пытаешься вернуться назад, но «плывешь» уже не туда.

Проделали такой опыт. Я закрывал глаза и замирал, раскинув руки и освободив ноги от привязных ремней. «Всплывание» и свое ощущение того, какое я занял положение, сам же вслух и комментировал. Это неизменно вызывало у товарищей смех: в большинстве случаев все было наоборот.

Перед началом связи решил в иллюминатор полюбоваться «улицами» пейзажами.

Скоро, скоро покидаем наш гроссдом на орбите».

Мы еще не раз будем перечитывать эти величайшей ценности документы, чтобы учиться истинному мужеству.

ЗЕМЛЯ ЛЮДЕЙ, ЕЕ СОСЕДИ

Мне кажется, самые мудрые мудрецы средневековья, самые пыльные умы прошлого не могли себе зримо представить истинную величину нашей планеты. Она виделась им неохватно огромной, почти бесконечной. Только в шестидесятых годах двадцатого столетия Человек, поднявшись в космос, с каким-то смятенным удивлением вдруг увидел: Земля-то не так уж велика. Одним она привиделась островком в океанище мироздания. Другие назвали ее космическим кораблем с трехмиллиардным экипажем. Куда устремлен наш планетарный корабль? Все ли мы, его пассажиры и капитаны, чувствуем ответственность за его целостность и благополучие? Это тревожит многие умы человечества.

В нашей космической почте немало тревожных и оптимистических писем, волнующих вопросов и добрых пожеланий. Пишут друзья из-за границы и наши соотечественники, люди интересуются самыми разными проблемами космонавтики, хотят больше узнать о космосе и о своей земле.

«А как выглядят очертания Земли с космических высот, сохраняют ли они подобие географической карты? Нельзя ли рассказать об этом по вашим непосредственным наблюдениям?» — пишет мне Горлачев из города Новочеркаска.

«Что нового у наших соседей на Луне, Марсе, Венере?» — интересуется курсанты Качинского летного училища.

О том же спрашивают братья Сизовы из Челябинска, допризывники Володя Ершов и Коля Вдовиченко из Волчанска, школьники из есенинского села Константиново.

Постараюсь ответить.

Великолепная картина нашей планеты, которая открывается перед глазами, когда смотришь в иллюминатор, — одно из наиболее сильных впечатлений космического полета. Советские «Востоки» и «Восходы» совершали полеты на высотах почти до 500 километров над поверхностью Земли.

Нам, летчикам, сделавшим немало полетов на современных реактивных самолетах, вид Земли из космоса очень напоминает земную поверхность с борта самолета при полете на большой высоте. Крупные детали на земной поверхности — леса, горные хребты, острова, большие реки, морское побережье — видны так же, как с самолета. Видимость отличная. Интересно наблюдать за облаками, которые покрывают поверхность Земли, отбрасывая причудливые тени. Если приглядеться, то можно заметить скорость и направление движения облачных массивов. Белые облака мы отличали от снежного покрова по тени, отбрасываемой на поверхности Земли. При входе корабля в тень Земли сразу становится темно. В этой темноте хорошо заметны огни больших городов, четко видны их очертания.

Сжатые, вспаханные или неубранные поля отличаются друг от друга оттенками цвета. Если полет совершается летом, то очень хорошо виден ход уборки урожая. Мои друзья шутили, что с борта

космического корабля легко определить, какие из хозяйств и областей успешнее других справляются с взятыми на себя обязательствами. Этот вид из космоса отличается от «бесстрастной» географической карты.

Очертания островов, озер, полуостровов, так хорошо знакомые по географическим картам и глобусам, как бы наплывают на иллюминатор и уходят под корабль. Иногда может даже показаться, что корабль стоит, а движется оставшаяся далеко внизу Земля.

Выходивший из корабля «Восход-2» Алексей Леонов, несмотря на плотный светофильтр, очень хорошо видел Черное море, казавшееся из космоса лазурным, Кавказский хребет, Новороссийскую бухту, затем Урал, Сибирь. Следует отметить, что при выходе в открытый космос нужна дополнительная защита глаз наблюдателя.

Опыт космических полетов человека позволил обнаружить новые свойства глаз в условиях невесомости. Многие помнят, какими неправдоподобными казались утверждения американского космонавта Г. Купера о том, что он видел с борта одноместной капсулы «Меркурий» грузовик, движущийся вдоль границы с Мексикой. Ученые объяснили этот факт чрезмерным возбуждением космонавта. Разрешающая способность человеческого глаза (около одной угловой минуты) позволяет видеть предметы, размеры которых не меньше 200 метров. Но, очевидно, это справедливо только для обычных условий земного притяжения.

Отчет о наблюдениях из космоса другого американского космонавта Э. Уайта лишним раз подтвердил, что острота зрения в невесомости увеличивается. Уайт видел из космоса такие детали, как дороги и моторные лодки на морской поверхности. Он прямо заявил, что из иллюминатора капсулы «Джеминай» Земля видна лучше, чем из самолета с высоты, например, 13 000 метров.

Американские ученые провели ряд опытов, которые показали, что в невесомости дрожание сетчатки глаза происходит легче, чем в условиях земного притяжения (дрожание сетчатки — основное условие человеческого зрения).

Целый ряд исследований возможностей человеческого зрения в невесомости провели наши ученые. На конференции по проблемам космической медицины, состоявшейся в мае 1966 года в Москве, среди многочисленных докладов были также заслушаны доклады о влиянии условий космического полета на функции зрительного анализатора, об особенностях человеческого зрения в невесомости, при действиях различных ускорений и так далее.

Создание различных систем фото- и телевизионного оборудования для космических кораблей открывает новые возможности для деятельности человека в космическом пространстве.

Мы с большим интересом рассматривали снимки поверхности нашей планеты, полученные с третьего спутника системы «Молния-1». На снимке, сделанном с помощью длиннофокусного объектива, видна территория северного полушария: район Северного Ледовитого океана, северная часть Атлантического океана, часть Европы и

Азии. Сравнивая эти снимки с тем, что мы видели из космических кораблей «Восток», можно утверждать, что с высот 30 000—40 000 километров легко наблюдать за формированием и движением крупных облачных систем, циклонов и антициклонов. Фотографирование, а в будущем и наблюдение с борта космических станций за погодой над целым полушарием окажет неоценимую услугу метеорологии в сборе и анализе данных о погоде на нашей планете.

На снимках же, сделанных с орбит высотой 200—500 километров, можно различить мелкие детали облачного покрова и земной поверхности, определить характер растительности. Специалисты считают, что в недалеком будущем возложат на искусственные спутники Земли: обнаружение участков сельскохозяйственных культур, пораженных заболеваниями (для этой цели, вероятно, будут использовать инфракрасную технику); определение очертаний ледников, что даст большую пользу при прогнозировании баланса пресной воды в ряде районов земного шара; обнаружение подземных рек и потоков — тоже с помощью приборов, регистрирующих разницу температуры над потоком и в соседних районах.

Большую службу человеку могут сослужить космические корабли, оснащенные различными средствами наблюдения за нашей планетой.

Что нового у нашей спутницы Луны?

Некогда таинственная и недосыгаемая красавица Селена за какое-нибудь десятилетие открыла нам свои тайны, которые были недоступны веками. Непостижимо точные данные передали и доставили на Землю наши космические роботы — автоматические станции. Наш безотказный труженик «Луноход-1» проработал на Луне более 300 суток, пройдя расстояние более 10 километров. Американская газета «Вашингтон пост» писала, что новый эксперимент представляет собой «не только научный, но и политический триумф Советского Союза». А вот как оценила «Луноход-1» английская газета «Файнэншл таймс»: «СССР ясно продемонстрировал, что с помощью непилотируемых автоматических аппаратов можно достигнуть того же, что и с помощью высадки людей...».

Вместе с тем, мы отдаем должное мужеству и искусству американских космонавтов, совершивших полет на Луну. С некоторыми из них мне довелось лично познакомиться.

Встречи с заокеанскими коллегами оставили приятное впечатление. Это высококвалифицированные, знающие свое дело специалисты, умеющие хладнокровно и безошибочно действовать в самой сложной обстановке. Мы долго говорили о деталях космических полетов, о замеченных явлениях в открытом космосе и на Луне, взаимно узнали много важного и интересного. Оказывается, например, что на Луне обнаружены сейсмические явления. Сейсмометры, установленные там космонавтами кораблей «Аполлон», регистрируют 600—800 толчков в год. В своем большинстве толчки следуют нерегулярно и, очевидно, не связаны друг с другом. Однако некоторые сейсмические явления имеют месячную периодичность и происходят в одних

и тех же районах Луны (таких районов десять). Отдельным толчком, например, самому сильному, зарегистрированному 16 мая 1971 года, предшествовала серия «дрожаний», а после толчков сейсмическая активность прекращалась. Доктор Гэри Латам, руководитель сейсмических экспериментов в рамках программы «Аполлон», рассказавший об этом на Международной ежегодной конференции по исследованию Луны, считает, что на Земле сейсмическая активность подобного характера свойственна вулканам.

Уже сейчас мы задумываемся над обитаемостью Луны: остро встает вопрос обеспечения космонавтов водой. Американские ученые разработали весьма сложный способ получения воды из лунного грунта — восстановлением окисного железа с помощью водорода, который также получается из лунных пород. Из 100 килограммов лунной породы таким путем можно добыть 1 литр воды.

Этот дорогостоящий способ отпадает, если в недрах Луны удастся при бурении обнаружить воду. Некоторые ученые считают, что она может находиться во всех фазах — парообразной, твердой, а на больших глубинах даже и в жидкой.

По-прежнему ученые бьются над проблемами наивысшей эффективности энергетических установок. Иностранная печать сообщает, что мощность их на основе солнечных элементов, размещенных на космических аппаратах, достигает 1,5 киловатта. Перспективные спутники для систем связи рассчитаны на установки мощностью до 5 киловатт, а спутники для непосредственного вещания, если их решат создавать, — 5—12. Установки такой мощности потребуются также для обитаемых орбитальных станций и космических объектов, оснащенных маршевыми реактивными двигателями.

Такую мощность можно получить только от развертывающихся в космосе панелей с солнечными элементами. Они могут раскладываться подобно створкам ширмы или разматываться с рулона. Чтобы мощность была наибольшей, батареи все время должны быть направлены на Солнце и потому нуждаются в системах ориентации.

Наряду с поисками новых материалов для солнечных элементов, кроме кремния, предпринимаются попытки увеличить к.п.д. и снизить стоимость существующих элементов.

В 1972 году в Киеве состоялся симпозиум по физике Луны и Марса. Как ни странно, предпочтение было отдано Красной планете. Наш дальний сосед все больше раскрывает свои тайны, хоть и нехотя.

Почти все выступления были до предела нашпигованы цифрами и графиками, формулами и диаграммами, словно бы речь шла не о планетарных понятиях, а сугубо производственных делах. Однако ощущение фантастичности происходящего не исчезало.

— Мы неплохо поработали на Луне...

— «Самые темные тела» в солнечной системе — Фобос и Деймос.

— Лунный грунт говорит о том, что Луна была горячей...

— Летом над полюсом появилась дымка...

Ученые говорили о Луне и Марсе, и создавалось впечатление, что они там, за миллионы километров от Земли, путешествуют по марсианским каньонам, пересекают вместе с луноходом лунные моря.

Шел обыденный для сегодняшней науки разговор: анализировали данные, полученные от автоматических межпланетных станций и аппаратов, совершивших посадку на Луне.

Вчера фантастика, сегодня будни — таковы темпы развития науки и одной из ее передовых отраслей — космонавтики.

Три дня симпозиума были посвящены Марсу. Вполне естественно, ведь минувший год можно смело назвать «марсианским». Впервые была осуществлена мягкая посадка на Марсе, две советские станции «Марс-2» и «Марс-3» стали искусственными спутниками планеты и провели комплекс измерений как его атмосферы, так и поверхности. А американский аппарат «Маринер-9» вел сложный фотографический эксперимент. Не прекращались и наземные наблюдения. Они ценны и потому, что в сочетании с космическими станциями приоткрыли ряд явлений на Марсе, о которых астрономы не подозревали. В частности, прослежено развитие той грандиозной пылевой бури, которая продолжалась на планете несколько месяцев...

«За год мы узнали о Марсе больше, чем за всю историю астрономии», — сказал один из ученых, и в начале его фраза показалась несколько преувеличенной. Но после сообщений его коллег о физических условиях на планете, после того, как мы увидели кратеры и каньоны, пустыни и полярные шапки так отчетливо, словно они сфотографированы с самолета, сомнения исчезли: вновь космонавтика принесла науке обильный урожай.

Между правительствами СССР и США подписано соглашение о сотрудничестве в исследовании космоса. Минувший год показал, что и на марсианских орбитах такое содружество ученых плодотворно. Данные, полученные «Марсом-2», «Марсом-3» и «Маринером-9», дополняют друг друга.

С каким-то тревожным и радостным удивлением смотришь на первые снимки Марса и словно сам путешествуешь по таинственной Красной планете.

Вот овальное плато. Оно находится неподалеку от Южного полюса. Специалисты считают, что вулканический пепел или пыль перемешаны здесь с твердой углекислотой или водяным льдом. Кстати, скопления льда могут быть и под самим плато.

Диаметр «Южного пятна» около 100 километров. Террасы, отчетливо видимые на снимке, говорят о вулканическом происхождении этой «оспины» на поверхности планеты.

А вот район, который называется «шкурой слона». Его поперечник около 70 километров. Плато возвышается над средним уровнем поверхности на 5 километров. Ученые предполагают, что продукты вулканических извержений растрескались и стали напоминать шкуру хорошо знакомого земного животного...

Река на Марсе. Возможно ли это? Воды в этой реке, протянувшейся на 400 километров, нет — слишком «сухие» атмосфера и по-

верхность Марса. Но кто знает, может быть, в прошлом по этому «руслу реки» струилась так необходимая планете влага...

Сложнейшее переплетение каньонов: черно-белые полосы, овалы, точки, причудливые извилины — трещины. «Люстра, подвешенная к экватору», — так говорят об этом снимке специалисты. Подобных образований на Марсе много. Одно из них названо «Большим каньоном» по аналогии с Гранд-Каньоном в США. Ширина земной «расщелины» — 21 километр, марсианской — 120. Специалисты считают, что подобные системы каньонов образовались в результате оседания грунта и ветровой эрозии.

На одном из снимков запечатлен гигантский кратер — его поперечник 150 километров. Косой рябью залегли в кратере дюны. Так и кажется — кусочек раскаленных Каракумов. Размеры дюнов постепенно увеличиваются, и это дает основание говорить, что они возникли под действием сильных ветров, дующих с юго-запада.

Новый кратер. Его «конструкция» напоминает «панцирь черепахи». Ученые находят аналогию в земных условиях — таким же образом «устроены» лавовые озера на Земле. Ну, а любителю фантастики воображение может подсказать иное: стены погибшего города и дорога, ведущая куда-то.

По поводу последнего снимка и сами ученые не прочь пошутить: мол, поразительная геометрия пересекающихся валов напоминает развалины города, засыпанные песком. Астрономы шутят и ищут объяснение более приемлемое.

Ожидаются ли новые путешествия к Марсу? Пока что автоматов. Интересные, поражающие даже самое пылкое воображение эксперименты готовят советские ученые. Мы, космонавты, также причастны к этой важной работе.

Американцы планируют запуск двух аппаратов «Викинг» в период с середины августа по середину сентября 1975 года. Альберт Куласс, руководитель программы «Викинг», заявил, что после посадки на Марс спускаемого аппарата советской межпланетной автоматической станции «Марс-3» у специалистов, работающих по программе «Викинг», возросла уверенность в успешной посадке посадочного блока этого аппарата, поскольку он использует, по существу, те же средства торможения и посадки.

Двадцатый век называют веком великих открытий. Недавно появились новые планеты... «на кончике пера». Уже несколько лет существует гипотеза, предсказывающая открытие новых спутников Юпитера, Сатурна, Урана и даже новых планет солнечной системы. Причем не вообще, а конкретно: неоткрытый спутник должен находиться там-то, неоткрытая планета там-то...

Савелий Савельевич Гамбург, автор этой гипотезы, астроном-любитель, изложил ее в июльском номере журнала «Вокруг света» за 1969 год. Он вывел параметры нового, неизвестного спутника Юпитера. Позднее и независимо от него сходные, почти совпадающие параметры для предполагаемого спутника дали английские астрономы Боуэлл и Уилсон. Они также считают, что неоткрытые спутники

есть у Сатурна и Урана. К такому же выводу относительно Сатурна пришел известный шведский астроном доктор Альфен.

В 1969 году сотрудники радиофизической обсерватории в Сиднее сообщили, что некоторые особенности радиоизлучения Юпитера, которые они изучили, судя по всему, подтверждают существование неоткрытого спутника этой планеты.

Из проведенного Гамбургом анализа следовало, что одна неоткрытая планета солнечной системы должна располагаться между орбитой Меркурия и Солнцем. Другая новая планета должна находиться за орбитой Плутона. Астрономы в свое время подозревали, что это действительно так, но затем предположение, по крайней мере, об околосолнечной планете было оставлено.

В 1971 году американский астроном профессор Кертен заявил, что на снимках, сделанных им во время солнечных затмений 1966 и 1970 годов, имеются следы, которые указывают на существование планеты между Меркурием и Солнцем. Предполагаемый диаметр планеты — 800 километров.

В конце 1971 года из Кембриджа и военно-морской обсерватории в Вашингтоне поступили сообщения, что ими, кажется, обнаружена новая, десятая планета солнечной системы, находящаяся между Меркурием и Солнцем.

Примерно в это же время астрономы Кембриджского и Балтиморского университетов выступили с сообщением, что теоретические расчеты позволяют говорить о существовании неизвестной планеты, которая находится за орбитой Плутона.

Если эти расчеты и наблюдения подтвердятся, то в нашей солнечной системе будет уже не девять, как теперь, а десять или одиннадцать планет.

В октябре прошлого года мы принимали у себя в Звездном наших американских коллег. Речь шла о совместном полете космических кораблей «Союз» и «Аполлон». Это важный и, я бы сказал, поворотный шаг в наших деловых отношениях. От такого сотрудничества выиграет не только наука, но нечто большее — взаимопонимание.

В нашу делегацию на переговорах входили академик Б. Н. Петров, член-корреспондент АН СССР, профессор К. Д. Бушуев и наши космонавты А. С. Елисеев и А. Г. Николаев. Глава делегации американских специалистов доктор Глинн Ланни представил нам своих коллег — астронавтов Томаса Стаффорда, который совершил два полета на кораблях «Джемини» и в качестве командира «Аполлона-10», и сотрудника Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) Эда Андерсона. В непринужденной беседе мы выяснили, что подход к проблемам подготовки и тренировки экипажей в СССР и США идентичен. Стаффорд в Звездном городке «пилотировал» наш «Союз» с помощью тренажеров. Вылезая из тренажера, заметил, что практически все операции по управлению кораблем выполняются так же, как и на «Аполлоне». Конструкция некоторых узлов и агрегатов, разумеется, различна,

иначе выглядят ручки управления. Однако методы и техника «пилотирования», последовательность многих манипуляций совпадают.

Андрей Николаев, Алексей Елисеев и Томас Стаффорд обстоятельно обсудили детали подготовки и отбора экипажей, особенности тренировок к совместным действиям в космосе. Во время встречи в Хьюстоне, которая предшествовала состоявшейся в Москве, космонавты пришли к соглашению, что экипажи начнут совместную тренировку приблизительно за два года до полета.

На совещании подробно занимались вопросами создания совместной бортовой документации для экипажей, прикинули, как удобнее организовать труд и отдых в полете, согласовали проблемы взаимодействия космонавтов с центрами управления полетом и процедуру радиообмена между кораблями. Разумеется, речь зашла и о преодолении «языкового барьера» между экипажами «Союза» и «Аполлона». Специалисты заверили, что они сделают все, чтобы облегчить общение космонавтов в полете. Решено заранее подготовить план действий экипажей на всех стадиях эксперимента: при взлете, взаимном поиске и сближении кораблей в космосе, в момент стыковки, в совместном полете, при расстыковке и удалении друг от друга. Но это не значит, что можно обойтись без глубокого изучения языков. Сейчас ни среди советских космонавтов, ни среди американских нет способных бегло говорить на двух языках, придется тем и другим основательно потрудиться на ниве языкознания. Этому помогут совместные тренировки, предусмотренные программой.

Профессор К. Д. Бушуев справедливо заметил:

— Нельзя представлять дело так, что можно было бы взять готовые корабли «Союз» и «Аполлон» и без всякого труда пустить в полет со стыковкой. Корабли эти разрабатывались в разных странах, и, естественно, в их конструкции и в бортовом оборудовании имеются существенные различия. При разработке специалисты как в Советском Союзе, так и в Соединенных Штатах не предполагали стыковку этих аппаратов в космосе. Поэтому придется проделать большую работу по приспособлению обоих кораблей к стыковке в космосе.

Предполагается создание и экспериментальная отработка специального стыковочного агрегата, который позволит экипажам переходить из корабля в корабль, через внутренний тоннель, без выхода в открытый космос. Он будет сконструирован так, чтобы оба летательных аппарата могли стыковаться, выполняя роль и активного, и пассивного партнера. В «Аполлоне» искусственная атмосфера состоит из чистого кислорода. Поэтому в американском корабле давление относительно низкое, порядка 300 миллиметров ртутного столба. В «Союзе» используется смесь азота и кислорода, и барометрическое давление практически равно земному — 750—800 миллиметров.

Очевидна сложность «совместимости» атмосфер двух кораблей. Целесообразно создать переходный отсек, с помощью которого и решится ряд важных задач, в том числе эта «совместимость». На «Союзе» придется провести ряд доработок, связанных с аппаратурой сближения, установить специальные сигнальные огни ориентации,

аппаратуру для связи, соответствующие антенные устройства и несколько видоизменить бортовые системы и приспособления для стыковки. В полете экипажи обоих кораблей могут побывать и в «Союзе» и в «Аполлоне».

Когда начнется практическая подготовка к совместному полету? К работе приступим с середины будущего года и в течение следующих двенадцати месяцев начнут проводиться предварительные опыты. Затем — создание оборудования. В 1975 году и техника, и экипажи, и наземные службы обеспечения и руководства полетом будут готовы к космическому партнерству.

Что даст в будущем создание совместных средств сближения и стыковки космических кораблей? Эти специальные средства помогут в спасении забедовавших экипажей. Если что случится, на помощь попавшим в затруднение астронавтам может прийти находящийся в космосе соседний корабль. Так что осуществление экспериментального полета преследует более широкую и более сложную цель, чем стыковка советского и американского кораблей. Будут найдены важные решения, которые нужны для полетов человека в космос, независимо от того, каким странам принадлежит пилотируемый аппарат.

КОМУ ИДТИ ДАЛЬШЕ

Меж бронзовыми стволами сосен просачивается раннее солнце, постукивает дятел. Мы дома. В Звездном. Снова разбираем почту.

«Мне шестнадцать лет. Я в девятом классе. Как долго еще учиться! А я тороплюсь. Боюсь опоздать в космос — там будет уже все сделано без нас, рожденных в пятидесятых годах. Словом, прошу вас, поимейте меня в виду. Постучусь я к вам в 1978 году. Не поздно?»

Аркадий Соломатин».

«Жаль, уже старик. Хочу увидеть внука в космосе.

А. И. Челютин».

«...Сам я — инструктор городского комитета ДОСААФ, летаю на планере, выполняю прыжки с парашютом и страстно желаю стать космонавтом.

Е. Гарбуз».

«...Мой друг и товарищ Юрий Гагарин совершил великий подвиг во имя Родины. Я очень горжусь им. Мы вместе летали в аэроклубе, вместе проводили свободное время и жили единой мыслью и целью — стать летчиками. Сейчас я летаю на транспортном самолете, одновременно учусь в институте и не могу расстаться с мыслью стать летчиком-космонавтом...»

В. Калашников».

«...Хочу стать летчиком-космонавтом. Каждый знает, что это не легкая задача. Но у нас такой закон: где труднее, опаснее, там мы и должны быть. Во имя Родины готов совершить полет даже без возврата на Землю.

Лейтенант А. Медведев».

«...Позвольте к множеству просьб присоединить и нашу. Мы здоровы. Оба много летали во всяких условиях. В случае необходимости сможем управлять аппаратами при приземлении. Возраст зрелый, трудности понимаем. Мы завоевали это право.

Брат и сестра Герои Советского Союза
Тамара и Владимир Константиновы.

Много, так сказать, личных писем. В тех письмах частенько проскальзывает вопрос: «Хорошо или плохо, когда жена летает?»

Что ответить? Вопрос сложный. Конечно же, не так просто Марине вести, как говорится, домашнее хозяйство и быть пилотом. Порой, видя, как она устает, как, возвращаясь домой, хлопочет по хозяйству, купает Оксану и тут же садится за какие-то конспекты, расчеты, мне так хочется сказать, чтобы она перестала надрываться и хоть немного пожила бы спокойной жизнью. Но тут же сам понимаю: для Марины это невысказано. Она не представляет себя без полетов. Я тоже летчик и понимаю ее.

Наконец осуществилась самая высокая мечта Марины — стала летчиком-испытателем. Налетала около 3000 часов. Для женщины, наверное, это немало.

В августе 1965 года она установила мировой рекорд, пролетев на одноместном реактивном самолете 2034 километра со скоростью 737,28 километра в час. Пал так долго державшийся непревзойденным рекорд американки Жаклин Кокран.

А прошлый юбилейный год принес ей сразу десять мировых рекордов. Она водила «Ан-22», тот самый легендарный «Антей», что вызывает восхищение всего авиационного мира.

В канун Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота ее экипаж совершил два замечательных полета: была достигнута скорость 580 километров в час на маршруте 2000 километров с грузами 30, 35, 40, 45 и 50 тонн и скорость более 600 километров в час на маршруте 1000 и 2000 с теми же грузами.

Ну как тут после таких неземных дел запретить жене летать? Пришлось всей семьей идти встречать ее на аэродром. Наташа сдержалась, а трехлетняя Оксана, увидев мать в странном, недомашнем облачении, расплакалась.

Но вернемся к почте. В ней встречаются и такие письма:

«Мы кое-что соображаем. Вы труднейшее дело сделали. Прикинули мы и ахнули: ваши два корабля в общей совокупности отмахали 112 витков вокруг нашей матушки-Земли. Вдвоем вы пролетели около 4,5 миллиона километров. Это пять раз к Луне можно смотреться. Что ж, это здорово! Но скажите, пожалуйста, а для чего летают космические корабли? Что они дают нам, смертным, и что обещают нашим детям? Уважающие вас скептики...»

Фамилии неразборчивы.

Не знаю, кто эти «скептики», но вопрос их понятен.

Итак, что дает человечеству освоение космоса? Сошлемся на мнение авторитетных ученых.

**Академик
А. Благоврагов:**

Проникновение человека в космос позволит открыть новые законы, расширить исследования в так называемых прикладных отраслях науки. В частности, я имею в виду газодинамику. Полеты в космос поставили перед механиками и математиками множество сложнейших проблем, без решения которых прорыв сквозь воздушное «одеяло» нашей планеты и возвращение на Землю немислимы. Подобные данные помогут конструкторам наших самолетов создавать серебристые лайнеры, которые будут летать со скоростью, в несколько раз превышающей скорость звука.

...С дальнейшим завоеванием космоса жизнь наша преобразится. Мир станет удивительным и необыкновенным. Различные автоматические станции, «наблюдательные пункты» на Венере, Марсе, Луне, обитаемые орбитальные спутники и так далее в ближайшие десятилетия появятся в нашей солнечной системе. Они будут «информировать» землян о том, что происходит не только вокруг нашей планеты, но и в самых дальних уголках «космической провинции». Незримыми нитями столица солнечной системы — Земля — будет связана с необъятным и пока еще неведомым миром.

**Член-корреспондент
Академии наук СССР
С. Вонсовский:**

Уже давно стало ясно, что при понижении температуры движение молекул замедляется. Вначале теоретики подсчитали, что при температуре минус $273,16^{\circ}$ по шкале Цельсия молекулы, казалось, должны перестать двигаться. Колебания их должны прекращаться. Эта температура была принята за абсолютный нуль. Приблизительно такая же температура царит в межзвездных просторах космоса. Стоит только человеку покинуть пределы земной атмосферы, как он попадает в царство глубокого холода. Позже физики выяснили, что и при абсолютном нуле молекулы все еще движутся (в мире нет абсолютного покоя!), но только скорость или энергия этого движения минимальная.

Как будет вести себя металл при очень низких температурах? На этот вопрос ученые долгое время не могли ответить, потому что не имели возможности полу-

чить «космическую» температуру в лаборатории. И поэтому физики мечтали о космосе. Всего несколько десятилетий назад были разработаны технические методы искусственного получения низких и сверхнизких температур.

А сегодня «космические» температуры пришли в лаборатории ученых и помогают им изучать природу различных веществ, а также создавать новые технические материалы.

Перед учеными, занимающимися физикой твердого тела, низкие температуры открыли широчайшие возможности для исследования твердого тела. Металлы раскрывают им новые, подчас загадочные свойства. «Космос» в лаборатории создают жидкий азот, водород и гелий.

Именно в царстве сверхнизких температур рождается будущее техники. Например, сейчас ведутся большие исследования сверхпроводимости металлов и сплавов. Оказалось, они могут иметь весьма важное практическое применение как материалы, делающие целый переворот в современной радиотехнической аппаратуре.

Весьма перспективно и исследование при низких температурах так называемых «переходных металлов», например, скандия, титана, ванадия, хрома, марганца, железа, группы редкоземельных металлов и других. Многие из них — это металлы, из которых завтра будут создаваться новые машины и агрегаты. Поэтому об их физических свойствах необходимо знать все сегодня, когда в лабораториях ученых зажигаются «маяки» завтрашнего дня.

А редкоземельные металлы — гадолиний, европий и другие?

Все это металлы, о которых еще вчера мы почти ничего не знали. Завтра они будут распространены так же, как сегодня железо.

Переходные металлы, их сплавы и соединения — это, возможно, материалы для корпусов пассажирских космических кораблей, для новых сверхмощных станков и автоматических линий, планетных вездеходов, на которых первые космонавты будут передвигаться по равнинам Марса.

Но не следует списывать со счетов и нашего «старого друга» — сталь, этот важнейший технический материал сегодняшнего дня. Надо улучшать и ее свойства. Мы хотим получить от стали максимальный предел прочности — тот, который подсказывают теоретики.

**Академик
В. Каргин:**

Освоение космоса ставит целый ряд проблем перед химией. Уже сегодня возникла интереснейшая проблема — проблема материалов. Новые материалы должны обеспечить защиту космонавта и корабля в полете. Для космонавтов необходимы специальные скафандры из упругого сверхкрепкого материала. Необычайной жаростойкостью должны обладать двигатели корабля. Материалы для их изготовления должна дать химия. Уже сейчас пластики реально конкурируют с металлами, особенно в летных конструкциях.

Современные полеты в космос дают нам возможность проверить на практике свойства многих синтетических материалов и сплавов. В результате таких проверок намечаются пути дальнейшего развития науки и техники.

Я считаю, что полеты человека на ближайшие и дальние планеты тесно связаны с освоением новых видов топлива. На смену химическому горючему, обладающему ограниченным запасом энергии, придет ядерное. Мощные двигатели новых космических кораблей, способных достичь планет и вернуться обратно, будут работать на энергии, высвобожденной в процессе управляемой термоядерной или атомной реакции.

**Действительный член Академии
медицинских наук СССР,
член-корреспондент
Академии наук УССР
Н. Сиротинин:**

Когда мы говорим о близких и дальних космических полетах, то неизменно подчеркиваем, что решающую роль в них сейчас играют космическая биология и медицина — две новые отрасли науки. Они «младенцы» по сравнению с такими «стариками», как обыкновенная «земная» медицина, физиология и биология, история которых насчитывает тысячелетия. Но космические «новорожденные» нашего века раздвинули строй «старичков» и стали стремительно развиваться.

Сейчас довольно распространено мнение, будто космическая биология и медицина очень далеки от жизни, устремлены только в будущее, а от сегодняшнего дня оторваны и не занимаются сугубо земными делами.

Да, у космической биологии и медицины блестящее будущее. Трудно даже представить уровень развития этих наук через 20, 30, 40 лет, когда межпланетные полеты станут такими же обыденными, как сегодня рейсы реактивных гигантов Ту-104 между Москвой и Киевом. Но я хочу подчеркнуть одну мысль: космическая биология и медицина будут всегда служить землянам...

...Работы в «новорожденных» отраслях науки дают очень много для физиологии, медицины и биологии, которые занимаются сугубо земными делами, то есть проблемами здоровья, долголетия человека, увеличения урожайности сельскохозяйственных культур, выращивания новых злаков и т. д.

Космос приучает человека по-иному взглянуть на природу, использовать ее более эффективно. На космическом корабле не должно быть отходов, ничто не должно пропадать. Но все, что мы делаем для кораблей-спутников, мы будем использовать и на Земле. Здесь существует, как говорят инженеры-кибернетики, обратная связь. Поэтому все, на первый взгляд только «космическое», получит обязательную прописку на Земле и найдет самое широкое распространение в нашей жизни.

Я верю в то, что человек покорит космос, станет его полноправным хозяином. Он построит на Марсе города, вырастит лунные сады, раскроет тайны Венеры и научится использовать ее ресурсы, проложит дорогу к звездам.

Пройдут годы, и человек грядущего уже не удивится, узнав, что «сдана в эксплуатацию» астрономическая обсерватория в районе Юпитера, что на трассе Земля — Луна перевозится в день до десяти тысяч пассажиров, что самый лучший дом отдыха — это марсианская орбитальная станция...

Мечта? Да, пока мечта, но уже не беспочвенная фантазия. Эти мечты основаны на замечательных успехах советской науки.

**Член-корреспондент
Академии наук СССР
Н. Келль:**

Три с половиной столетия назад Галилей направил свой самодельный телескоп на Луну и составил ее первую карту. Три века люди мечтали узнать, что находится на другой стороне нашего естественного спутника, которая всегда остается невидимкой. Десятки фантастических рассказов, повестей и романов создали писате-

ли. Какие только гипотезы не рождались, какими существами не населяло воображение фантастов невидимую часть Луны! И только в наше время человек впервые, наконец, проник в ее тайну.

В течение сорока минут фотографический глаз «осматривал» обратную сторону нашего естественного спутника. Полученные с автоматической межпланетной станции негативы были переданы на Землю. Провести фотографирование обратной стороны Луны было чрезвычайно трудно, необходимо было решить множество сложнейших инженерно-технических задач, впервые вставших перед нашими учеными, конструкторами, техниками и инженерами. И поэтому тоненькой книжкой с названием «Атлас обратной стороны Луны» — первым атласом, рассказывающим о рельефе «затылка» Луны, мы гордимся и вправе гордиться.

Мы смотрим на карту обратной стороны Луны. Тонкой линией вытянулся хребет Советский. Перед глазами мелькают горы и кратеры, получившие имена Максвелла, Ломоносова, Менделеева, Эдисона, Жолио-Кюри, Попова, Лобачевского, Цзу Чун-чжи, Циолковского... И кажется, история науки проходит перед нами: ее трудный, самоотверженный путь от Джордано Бруно до Игоря Васильевича Курчатова. Имена ученых всех времен и всех континентов, прославивших человеческий разум и приблизивших наше замечательное время — время покорения космоса, увековечены на карте Луны...

Рождается новая наука — космометрия. Первый опыт — фотографирование Луны, Марса. Но чтобы на стол ученых легли первые фотографии других соседей нашей планеты, необходимо провести серию различных экспериментов и исследований.

Как скажется на качестве будущих снимков атмосфера планет? Этот вопрос волнует всех, кто интересуется предстоящими работами в космосе.

**Академик
А. Яншин:**

Полеты искусственных спутников, доставка лунного грунта дали богатейший материал геологам. Сведения, полученные при помощи геофизических приборов, установленных на космических кораблях и искусственных спутниках Земли, рассказали ученым о распространении гравитационного и магнитного полей нашей планеты с такой точностью, которая недостижима при измерениях непосредственно у поверхности Земли.

Бесценный материал дали нам и измерения траекторных отклонений спутников, по которым также можно судить о распределении сил гравитационного поля Земли.

И если уже сейчас, после первых полетов в просторы Вселенной, когда человек сделал только первые шаги к звездам, получены такие результаты, то насколько велики перспективы, связанные с освоением человеком других планет солнечной системы!

Различные планеты как космические тела находятся на разных стадиях развития. Поэтому возможность их изучать дает богатейший материал для понимания истории развития Земли.

Попав на некоторые из других планет, мы сможем как бы переместиться в прошлое, наблюдать явления, протекавшие на Земле десятки и сотни миллионов лет назад. Ясно, что эти наблюдения помогут нам расшифровать многие страницы летописи развития Земли.

Известно, что в солнечной системе пока не найдены элементы, которые не встречались бы на Земле. Но они распределены несколько иначе, чем на нашей планете. Очевидно, в этом «виновато» внутреннее устройство Земли. Изучение наших космических соседей по солнечной системе даст не менее ценный материал для понимания внутреннего строения нашей планеты. Пока даже сверхмощные буровые установки смогли «вскрыть» земную кору лишь на глубину, немногим превышающую 7 километров. Сейчас в нашей стране предполагается штурмовать земную кору до глубины 15 километров. А на других планетах мы, вероятно, сможем наблюдать явления, аналогичные тем, которые происходят в глубинах Земли.

Что касается использования природных богатств других планет, то вряд ли будет экономически целесообразным транспортировать их на Землю.

Однако те виды минерального сырья, которые идут на изготовление горючего для космических кораблей, будут, вероятно, прежде всего изучать и добывать на других планетах. Это позволит дозаряжать там ракеты для дальних полетов. По мере же освоения планет будут осваиваться и другие их минеральные ресурсы.

**Старший научный сотрудник
Центрального института прогнозов
Р. Усманов:**

Верхней границей атмосферы считали раньше 500, а затем 1000 километров. Теперь, по мере активного и

успешного проникновения в космос, становится ясно, что ограничивать атмосферу Земли этими высотами нельзя, ибо процессы, происходящие даже в очень сильно разреженной атмосфере, находятся в единой цепи этих явлений, наблюдавшихся в воздушной оболочке Земли. Успехи в исследовании космоса ставят перед геофизиками-метеорологами новые задачи, обязывая их пересмотреть установившиеся в метеорологии представления... Так, например, оказалось, что в условиях невесомости при нормальном давлении в кабине космического корабля даже значительные температурные контрасты не приводят к возникновению циркуляции между теплым и холодным воздухом. Для того чтобы создать нормальные условия работы в кабине космического корабля, приходится прибегать к искусственной вентиляции для перемещения воздуха, то есть для выравнивания температуры и влажности во внутренней части кабины. В метеорологии, как известно, да и сейчас считается, что единственный источник энергии циркуляции атмосферы — это температурные контрасты, возникающие и непрерывно наблюдающиеся между полярными и тропическими широтами. Между тем отсутствие циркуляции между теплым и холодным воздухом в условиях невесомости наводит на мысль о том, что циркуляция атмосферы определяется, по-видимому, не столько температурными контрастами, сколько возмущениями гравитационного поля, что сами температурные контрасты могут появляться как результат движения атмосферы, возникшего благодаря малозаметным колебаниям гравитационного поля. Это еще только гипотеза, требующая многократного экспериментального и теоретического исследования, но гипотеза, которая уже возникла в результате успехов советской науки в исследовании космоса.

Полеты космических кораблей и искусственных спутников Земли для метеорологии имеют не только познавательный интерес, но и чисто практический, ибо при помощи таких полетов можно обозревать Землю с больших высот и получать картину распределения облачности над земной поверхностью. А ведь облака и изменения их — это и есть та погода, которая радует или печалит нас. На снимках земной поверхности, сделанных из космоса, можно четко различать волны и гряды облаков, образующие спиралевидные облачные вихри, которые несут ненастную погоду с дождями, снегопадами и сильными штормовыми ветрами. Между этими циклоническими вихрями наблюдаются области или зоны хорошей погоды, характерные для антициклонов.

А чтобы предвидеть изменения погоды, надо знать, где располагались и располагаются эти циклоны и антициклоны. И чем больше срок, на который надо дать прогноз, тем большие площади земной поверхности должны быть освещены метеорологическими данными. Эти данные в настоящее время поступают от многих тысяч метеорологических станций, расположенных на суше в различных частях Земли. Но планета наша океаническая: две трети ее поверхности заняты морями и океанами. Эти районы освещаются метеорологическими данными еще очень плохо. Искусственные спутники Земли и космические корабли, управляемые человеком-исследователем, открывают невиданно широкие возможности для получения быстрой и полной информации о состоянии погоды. Они смогут дать картину состояния погоды не только на ограниченных территориях, но и на всем земном шаре.

**Учсный секретарь
Института радиотехники
и электроники
Академии наук СССР
К. Палатов:**

Проникновение человека в космос окажет сильное влияние на развитие радиотехники и электроники.

Изучение верхних слоев атмосферы и космического пространства позволит прогнозировать состояние ионосферы, а стало быть, и устойчивость различных систем радиосвязи и радионавигации на Земле.

Использование искусственных спутников Земли даст возможность осуществить наиболее простую и надежную всемирную систему радиосвязи и телевидения, а также надежные радионавигационные системы.

Потребности, рожденные космическими полетами, неизбежно приведут к разработке принципиально новых радиотехнических систем, способных обеспечивать исключительно надежную связь на расстояниях во многие миллионы километров. Это повлечет за собой общее развитие радиоэлектроники, в том числе таких ее молодых разделов, как полупроводниковая, квантово-механическая, молекулярная и биологическая электроника.

Достижения радиоэлектроники в космосе будут использованы и на Земле, в первую очередь для решения вопросов автоматизации промышленного и сельскохозяйственного производства, ускорения сообщений, внедрения в биологию, медицину и во многие другие области человеческой деятельности.

Вот зачем летают космические корабли.
Это сегодня. А завтра? Разрешите, товарищи скептики, немножко помечтать.

Кажется, совсем недавно буйствовал молодой листовой тот памятный апрельский день, когда мир узнал о первом проникновении человека в космос.

— Готовьтесь, товарищи, к большому плаванью. Кораблей хватит на всех,— сказал нам тогда Сергей Павлович Королев.

Его слова сбываются. «Космического полку' прибыло»,— систематически рапортует Родине Звездный. В операционном зале нашего городка есть огромный глобус. Он весь исполосован красными линиями. Это траектории орбит советских космических кораблей. Здорово укатали космическую дорогу! А ведь когда-то на глобусе была только одна линия — борозда Гагарина.

Однажды (было это во время полета Валентины Терешковой) ехал я на пункт управления. По пути взял в машину «голосовавшего» на дороге старичка в морском кителе. Он вдруг повернулся ко мне и спросил:

— Скажите, пожалуйста, а это правда, что женщины там, на корабле?

— Да, летает. И даже управление кораблем брала на себя.

— Я, конечно, понимаю. Все это так. Но все же как-то странно: женщина и корабль...

Неведомо, с каких времен пошло поверье, будто женщина приносит несчастье кораблю. Говорят, даже самые храбрые моряки считали: женщина ступит на палубу — быть беде.

Морской корабль — еще куда ни шло, а то космический. Подумать только!

Мой друг Алексей Леонов совершил невиданный в истории человечества эксперимент — выход в открытый космос. Расправив руки, как крылья, он парил, плавал над земным шаром. Кстати, вместо слов «плавать в космосе» теперь иногда пользуются словом — «леоновить». Алексей «леоновил» в скафандре, в котором можно шагать по Луне. За бортами советских кораблей пронесли десятки миллионов километров. Это, считай, полпути к Венере!

А сейчас мы шагаем по аллеям Звездограда. Вы простите нашему маленькому городку столь громкое название. Но взглядываясь в его нынешние приметы, я вижу перед собой другой, по-настоящему большой город. Вот тут будут ажурные корпуса жилых домов. На главной магистрали расположатся административные

здания, школы, институты и, быть может, Академия космических наук.

В самом центре Звездограда, конечно, — музей. Кто знает, может, им станет один из нынешних наших учебных корпусов или профилакторий, где мы отдыхаем перед дальней космической дорогой. Пусть потомки воочию увидят, где учились и жили космонавты. На самое почетное место, видимо, поставят «Восток-1». Наверняка на цоколь вознесут ракегоплан, первым слетавший на другую планету. На его борту, как в боевые годы на фюзеляжах самолетов, будут алеть звезды: столько-то рейсов совершено к дальней соседке. Тут же имена пилотов. Рядом с кораблем, на пьедестале, — кусочек инопланетного камня. Женщины, конечно, дольше обычного задержатся у «Востока-6».

Ну, а дальше, от центра до окраин, выстроятся в шеренгу театры, космические лаборатории, дворцы спорта.

А вот там, где нынче дыбится частокол ограды, может быть, раскинется космодром. Из-за верхушек сосен покажется конус Голубой Стрелы, приготовленной к очередному космическому рейсу.

Эту картину я не только вижу, а чувствую, слышу... Пока же стоит тишина. Лишь сосны шумят. Качая седыми кронами, они вспоминают голоса первых звездопроходцев. А над космодромом — высокое, как сегодня, небо. И вдруг раздается:

— Голубая Стрела «Гагарин» стартует в восемь сорок пять по московскому времени. Рейс Москва — Сатурн. Посадки: Марс, Венера...

Вы ждите, звезды, с голубой планеты
Посланцев счастья. Мы идем в поход.
И на небесных перекрестках где-то
Мы с вами встретим Звездный Новый год.

...Спит лес. Бегут огни за рощей молча,
Как будто стайка рыженьких лисят.
О чем не помечтаешь этой ночью,
Когда Стожары путь тебе пророчат,
Подковой счастья над Землей висят!

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе и его книге	5
ДЫМ ОТЕЧЕСТВА	7
Ой Днипро, Днипро	9
Поле	12
Аисты	16
И сахар бывает соленым	18
Отвяжись, худая жизнь!	22
Друг мой Лешка	25
Моя Магнитка	28
Гора с горой...	31
Ищу аэродром	35
Духовная слетанность	39
Немного истории аэроклуба	42
Прощальный концерт	45
Старый ясень	47
ЖАЖДА ВЫСОТЫ	53
Чубчик кучерявый	55
Скорость	58
Четверо в «каюте»	59
И малые звезды украшают небо	61
Где мы встречались?	63
Рекомендация	66
НВБ	70
Вечерний разговор	73
«Россомаха»	78
Не молот кует	81
Больше привязанности	84
Поэзия полета	87
ЧТО ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ?	89
Точка опоры	91
Рождение песни	93
С ветром в обнимку...	97
Не супермены и не ангелы	99
Высокое напряжение	103
Поехали!	105
Секретарские хлопоты	115
Шаг второй	116
«Зоре моя вечерняя...»	121
ШАГИ ЗА ОБЛАКАМИ	125
Встретимся на орбите	127
Звезды и днем не гаснут	133
Чем пахнет пыль	139
Здравствуй, Магнитка!	143
Дыхание миллионов	148
«Подмосковные вечера» у экватора	150
КОМУ ИДТИ ДАЛЬШЕ	155
Нас двадцать семь	157
Оставаясь на рабочих местах...	167
Земля людей, ее соседи	173
Кому идти дальше	181

Павел Романович Попович

ВЫЛЕТАЮ УТРОМ

Литературная запись
Николая Котыгиа

Художник
Олег Шамро

Редактор **Л. А. Кузьмина**
Художественный редактор **Г. Л. Ушаков**

Технический редактор **Д. А. Стеганцева**
Корректор **В. Н. Лапидус**

Г — 32163. Сдано в набор 26/IV — 1973 г. Подписано к печати 30/VII — 1973 г. Изд. № 3/6610. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага машинно-мелованная. Тираж 100 000 экз. Цена в переплете № 5 — 1 руб. 17 коп., в переплете № 4 — 1 руб. 27 коп. Объем физ. п. л. 12,0 + цветная вкладка 2,0 ф. п. л. Усл. п. л. 14,0. Уч.-изд. л. 14,772. Зак. 3—1346.

И $\frac{1124-001}{072(02)-74}$ 23—73

Изд-во ДОСААФ, 107066, Москва, Б-66, Новорязанская ул., д. 26

Главное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига», Госкомиздата УССР, г Киев, вл. Довженко, 3.

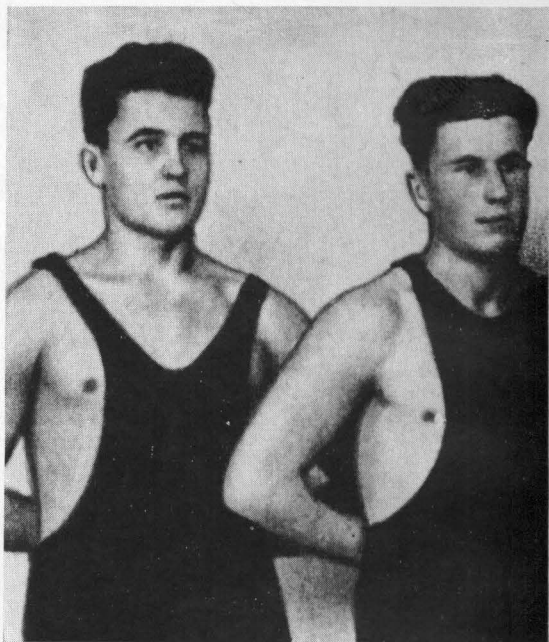

1 Первая проба сил

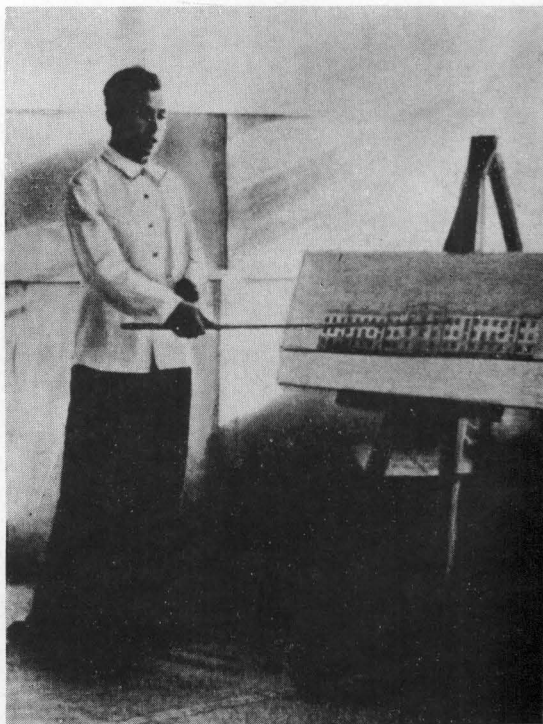
1

Защита
техникумовский диплом,
пытаюсь доказать:
наше общежитие
надо перестроить

2

2

Белоцерковские
однокашники
по ремесленному.
Мы с Толей Семеновским
3 в последнем ряду слева

3

3

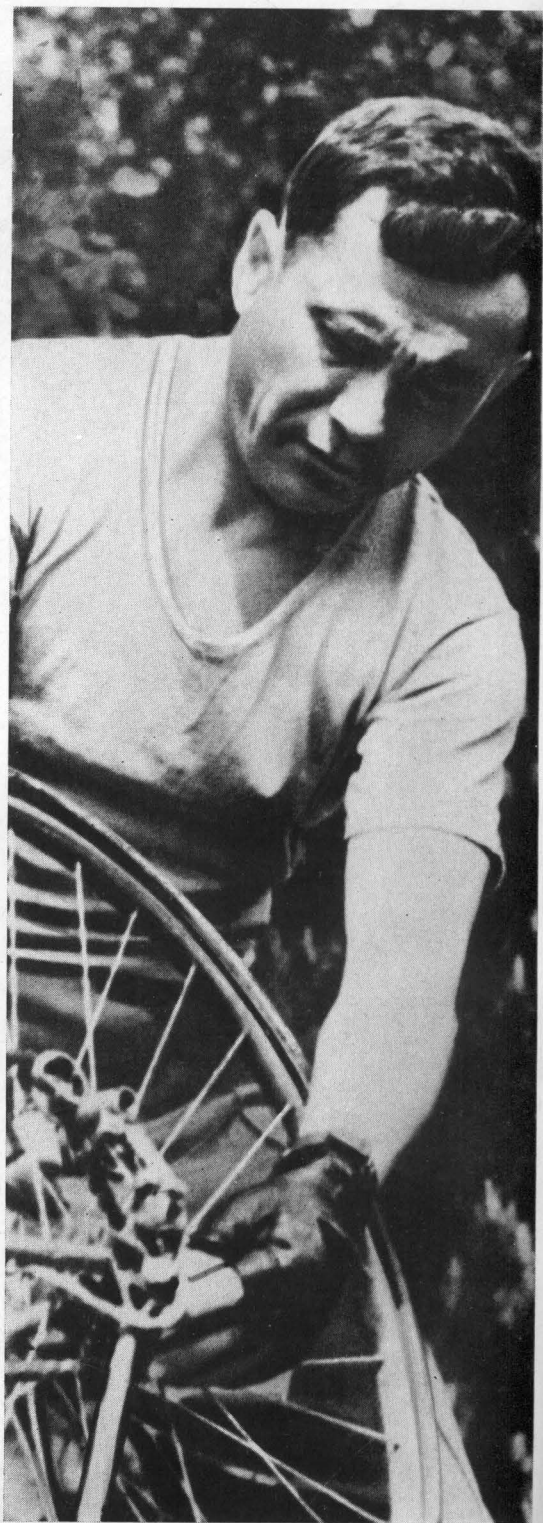

1 Любишь кататься...

1

2 Аэроклубовцы в полете...

...И перед
3 парашютными прыжками

2

3

1 Батут

1

2 Чтоб не кружилась
2 голова...

2

3 Через пятнадцать минут
3 шагнем за борт самолета

4 Шефы и подшефные —
4 сборные ЦК комсомола
и Звездного

3

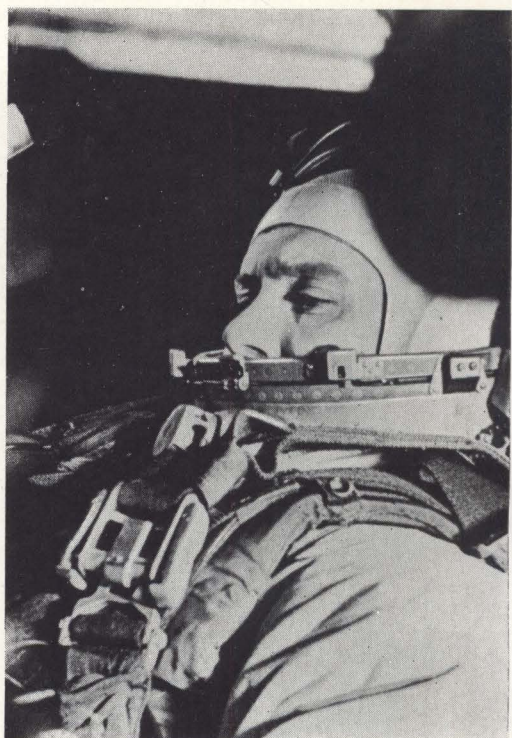

4

Обживаю свое
1 космическое жилище

1

2 Центрифуга

2

3 На ВДНХ

Утро
4 на Байконуре

3

4

1 В ожидании старта

1

2 Космос. Невесомость

3 Дома

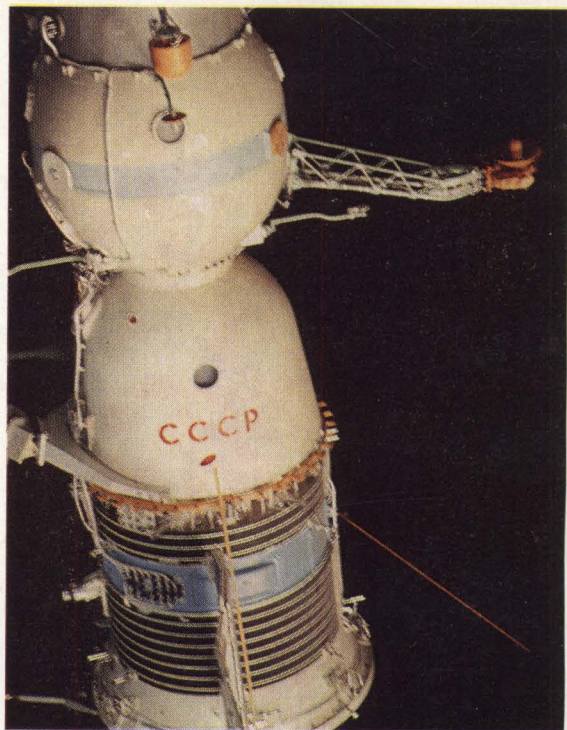
2

3

1 Стыковка

1

Кремль,
2 18 августа 1962 года

2

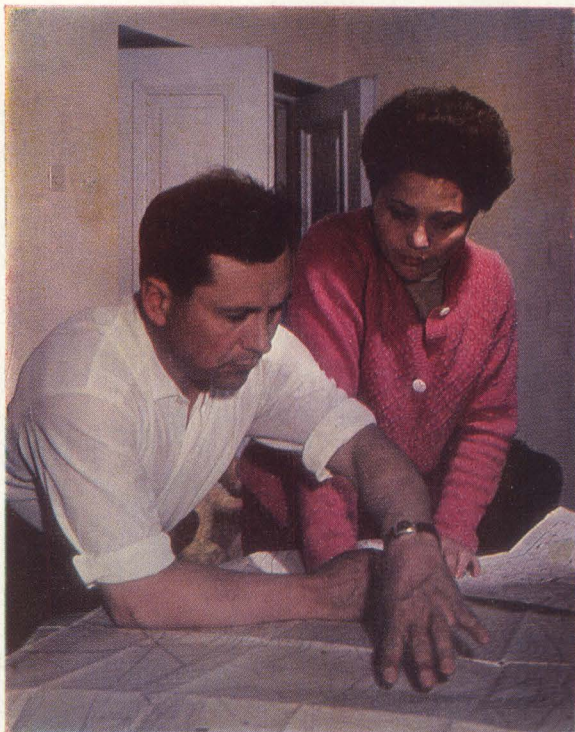
1 Каверзный вопрос

1

2 Начертательная
геометрия

2

3 Сев

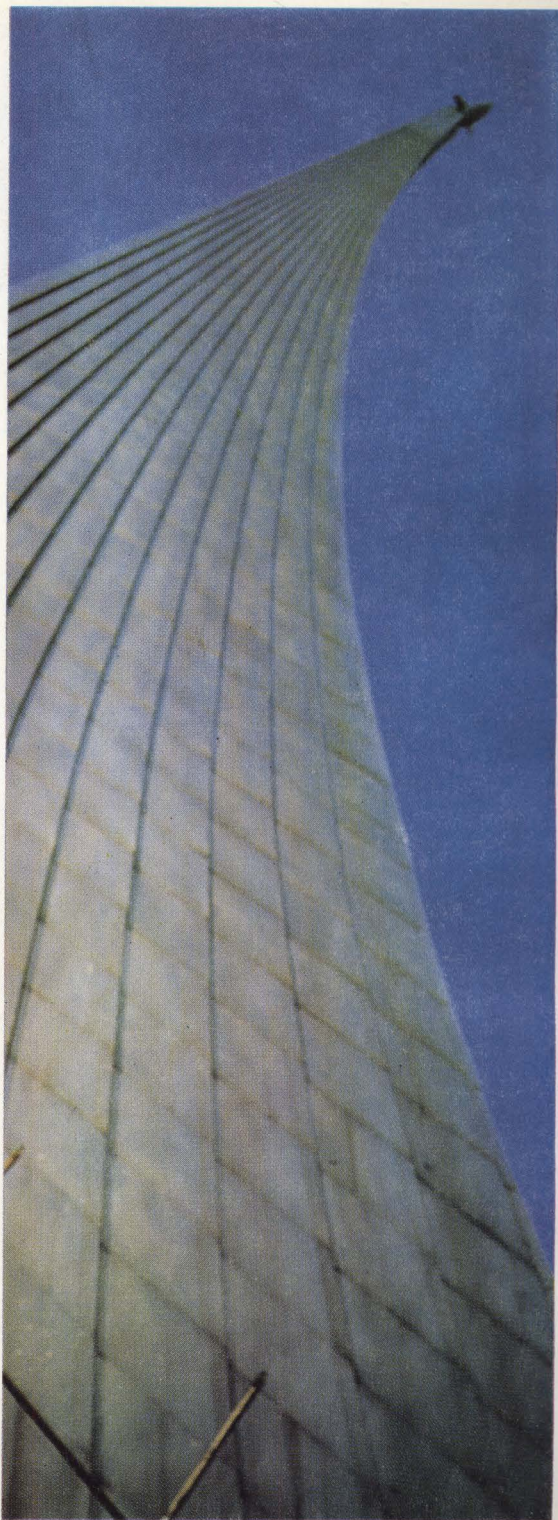

Звездным
1 первопроходцам

1

2 Автографы

Нам вручили награды
3 мужественного Вьетнама

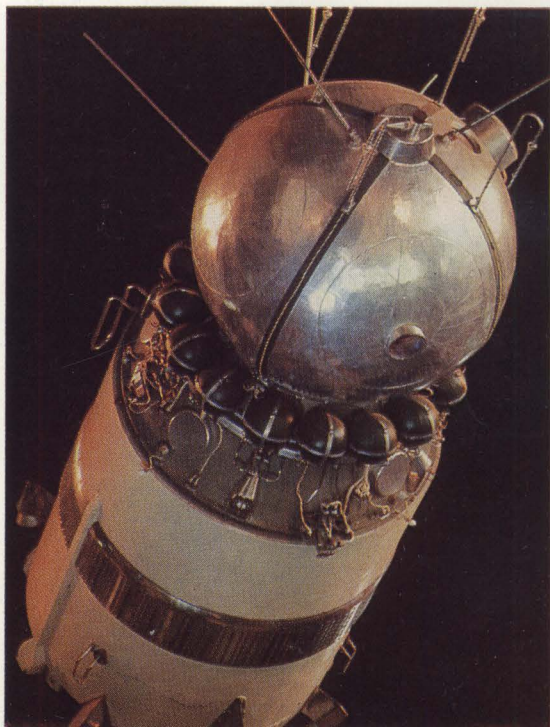

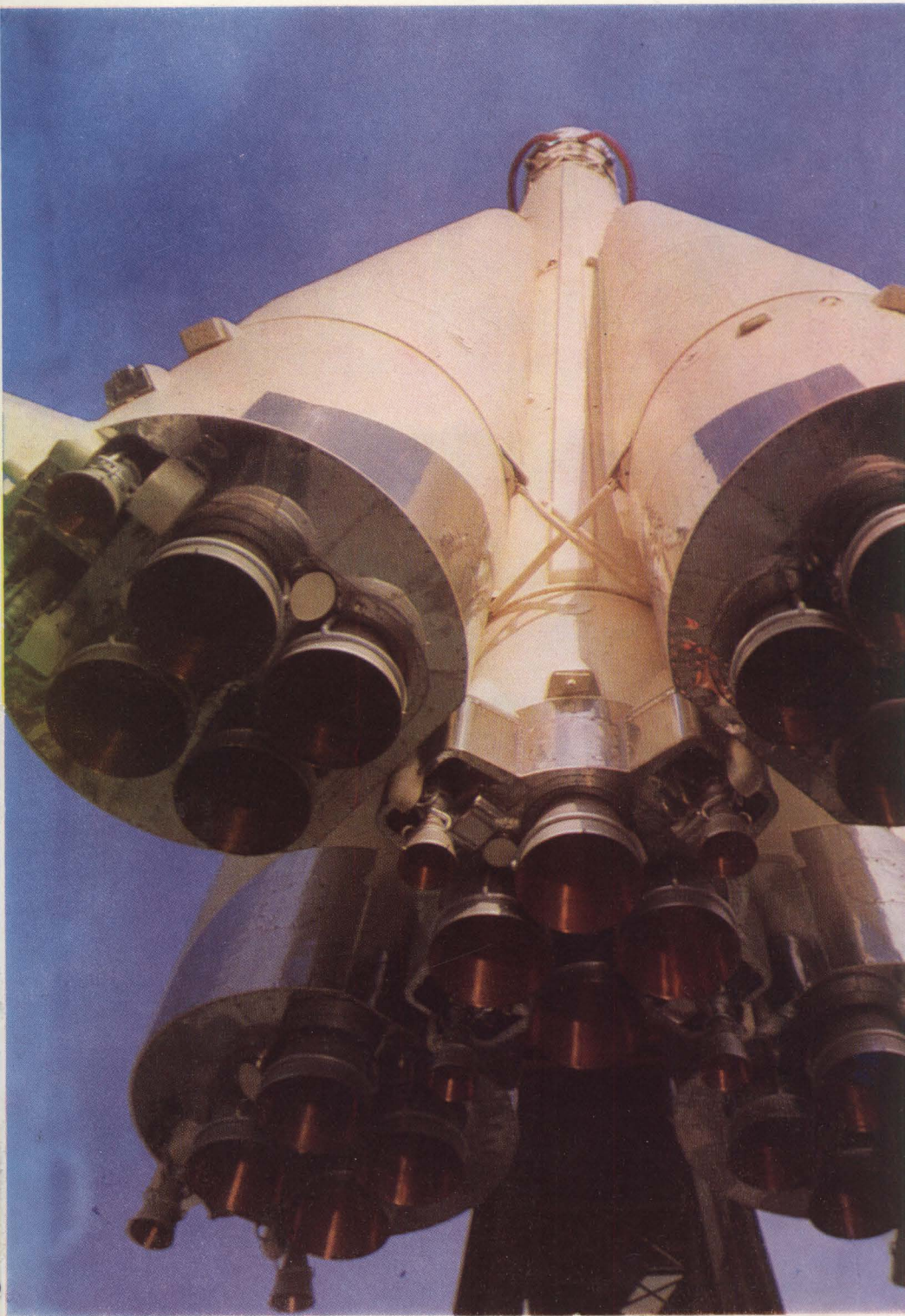

2

3

Звездный.

1 В этом доме мы живем

1

Космические

2 экспонаты на ВДНХ

2

3 У Броз Тито

4 Хлеб-соль Украины

1 На работу

1

2 Тяжела ты,
папина «шанка»!

2

3 Настроение

Друзья
1 из Африки

1

2 Дарницкая ткацкая

2

3 В гостях у брата

4 Люблю веселых людей

3

4

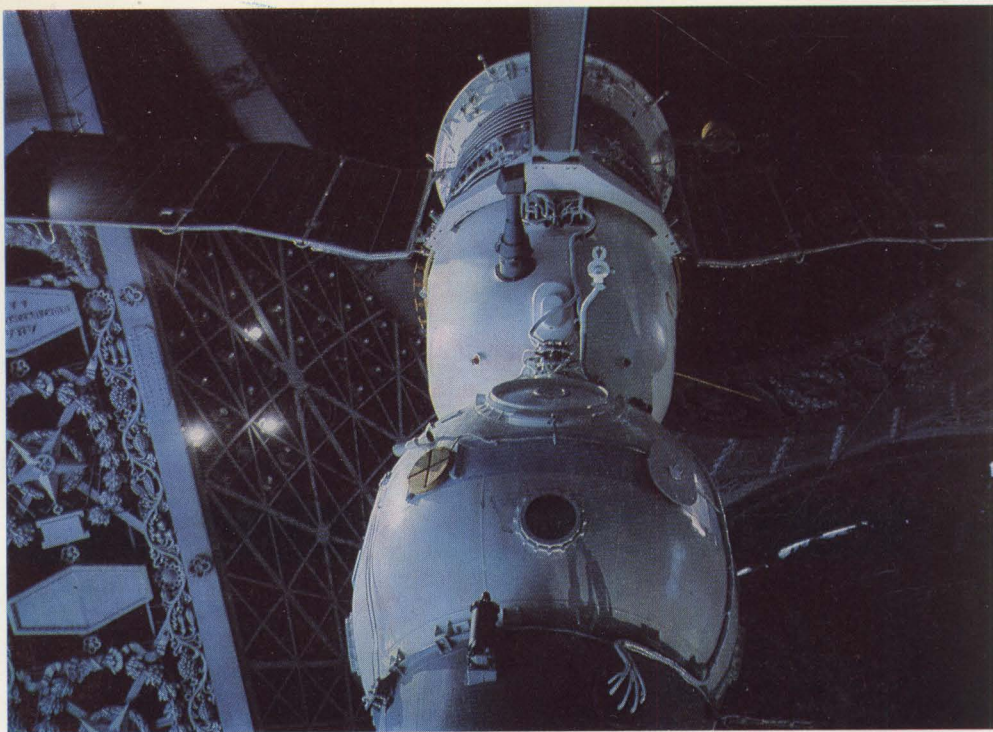
В горах Сьерра
Маэстро.
Беседа с национальным
героем Кубы
1 летчиком Дугласом

1

2 Звездный дом

Репродукция
с картины художника
3 А. Горбенко

2

3

1 руб. 27 коп.